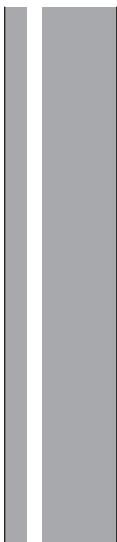

ВЕСТНИК МАЙКОПСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Том 17 № 2 2025

<i>История издания журнала:</i>	Журнал издается с 2009 года
<i>Наименование:</i>	Вестник Майкопского государственного технологического университета Том 17, № 2 2025
<i>Периодичность:</i>	4 выпуска в год
<i>Префикс DOI:</i>	10.47370
<i>ISSN:</i>	2078-1024
<i>Свидетельство о регистрации средства массовой информации:</i>	Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-85521 от 04 июля 2023 г.
<i>Условия распространения материалов:</i>	Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
<i>Подписка на журнал «Вестник Майкопского государственного технологического университета»</i>	Подписку на журнал «Вестник Майкопского государственного технологического университета» можно оформить по индексу Э66022 на сайте Объединенного каталога «Пресса России» www.pressa-rf.ru , в электронном каталоге Почты России по индексу ПК399, а также по индексу 66022 в электронном каталоге УРАЛ-ПРЕСС https://www.ural-press.ru/
<i>Учредитель / издатель:</i>	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет» 385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191
<i>Редакция:</i>	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет» 385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191, тел.: 8(8772) 52 30 03 e-mail: vestnik@mkgtu.ru http://vestnikmkgtu.ru/
<i>Типография:</i>	Индивидуальный предприниматель Кучеренко Вячеслав Олегович 385008, г. Майкоп, ул. Пионерская, д. 403, офис 33 e-mail: slv01@yandex.ru
<i>Дата публикации:</i>	30.06.2025
<i>Тираж:</i>	500 экз.
<i>Стоимость одного выпуска:</i>	Цена свободная

**VESTNIK
MAJKOPSKOGO
GOSUDARSTVENNOGO
TEHNOLOGIČESKOGO
UNIVERSITETA**

Volume 17 No. 2 2025

<i>Journal publishing history:</i>	The journal has been published since 2009
<i>Title:</i>	Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta Volume 17, No. 2 2025
<i>Frequency:</i>	4 issues a year
<i>DOI prefix:</i>	10.47370
<i>ISSN:</i>	2078-1024
<i>Mass media registration certificate:</i>	Registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). Certificate PI № FS77-85521, July 04, 2023
<i>Content distribution terms:</i>	Content is distributed under Creative Commons Attribution 4.0 License
<i>Subscription to «Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta» journal:</i>	You can subscribe to «Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta» journal on the website of the «Press of Russia» United Catalog www.pressa-rf.ru under the E66022 index and in the electronic catalog of the Russian Post under the PK399 index, and in the electronic catalog of the Ural Press under the 66022 index https://www.ural-press.ru/
<i>Founder/Publisher:</i>	«Maykop State Technological University» 385000, Maikop, 191, Pervomayskaya str.
<i>Editorial office:</i>	«Maykop State Technological University» 385000, Maikop, 191, Pervomayskaya str. tel.: 8(8772) 52 30 03 e-mail: vestnik@mkgtu.ru http://vestnikmkgtu.ru/
<i>Printing house:</i>	Kucherenko Vyacheslav Olegovich sole proprietorship 385008, Maykop, 403 Pionerskaya str., office 33 e-mail: slv01@yandex.ru
<i>Publication date:</i>	30.06.2025
<i>Circulation:</i>	500 copies
<i>The cost of one issue:</i>	Free price

16+

МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Тхакушинов Асланчериי Китович, доктор социологических наук, профессор, действительный член (академик) Российской академии образования, президент ФГБОУ ВО «МГТУ», заведующий кафедрой философии, социологии и педагогики ФГБОУ ВО «МГТУ»

Зам. главного редактора:

Овсянникова Татьяна Анатольевна, доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе и инновационному развитию

Члены редакционной коллегии:

Бадмаев В.Н., доктор философских наук, профессор (ФГБОУ ВО «КалмГУ им. Б.Б. Городовикова», г. Элиста, Россия);

Нехай В.Н., доктор социологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «АГУ», г. Майкоп, Россия);

Азашиков Г.Х., доктор философских наук, профессор (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Хагуров Т.А., доктор социологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КубГУ», г. Краснодар, Россия);

Сиухова А.М., доктор культурологии, доцент (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Кудаева С.Г., доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Сефербеков Р.И., доктор исторических наук, профессор (ФГБУН ИИАЭ ДФНЦ РАН, г. Махачкала, Россия);

Мусхаджисев С.-Х.Х., кандидат исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Поддубная Т.Н., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КГУФКСТ», г. Краснодар, Россия);

Алиева С.И., доктор исторических наук, профессор (Азербайджанский государственный педагогический университет, г. Баку, Азербайджанская Республика);

Солов А.В., доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Шувакович У.В., доктор политических наук, профессор (PhD), (Приштинский университет, г. Белград, Сербия);

Кечина Е.А., доктор социологических наук, профессор (Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор (РУДН, г. Москва, Россия);

Омер Турэн, доктор исторических наук, профессор (Технический университет Ближнего Востока, г. Анкара, Турция);

Хагуров А.А., доктор социологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КубГАУ», г. Краснодар, Россия);

Пивненко П.П., доктор педагогических наук, профессор (ФГАОУ ВО «РостГМУ», г. Ростов-на-Дону, Россия);

Бегидова С.Н., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «АГУ», г. Майкоп, Россия);

Волкова О.А., доктор социологических наук, профессор (ОУП ВО «АТиСО», г. Москва, Россия);

Панеш А.Д., доктор исторических наук, доцент (ГБУ РА «АРИГИ им. Т.М. Керашева», г. Майкоп, Россия);

Чумичева Р.М., доктор педагогических наук, профессор (ФГАОУ ВО «ЮФУ, Академия психологии и педагогики», г. Ростов-на-Дону, Россия);

Лукьяненко В.П., доктор педагогических наук, профессор (ФГАОУ ВО «СКФУ», г. Ставрополь, Россия);

Мусханова И.В., доктор педагогических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ЧГУ», г. Грозный, Россия);

Гапуров Ш.А., доктор исторических наук, профессор (ГКНУ «Академия наук Чеченской республики», г. Грозный, Россия);

Соловей Т.Д., доктор исторических наук, профессор (МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия);

Карлов В.В., доктор исторических наук, профессор (МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия);

Амирова Л.А., доктор педагогических наук, доцент (ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы», г. Уфа, Россия);

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор (Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Москва, Россия);

Краснощекова Г.А., доктор педагогических наук, доцент (Южный федеральный университет, г. Таганрог, Россия);

Ромашина Е.Ю., доктор педагогических наук, профессор (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия);

Бенин В.Л., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы», г. Уфа, Россия);

Жаркынбаева Р.С., доктор исторических наук, профессор (Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан);

Бобкова Е.М., доктор социологических наук, доцент (Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Институт государственного управления права и социально-гуманитарных наук, г. Тирасполь, Молдова. Приднестровье);

Маликов Р.Ш., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», г. Набережные Челны, Россия).

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:

Chief Editor:

Tkhakushinov Aslancheriy Kitovich, Doktor of Sociologikal Sciences, Professor, a full member (academician) of the Russian Education Academy, President of FSBEI HE «MSTU», head of the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogics of FSBEI HE «MSTU»

Deputy Chief Editor:

Ovsyannikova Tatiana Anatoljevna, PhD, Professor, prorector for scientific work and innovative development

Members Editorial Board:

Badmayev V.N., Ph.D., professor (FSBEI HPE «KalmSU named after B.B. Gorodovikov», Elista, Russia);

Nekhay V.N., Dr Sci. (Sociology), associate professor (FSBEI HE «ASU», Maikop, Russia);

Azashikov G.H., Ph.D, professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Khagurov T.A., Dr Sci. (Sociology), professor (FSBEI HE «KubSAU», Krasnodar, Russia);

Siyukhova A.M., Dr Sci. (Culturology), associate professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Kudayeva S.G., Dr Sci. (Hist.), professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Seferbekov R.I., Dr Sci. (Hist.), professor (FSBIS IHAE DFSC of the RAS, Makhachkala, Russia);

Muskhadzhiev S.-H.H., PhD (History), associate professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Poddubnaya T.N., Dr Sci. (Ped.), professor (FSBEI HE «KSUPCS», Krasnodar, Russia);

Alieva S.I., Dr Sci. (Hist.), professor (Institute of History of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku the Azerbaijan Republic);

Sopov A.V., Dr Sci. (Hist.), professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Shuvakovich U.V., Dr Sci. (Politics), professor (Pristina University, Belgrad, Serbia);

Kechina E.A., Dr Sci. (Sociology), professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus);

Amirova L.A., Dr Sci. (Ped.), associate professor (FSBEI HE «BSPU named after M. Ak-mulla», Ufa, Russia);

Narbut N.P., Dr Sci. (Sociology), professor (PFUR, Moscow, Russia);

Omer Turan, Dr Sci. (Hist.), professor (Middle East Technical University, Ankara, Turkey);

Khagurov A.A., Dr Sci. (Sociology), professor (FSBEI HE «KubSU», Krasnodar, Russia);

Pivnenko P.P., Dr Sci. (Ped.), professor (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia);

Begidova S.N., Dr Sci. (Ped.), professor (FSBEI HE «ASU», Maikop, Russia);

Volkova O.A., Dr Sci. (Sociology), professor (EITU HE «ALandSR», Moscow, Russia);

Panesh A.D., Dr Sci. (Hist.), associate professor (SBI RA «ARIHR named after T.M. Kerashew», Maikop, Russia);

Chumicheva R.M., Dr Sci. (Ped.), professor (FSAEI HE «SFU, Academy of Psychology and Pedagogy», Rostov-on-Don, Russia);

Lukyanenko V.P., Dr Sci. (Ped.), professor (FSAEI HE «NCFU», Stavropol, Russia);

Muskhanova I.V., Dr Sci. (Ped.), associate professor (FSBEI HE «ChSU», Grozny, Russia);

Gapurov Sh.A., Dr Sci. (Hist.), professor (SOSI «The Chechen Republic Academy of Sciences», Grozny, Russia);

Solovey T.D., Dr Sci. (Hist.), professor (MSU named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia);

Karlov V.V., Dr Sci. (Hist.), professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (MSU named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia);

Benin V.L., Doktor of Pedagogics, a professor, (FSBEI HE «BSPU named after M. Ak-mulla», Ufa, Russia);

Golenkova Z.T., Dr Sci.(Philosophy), professor (Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia);

Krasnoshchekova G.A., Dr Sci. (Ped.), associate professor (The Southern Federal University, Taganrog, Russia);

Romashina E.Yu., Dr Sci. (Ped.), professor (Tula state pedagogical university named after L.N. Tolstoy, Tula, Russia);

Zharkynbayeva R.S., Dr Sci. (Hist.), professor, (Kazakh National University named after al-Farabi, Almaty, Kazakhstan);

Bobkova E.M., Dr Sci. (Sociology), associate professor (Trans-Dniester state university named after T.G. Shevchenko, Institute of Public Administration, Law and Social and Human sciences, Moldova, Tiraspol, Trans-Dniester);

Malikov R.Sh., Dr Sci. (Ped.), professor (Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Э.Б. Вахидов. Исторический портрет последнего крымского хана Шагин Гирея	11
С.А. Сеитмеметова. Повседневная жизнь крымских мурз в интеллектуальном наследии и личном книжном собрании Исмаила Гаспринского	22
Л.С. Царева. Рубаха. К вопросу этнографического исследования одежды северокавказского казачества	38
Э.М. Чачи. Количественные показатели участия крымских татар в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов	55

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.Г. Заболотний, М.Е. Миргородская, А.О. Москаленко, А.И. Лосева. Цифровые технологии в образовании: взгляд студентов медицинского вуза	65
В.И. Зарубин, И.В. Андреева. Интегрированная процессно-проектная модель функционирования средней общеобразовательной организации	81
С.В. Трусов. Методика применения технологий искусственного интеллекта для создания студенческих письменных работ в российских вузах	99
А.А. Христолюбова, М.В. Золотова, Н.В. Ваганова. Обучение второму иностранному языку на базе русского языка и английского языка как первого иностранного студентов программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» в неязыковом вузе (начальный этап)	111

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

М.С. Нахушева, С.А. Киржинова. Цифровизация в государственном и муниципальном управлении: анализ эффективности информационно-коммуникационных площадок органов власти в предоставлении услуг населению	125
Л.В. Рожкова, А.Ш. Дубина, Е.Б. Тепляков. Роль научно-исследовательской работы студенческой молодежи в образовательном процессе вуза	139
М.А. Тлевцежева. Университеты как системообразующие факторы социокультурного пространства региона	152
А.К. Тхакушинов, А.М. Сиюхова, М.К. Тлехурай. О роли некоммерческого сектора в профилактике терроризма, экстремизма и глобальных информационных угроз в Республике Адыгея	162

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

E.B. Vakhidov. Historical portrait of Shagin Giray, the last Crimean Khan	11
S.A. Seitmemetova. The Daily life of the Crimean Murzas in the intellectual heritage and personal book collection of Ismail Gasprinsky	22
L.S. Tsareva. The Traditional Shirt. An Ethnographic Study of the Clothing of the North Caucasian Cossacks	38
E.M. Chachi. Quantitative indicators of the participation of the Crimean Tatars in the Great Patriotic War of 1941–1945	55

PEDAGOGICAL SCIENCES

A.G. Zabolotniy, M.E. Mirgorodskaya, A.O. Moskalenko, A.I. Loseva. Digital technologies in education: the view of medical students	65
V.I. Zarubin, I.V. Andreeva. Integrated process-project model of functioning of a secondary educational organization	81
S.V. Trusov. Methodology of using artificial intelligence technologies to create student written works in Russian universities	99
A.A. Khristolyubova, M.V. Zolotova, N.V. Vaganova. Teaching a second foreign language based on Russian and English as the first foreign language to students of the program «Interpreter/translator in the field of professional communication» at a non-linguistic university (initial stage)	111

SOCIOLOGICAL SCIENCES

M.S. Nakhusheva, S.A. Kirzhinova. Digitalization in public service: effectiveness analysis of information and communication platforms of government bodies in providing services to the population	125
L.V. Rozhkova, A.Sh. Dubina, E.B. Teplyakov. The role of research work of students in the educational process of a university	139
M.A. Tlevtsezheva Universities as a systemic factor of the socio-cultural space of the region	152
A.K. Tkakushinov, A.M. Siyukhova, M.K. Tlekhurai. On the role of the non-profit sector in the prevention of terrorism, extremism and global information threats in the Republic of Adygea.	162

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-11-21>
УДК 947.04/06(477.75)

Исторический портрет последнего крымского хана Шагин Гирея

Э.Б. Вахидов

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова
г. Симферополь, Республика Крым
 ernesvahidov@yandex.ru*

Аннотация. Введение. В статье рассмотрена роль личности Шагин Гирея в социально-политическом положении Крымского ханства, которое пыталось сохранить свою независимость в борьбе между Российской и Османским государствами в последней четверти XVIII века. Целью статьи является восстановление исторического портрета последнего Крымского хана Шагин Гирея в контексте взаимоотношений независимого Крымского ханства с Османской и Российской империями.

Материалы и методы исследования. Важным объектом исследования в работе является дальнейшая судьба Шагин Гирея и переезд в Российскую империю после отречений от престола в 1783 году. В основе материалов исследования была использована зарубежная и отечественная научная литература. В ходе исследования были использованы методы: источниковедческий, историко-сравнительный, общенаучные (анализ, сравнение, обобщение, синтез).

Результаты исследования. Статья обусловлена введением в научный оборот малоизвестных историографических материалов зарубежной литературы. В работе комплексно исследуется биография Шагин Гирея, проводится развернутый анализ его реформаторской деятельности. На основе опубликованных источников автор описывает период переселения в Воронеж, а затем и в Калугу. На базе изучения современной зарубежной историографии автором описывается наименее исследованный период жизни Шагин Гирея после отъезда в Османскую империю в начале 1787 года, а также репрезентация обстоятельств смерти на острове Родос в отечественной историографии.

Обсуждение и заключение. В ходе исследования автором сделан вывод о том, что Шагин Гирей сыграл большую роль в реформировании Крымского ханства в его последние годы существования. Автором впервые комплексно проанализирован жизненный путь Шагин Гирея, в научный оборот введены ранее неизвестные в отечественной историографии биографические данные последнего крымского хана.

© Вахидов Э.Б., 2025

Ключевые слова: Шагин Гирей, Крымское ханство, Российская империя, Османская империя, реформа

Ключевые слова: Армавир, Армавир-Туапсинская железная дорога, эксплуатация железных дорог, профессиональные биографии, Иван Васильевич Нерода, Николай Митрофанович Булгаков, Владимир Александрович Соковиц, Николай Николаевич Кашкин

Для цитирования: Вахидов Э.Б. Исторический портрет последнего крымского хана Шагин Гирея. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2025;17(2): 11–21. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-11-21>

Historical portrait of Shagin Giray, the last Crimean Khan

E.B. Vakhidov

*The Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov
Simferopol, the Republic of Crimea, the Russian Federation
✉ ernesvahidov@yandex.ru*

Annotation. Introduction. The article examines the role of Shagin Giray's personality in the social and political situation of the Crimean Khanate, which tried to preserve its independence in the struggle between the Russian and Ottoman states in the last quarter of the XVIII century. The goal of the research is to restore the historical portrait of the last Crimean Khan, Shagin Giray, in the context of the relationship between the independent Crimean Khanate and the Ottoman and Russian Empires.

The Materials and Methods. The fate of Shagin Giray and his move to the Russian Empire after his abdication in 1783 have become an important object of the research. Foreign and domestic scientific literature was used as the basis of the research materials. In the course of the research, the following methods were used: source studies, historical and comparative, general scientific (analysis, comparison, generalization, synthesis).

The Results. The article is based on the introduction of little-known historiographical materials from foreign literature into scientific circulation. The article comprehensively examines the biography of Shagin Giray, and provides a detailed analysis of his reform activities. Based on published sources, the author describes the period of resettlement to Voronezh, and then to Kaluga. Based on the study of modern foreign historiography, the author describes the least studied period of Shagin Giray's life after leaving for the Ottoman Empire in early 1787, as well as the representation of the circumstances of his death on the island of Rhodes in Russian historiography.

Discussion and Conclusion. In the course of the research, the author has concluded that Shagin Giray played a major role in the reform of the Crimean Khanate in its last years of existence. For the first time, the author has comprehensively analyzed the life path of Shagin Giray; the biographical data of the last Crimean Khan, previously unknown in Russian historiography, have been introduced into scientific circulation.

Keywords: Shagin Giray, the Crimean Khanate, the Russian Empire, the Ottoman Empire, reform

For citation: Vakhidov B. Historical portrait of Shagin Giray, the last Crimean Khan. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta*. 2025;17(2):11–21. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-11-21>

Введение. Карасубазарский трактат 1772 года и Кучук-Кайнарджийский мирный договор 1774 года, вернувшие Крымскому ханству независимость, открыли новые направления в политике для дальнейшего развития близких дипломатических отношений с Российской империей, а не Османским государством. Правление и реформаторская деятельность последнего Крымского хана Шагин Гирея на данный момент является особенно актуальной темой для современных исследований, так как его личность часто воспринимается не однозначно, несмотря на то, что он стремился модернизировать государство, его действия подвергались сомнениям, а решения вызывали споры среди знати и местного населения в государстве. До настоящего времени было издано мало научно-исследовательских трудов, посвященных историческому образу Шагин Гирей хана в истории Крымского ханства. Данная тема для широких масс остается неизвестной, несмотря на рост интереса к изучению истории Крымского ханства. Его модернизационные реформы опередили свое время, затронув все сферы жизни крымскотатарского общества почти за сто лет до реформ Танзимата в Османской империи. В дополнение к своим основным шагам по реорганизации военного ведомства, государственной структуры и налоговой системы, Шагин Гирей пытался проводить новую, более терпимую политику по отношению к еврейскому и христианскому меньшинствам.

Обзор литературы. Существующая историография о периоде правления Шагин Гирея, большая часть которой была написана российскими историками в конце XIX – начале XX веков, демонстрирует критическое отношение к образу Шагина и его реформам. Османская историография также критически относится к этому хану, хотя и по совершенно иным причинам. Отдельные аспекты личности Шагин Гирея были рассмотрены в работах дореволюционных исследователей, таких как Лашков Ф.Ф. [9],

Соловьев С.М. [14], Смирнов В.Д. [12], и современных исследователей: Шейхумерова А.А. [15], Санкина Ф.Ж. [11].

Труд Лашкова Ф.Ф. «Шагин Гирей, последний крымский хан» на данный момент является единственным научным трудом, который полностью посвящен жизни и деятельности Шагин Гирей хана, но не раскрывает полной картины событий его жизни за пределами Крыма и Российской империи.

В комплексном исследовании истории Крымского ханства в трудах Смирнова В.Д. описаны лишь отрывочные события, связанные с историей Шагин Гирей хана. В многотомной работе Соловьева С.М. также есть упоминания об истории хана Шагин Гирея, однако она также не передает полной истории последнего крымского хана. Полноценного исследования, излагавшего обширное представление об историческом портрете хана Шагин Гирея в судьбе Крымского ханства, на сегодняшний день ни исторические, ни биографические исследования не дают.

Среди зарубежных исследований, затронувших историю последнего крымского хана Шагин Гирея, известна работа Алана Фишера, которая была использована в ходе изучения темы. В 1978 году в США в штате Мичиган опубликована работа Алана Фишера – «The Crimean Tatars». Во второй части книги автор рассматривает вопрос политики Шагин Гирея в Крыму, реформаторскую деятельность и условия, при которых Крым вошел в состав Российской империи [16].

Краткая история Шагин Гирей хана также упоминается в современных исследованиях Келли О'Нила [19] и Дональда Ренфилда [17], которые также описывают немаловажный фактор реформаторской деятельности Шагин Гирея в Крыму во второй четверти XVIII века.

Большой пласт источников представляют исследования современных турецких ученых, которые транслитерируют ранее не опубликованные письма на староос-

манском языке XVIII века. Эти источники являются современным дополнением к ранее известной истории жизни последнего крымского хана. Роль Шагин Гирея в дипломатических отношениях между Крымом, Россией и Турцией описывается в исследованиях Мустафы Коюнчу и Серхата Кузучу [20]. О периоде жизни Шагин Гирея на острове Родос в 1787 году, по письменным источникам, рассказывается в исследованиях Феридуна Эмечена [18].

Материалы и методы исследования.

Объектом исследования является деятельность последнего крымского хана Шагин Гирея, направленная на модернизацию государственной системы ханства, а именно изменение системы управления ханством, военная, денежная и административная реформы. В качестве методов исследования используются сбор, анализ библиографии дореволюционной, советской и современной, изучение мемуарных и иных письменных источников, методы систематизации и обобщения информации.

Будущий крымский хан Шагин Гирей родился в 1746 г. в городе Эдирне в 230 километрах северо-западнее Стамбула. Рано лишившись отца Топал Ахмед Гирея, в 1750 году, Шагин с матерью отправился жить в Салоники, затем в Венецию. Получив европейское образование, впитав в себя европейскую культуру просвещения XVIII столетия, Шагин свободно овладевает греческим, итальянским, французским языками. В годы странствий Шагина по Европе крымским ханом был его дядя Кырым Гирей. Молодого и образованного племянника Кырым Гирей вызывает в 1768 году в Крым и назначает сераскиром ногайской орды, которая состояла из орд Буджаков, Едисанцев, Еничкулов и Джамбулуков [9, с. 2].

В 1769 году во время похода Кырым Гирей внезапно скончался. Из-за дальнейших междуусобных войн в ханстве, с 1769 по 1771 год, на престоле сменилось 5 ханов. В 1771 году новым крымским ханом избирается родной брат Шагин

Гирея Сахиб II Гирей, который назначает Шагина калга-султаном – вторым должностным лицом в государстве. В том же году новый калга-султан Шагин Гирей отправляется с дипломатической миссией в Санкт-Петербург, для признания дружбы и доверия между Россией и Крымом.

Проведя в столице Российской империи полтора года, Шагин произвел самые положительные впечатления на императорский двор своим твердым нравом и любознательностью, о чем писала Екатерина в своих письмах французскому мыслителю Вольтеру [13].

Возвратившись в Крым в 1772 году, он не скрывает своей пророссийской ориентации. Однако крымские беи и мурзы, придерживающиеся прежней протурецкой ориентации, были не согласны с Шагиным. Понимая, что у него нет поддержки в Крыму, Шагин выезжает в Полтаву, откуда перебирается на Кубань, где благодаря поддержке давнего союзника, предводителя ногаев Джан-мамбета и союза с Россией он утверждается сераскиром Кубанской орды. В 1774 году Сахиб II Гирей был низложен с ханского престола ранее свергнутым Девлетом IV Гиреем, намеревавшимся восстановить прежние отношения с Османской империей. Став ханом во второй раз, Девлет требовал от султана Османской империи расторгнуть Кучук-Кайнарджийский мирный договор, однако султан, опасаясь новой войны с Россией, не решился на этот шаг.

Собрав большое количество военных сил на Кубани, Шагин в марте 1777 года, опираясь на ногаев Кубанской орды и Российские войска, прибыл в Крым и обосновался на Керченском полуострове в Еникале. Девлет IV Гирей, понимая, что ханский престол ему не удержать без поддержки турецкого султана, в конце марта бежал из Бахчисарая в Балаклаву, откуда вскоре отплыл в Османскую империю [4, с. 474, 478]. Недалеко от Карасубазара крымскотатарские беи и мурзы 21 апреля 1777 года принесли присягу новому Крымскому хану Шагин Гирею [12, с. 179–180].

Результаты. Первая попытка по реформированию государственного строя случилась в марте 1777 года, когда Шагин вошел в Бахчисарай, он объявил: «Поскольку выборы ханов в будущем вызовут разделение и ссоры среди нас, мы желаем, чтобы правящий хан выбрал одного из своих сыновей, кто унаследует трон». Таким образом он хотел изменить систему избрания хана влиятельными беями Крыма и сделать власть хана передаваемой по наследству [16, с. 103–104].

Шагин предполагал, что единственным способом подчинить всех глав влиятельных родов – это лишить их права участвовать в выборах новых ханов и беев. Лишая возможности выборов, Шагин хотел укрепить собственную власть путем прямого подчинения беев хану. Затем Шагин сосредоточился на трех направлениях реформ: военном, административном и экономическом. Изучив основную структуру правления ханства, а именно систему управления при помощи беев и мурз, Шагин пришел к выводу, что именно те институты, которые давали ханству силу в XVI веке, теперь ограничивают влияние и роль хана в XVIII веке [4, с. 82–84].

С приходом к власти Шагин перешел к активным действиям по реорганизации основ государственного управления, а именно дивана, который являлся высшим органом исполнительной и законодательной власти, где обсуждали политику государства. До правления Шагина диван был учреждением, независимым от ханской власти. Созывая новый диван, Шагин не включил в его состав, некоторых лидеров беев, которые ранее всегда входили в его состав. Он пригласил только представителей клана Мансуров и Шириновых, поддержавших его приход к власти. Представители духовенства также не были приглашены для участия в диване. Таким образом новый хан хотел подчинить диван собственной власти и контролировать его действия.

Другой важной целью для нового хана было административно-территориальное деление государства. Открытым оставался земельный вопрос беев, так как большая часть земли находилась в собственности у беев. Беи считали, что земли бейликов, унаследованные от предков, по легитимности и традициям стоявших наравне с правящими Гиреями, не входят в сферу влияния ханов [19, с. 51]. Нововведения в территориальном делении Крымского ханства Шагин начал с переименования бейликов на кадылыки [8, с. 9–11]. Главной целью для Шагина в проведении данной реформы была ликвидация автономных областей в Крымском ханстве, которые подчиняются непосредственно лидерам кланов [19, с. 51]. Документально административно-территориальное деление Крымского ханства при Шагин Гирее исследовано ИТУАК в 1897 г. в камеральном описании, названном «Регистр разным письмам, изъясняющим состояние Крымского полуострова и какое было в оном течение дел земских с 16 Августа 1783 года – июня 1784 г.» [9].

Материалы исследования ИТУАК Крыма 1784 года показали, что административно-территориальное деление Крымского ханства состояло из 6 каймаканств и 44 кадылыков. В шести кадылыках ханства исследованиями ИТУАК было описано 1411 населенных пунктов [8].

Еще одной важной целью Шагин Гирея стало возведение нового ханского дворца, подходящего для современного монарха конца XVIII века. Он планировал построить загородную резиденцию, напоминающую здания в Санкт Петербурге. Для этого Шагин попросил прислать в Бахчисарай нескольких архитекторов из Российской империи, знакомых с западной архитектурой. В конце 70-х годов XVIII века Шагин переносит свою резиденцию из Бахчисарая в Кефе. По его мнению, ханству необходима была столица, которая должна находиться на побережье Крыма [4].

В конце 70-х годов XVIII века Шагин разослал чиновников по всему ханству, для введения переписи населения, для будущего набора в армию со всего государства и введения нового подушного налога. Формируя регулярную армию из четырех полков бешлеев, набирали новобранцев из пяти дворов, различавшихся по цвету мундира. А двор, с которого был призван новобранец, обязали снабдить воина оружием, лошадью и всеми нужными припасами. Такая мера вызвала сильное недовольство у местного населения, поэтому создать многочисленную армию Шагину не удалось, однако у него появилась небольшая и боеспособная ханская гвардия [14].

Новые регулярные полки стали обучаться европейскому строю, начальником при бешлейском войске становится Мехмет-бей. Численность регулярных полков, собранных со всего Крыма, планировалось довести до 12 тысяч человек [4].

Военные реформы затронули и полк сейменов. «Они составляли ханскую гвардию, имели отличительную форму от бешлеев, особенное устройство и пользовались отличным вниманием со стороны хана», – писал Ф.Ф. Лашков [9]. Помимо службы при самом хане, сеймены теперь прикреплялись к отдельным чиновникам для выполнения отдельных полицейских функций. Для сейменов Шагин начал строить казармы и арсеналы и хотел договориться, чтобы Российская империя начала продавать для его новой гвардии огнестрельное оружие, сабли, винтовки [17, с. 245].

По замыслу Шагина, полки бешлеев будут представлять собой аналог регулярной легкой кавалерии, а другой полк – сеймены – распределялись на конные и пешие части. Также хан начал призывать в армию рекрутов христиан. Это событие стало самым шокирующим для местного населения, поскольку христиан включили в ряды с мусульманами, что также вызвало негодование среди населения [19, с.129].

Помимо упомянутых войск, Шагин Гирей планировал обучить новым европейским стандартам артиллеристов – топчу, которые теперь обучались и другим воинским искусствам. Новые рекруты, недооценившие важность ханских преобразований, разделившись на бешлеев и сейменов, не выказывали желания идти в бой и не были способны решать возложенные перед ними задачи [15, с. 65–69]. Таким образом, Шагин Гирею хоть и удалось создать армию нового образца, но не удалось усовершенствовать ее боеспособность.

Для развития торгово-экономической промышленности в Крымском ханстве в Балаклаве Шагин положил начало корабельному строительству, в новом порту начали строить небольшие торговые фрегаты [3 с. 149].

Шагин Гирей, осознававший важность и надобность реформ, старался претворить их в жизнь. Он предпринял попытку улучшить и создать стабильность в финансовой ситуации своего государства. До него чеканка денег в среднем состояла из одного – трех номиналов. Эти монеты были легкими, неровной формы и содержали в себе малое количество серебра [5].

В 1778 году Шагин получил от Российского правительства около 50 пудов серебра и меди. По его распоряжению, Юсуф-ага построил дарабхане (монетный двор) в Кефе. Новый монетный двор был выстроен в двух верстах от городских стен, недалеко от новой резиденции хана, в урочище Ташлыкъ. В 1779 году Шагин заключил договор с надворным советником польской службы Дерингом, доставившим из Речи Посполитой новые штемпельные машины для устройства монетного двора передовым по тем временам оборудованием [7, с. 37]. Денежные работы активно начались в 1780 году. Под руководством Абдуль-Хамид-аги с 1780 по 1783 год было начеканено 92 113 медных монет. А весь доход составил 17 737 монет, что составляло почти 5912 рублей в год [7, с. 38].

За период существования монетного двора в денежный оборот было введено восемь номиналов из серебра и меди. Новые начеканные медные монеты были того же размера, что и российские медные пять копеек. Стабилизация финансовых мер была одной из главных забот Шагина, основой финансовой реформы был строгий подсчет жалований, доходов и расходов. Руководство по финансам в ханстве находилось у Дефтер-аги, им при Шагине был назначен Кутлугша-ага, он управлял штатом чиновников, таможенных начальников, надзирателей и писарей, которые вели тщательный учет экономики ханства. Эта финансовая реформа стала оригинальным примером грамотного управления денежными потоками в государстве [9].

Реформу Шагин Гирея в сфере образования описал путешественник Василий Федорович Зуев, посетивший Крым в 1782 году. В путешественных записках по Крымскому ханству он писал: «При всех мечетях и медресе в Кефе хан указал, чтобы обучали молодых детей европейским языкам, и таковым учителям платил он от себя. Народу своему сделал перепись и расположил подушное. По всему можно сказать, что с нашествия татар в Крым до сего времени, что составит не меньше трехста лет, царствование нынешнего хана Шагин Гирея, делает ту эпоху, в которую татары житием, нравами и обхождением начинают походить на некоторых европейских народов» [3, с. 150–151].

В 1782 на Кубани начинаются восстания, поддержанные Османской империей. Возглавили восстание родные братья Шагин Гирея, Бахадыр и Арслан Гирей. Это восстание оказалось серьезной угрозой для Шагина, братья хана быстро сумели захватить Крым, а для Шагина восстание закончилось бегством из Крыма через Керчь в Российскую империю на фрегате. Однако в течение полугода восстание было подавлено при поддержке войск Российской империи, Шагин восстановил свою власть к началу 1783 года и

принялся проводить репрессии над теми, кто поддержал восстание. Шагин считал: если все его реформы будут приняты местным населением, он сможет превратить Крымское ханство в независимое государство, способное сосуществовать с Российской и Османской империями [17, с. 242–243].

В результате политической борьбы между Российской и Османской империями Шагин Гирей весной 1783 года отрекся от престола, рассчитывая занять персидский трон благодаря обещаниям со стороны Российской империи. Эти действия последнего крымского хана привели к тому, что Крымское ханство осталось без правителя, и 8 апреля 1783 года императрица Екатерина II издала манифест о включении Крыма, Тамани и Кубани в сферу влияния Российской империи и ликвидации Крымского ханства [2, с. 18–19].

Отрекшийся от престола Шагин Гирей вскоре получил звание капитана гвардии и выражал желание стать генералом, однако в этом ему было отказано. Было решено наградить Шагин Гирея высшим наградным орденом Св. Андрея Первозванного. Специально для Шагина, орден был изменен из-за изображения креста с распятым святым, вместо этого в орден добавлена голубая лента с алмазами, бриллиантовой звездой и направлена с сопроводительной грамотой Екатерины II от 30 июня 1783 года. Таким образом, Шагин был одним из первых мусульман, получивших этот орден.

Чтобы предотвратить попытки Шагин Гирея вернуть потерянный престол и обеспечить мирное присоединение Крымского ханства к Российской империи, бывшего крымского хана решили переселить дальше от полуострова. Сначала он вместе со своей свитой в 2000 человек отправился в Тамань, но затем его перевезли в Воронеж. На содержание Шагин Гирея и его свиты из государственного бюджета выделялось 200 тысяч рублей ежегодно. Свой гарем Шагин приказывает направить

в город Бургас на западном побережье Черного моря, на территорию Османской империи [11, с. 115].

Из работы Антона Оттовича Коссецкого «Последние годы последнего крымского хана Шагин-Гирея, в связи с пребыванием его в Воронеже» можно определить, что подходящим местом переселения бывшего хана Крыма в Воронеж выбрали усадьбу архиерейской дачи, которая находилась в Троицкой слободе. [6, с. 1–4]. Шагин Гирей жил в Воронеже с 1784 по 1786 год. Для него на Дворянской улице начали возводить новую резиденцию, где предполагалось разместить его со свитой. Особенностью здания должен был стать восточный орнамент, специально включенный в архитектуру по случаю проживания Шагина.

Однако дом был закончен уже после того, как Шагин Гирей уехал из Воронежа. Вскоре резиденцию получил генерал-поручик И.А. Потапов, который был воронежским губернатором с 1775 по 1791 год. Эта версия событий, предложенная А.О. Коссецким, до сих пор вызывает споры среди исследователей.

В сентябре 1785 года Шагин желает переехать в Санкт-Петербург, однако по реескрипту императрицы от 10 сентября ему было запрещено переезжать в столицу Российской империи. По новому реескрипту от 6 ноября 1785 г. Шагин Гирей должен был переехать еще дальше от Воронежа, в город Калугу, императрица приказала воронежскому наместнику, генерал-поручику В.А. Черткову, отправить бывшего крымского хана вместе с его свитой к новому месту ссылки за казенный счет губернии. По пути в Калугу Шагин и его свита останавливаются на несколько дней в Богородицкой усадьбе, эти события описаны в мемуарах Андрея Тимофеевича Болотова [1, с. 386–397].

Мемуары А.Т. Болотова также являются важным источником для презентации истории жизни Шагин Гирея, так как по ним мы узнаем о положительных нравах,

о знаниях ханом иностранных языков, а также о повседневной жизни бывшего хана, который находился в ссылке.

В начале 1786 года Шагин приезжает в Калугу, ему выделили загородный двухэтажный дом губернатора, который был построен в 1782 годы архитектором Петром Романовичем Никитиным. Спустя несколько месяцев проживания в Калуге в Губернаторской даче Шагин понимает, что он не получит обещанный персидский престол, и просит императрицу об отъезде в Османскую империю. Императрица в конце 1786 года разрешает Шагин Гирею выехать в Османскую империю [10, с. 3]. 26 декабря 1786 года Шагин приехал в Подольскую губернию в село Должок, где остановился на 3 дня. Пробыв в Подольской губернии 3 дня, 29 декабря он направился в город Жванец. В Жванце он провел 5 недель, ожидая разрешения ступить на территорию Османской империи. Получив разрешение, Шагин Гирей направился в крепость Хотин. Для охраны и сопровождения бывшего крымского хана Шагин Гирея и его приближенных выделили 124 военнослужащих из Каменецкого гарнизона. Свита и сопровождение Шагин Гирея прошли через Киев и Польшу в крепость Хотин, которая находилась в устье реки Днестр [2, с. 20–21].

Спустя месяц пребывания Шагина в Хотине туда приезжает посол Хаджи Исмаил-бей, направленный турецким султаном Абдул-Хамидом I. В сопровождении Хаджи Исмаил-бая Шагин отправился с намерением быть доставленным в Эдирне, в город, где он родился. Во время переправы Шагина и Хаджи Исмаил-бая через реку Днестр, в знак уважения и прощения с бывшим ханом, крепостные орудия произвели 150 пушечных выстрелов [6, с. 11].

Через Бухарест Шагин прибыл в Эдирне через семь дней, отправился из Эдирне в город Гелиболу на северном побережье пролива Дарданеллы. Но после недолгого пребывания в Гелиболу, по при-

казу султана Османской империи, Шагина отправили на остров Родос. Али-паше, которому было поручено доставить его на остров Родос, также было приказано отравить Шагин Гирея. Но Али-паша не сумел этого сделать. Шагин, привезенный на Родос, по приказу султана Абдул-Хамида I был поселен во внутреннем замке. Понимая, что он является пленником, Шагин сбегает из замка и укрывается во французском консульстве для организации побега в город Текирдаг на корабле [20, с. 386–387].

1 августа 1787 г. кадий Родоса Сунбюльзаде Вехби Эфенди, собрав около тысячи человек, осадил консульство и схватил Шагин Гирея. Потерпев неудачу в своей попытке побега Шагин снова был заключен во внутреннюю крепость острова Родос. Во вторую неделю августа 1787 года, Шагин был казнен во внутренней крепости, его отрубленную голову отправили в Стамбул для доказательства султану Абдул-Хамиду I [18, с. 332–333].

Обсуждение и заключение. Несомненно, попытавшись осуществить реформаторские мечты, Шагин к концу правления понимал, что дни Крымского ханства были сочтены и никакие реформы не смогли бы предотвратить дальнейшую ликвидацию Крымского ханства и присоединение Крыма, полуострова Тамани и

всей Кубани к Российской империи. По рескриптам императрицы Екатерины II можно сделать вывод, что Шагин тяготился провинциальной ссылкой и мечтал вернуться к прежней роскоши. Вероятно, это стремление послужило причиной его возвращения в Османскую империю, поближе к единоверцам. Многие исследователи, как дореволюционные, так и современные, считают, что главным фактором известности Шагин Гирея в истории была его роль как последнего правителя Крымского ханства.

Стоит отметить, что Шагин был одним из первых мусульманских правителей-новаторов, осознавших необходимость в реформировании давно устоявшейся государственной системы Крымского ханства, попытался внедрить программу модернизации, основанную на современных европейских моделях, его реформы коснулись всех сфер крымско-татарского общества. Шагин желал ввести нововведения в военной, административно-территориальной и социально-экономической сферах ханства, однако столкнулся с рядом проблем. В первую очередь Шагин столкнулся с непринятием его реформ местным населением, что привело к дальнейшим волнениям в ханстве, затем к его отречению от престола и последующему присоединению Крыма к Российской империи.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: в 3 т. Т. 3. / отв. ред. О.А. Платонов. М., 2013. 1280 с.
2. Вахидов Э.Б. К вопросу о пребывании хана Шагин Гирея в Воронеже и Калуге // Солдатские чтения II. Причерноморье в эпоху глобализации: Восток и Запад в культуре Крыма: материалы научной конференции. Симферополь, 2024. С. 18-23.
3. Выписка из путешественных записок Василия Зуева, касающихся полуострова Крыма. 1782 года // Месяцеслов исторический и географический на 1783 год. СПб, б/г. С. 122-169.

4. Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. СПб., 1885.
5. Зандер Р. Нумизматический сборник № 3. М., 1994. С. 85-102.
6. Коссецкий А.О. Последние годы последнего крымского хана Шагин-Гирея, в связи с пребыванием его в Воронеже. Воронеж 1915. 11 с.
7. Косякин Н.Н. Крымское ханство. Монеты Гиреев. Симферополь: Салта, 2021. 360 с.
8. Лашков Ф.Ф. О камеральном описании Крыма 1784 г. // ИТУАК. 2-е изд. 1887. № 2.
9. Лашков Ф. Шагин Гирей, последний крымский хан: Исторический очерк // Киевская старина. 1886. № 9. С. 37-80.
10. Ливенцев Д.В. Воронежская ссылка последнего крымского хана // Ученые записки. 2022. № 1 (61). С. 1-4.
11. Санкин Ж.Ф. Визит последнего крымского хана в Богородицкую усадьбу в 1786 году. // Тульский краеведческий альманах. 2017. Вып. 14. С. 112-119.
12. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии. Одесса, 1889.
13. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 6. Т. XXVI–XXIX. СПб., 1887.
14. Фиркович А.С. События, случавшиеся в Крыму в царствование Шагин Гирея хана // Временник императорского общества истории и древностей российских. Кн. 24. М., 1856. С. 101-131.
15. Шейхумеров А.А. Военная реформа последнего крымского хана Шахин Гирея (1777–1782 годы) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 2 (18). С. 65-69.
16. Fisher A. Sahin Giray The Reformer Khan and the Russian Annexation of Crimea, Between Russians and Turks: Crimea Tatars, Istanbul, 1998. P. 91-121.
17. Donald R. A seditious and sinister tribe: the Crimean Tatars and their khanate: London: Reaktion Books, 2024. 352 p.
18. Emecen F. Son Kırım Hanı Şahin Giray'ın İdamı Meselesi ve Buna Dair Vesikalar. Tarih Dergisi. Haziran. 2011. Vol. 34. P. 315-346.
19. O'Neill Kelly. Claiming Crimea: a history of Catherine the Great's southern empire. New Haven; London: Yale university press, 2017. 361 p.
20. Kuzucu S., Koyuncu M. Rusya'nın Kırım Hanlığındaki Siyasi Faaliyetleri (1774–1783) (Şahin Giray Dönemi) // Bilge Tonyukuk Anısına Türkiye ve Türk Dünyası Araştırmaları-I, 2020. P. 371-393.

REFERENCES

1. Bolotov A.T. The Life and Adventures of Andrey Bolotov, described by himself for his descendants: in 3 Volumes. Volume 3. / Ed. by O.A. Platonov. Moscow, 2013. 1280 p. [In Russ.]
2. Vakhidov E.B. Revisiting Khan Shagin Giray's Stay in Voronezh and Kaluga // Solkhat Readings II. The Black Sea Region in the Era of Globalization: East and West in the Culture of Crimea: Proceedings of a Scientific Conference. Simferopol, 2024. P. 18-23. [In Russ.]
3. An Extract from the Travel Notes of Vasily Zuev Concerning the Crimean Peninsula. 1782 // Historical and Geographical Menology for 1783. St. Petersburg, no publication date. P. 122-169. [In Russ.]
4. Dubrovin N. The annexation of Crimea to Russia. Rescripts, letters, reports and dispatches. SPb., 1885. [In Russ.]
5. Zander R. Numismatic collection No. 3. M., 1994. P. 85-102. [In Russ.]
6. Kossetsky A.O. The last years of Shagin-Girey, the last Crimean Khan, in connection with his stay in Voronezh. Voronezh 1915. 11 p. [In Russ.]
7. Kosyakin N.N. The Crimean Khanate. Coins of the Girays. Simferopol: Salta, 2021. 360 p. [In Russ.]

8. Lashkov F.F. On the office description of Crimea in 1784 // ITUAK. 2nd ed. 1887. No. 2. [In Russ.]
9. Lashkov F. Shagin Giray, the last Crimean Khan: Historical essay // Kyiv starina. 1886. No. 9. Pp. 37-80. [In Russ.]
10. Liventsev D.V. Voronezh exile of the last Crimean Khan // Scientific notes. 2022. No. 1 (61). P. 1-4. [In Russ.]
11. Sankin Zh.F. Visit of the last Crimean Khan to the Bogoroditskaya estate in 1786 // Tula local history almanac. 2017. Issue 14. P. 112-119. [In Russ.]
12. Smirnov V.D. Crimean Khanate under the rule of the Ottoman Porte in the 18th century. Odessa, 1889. [In Russ.]
13. Solovyov S.M. History of Russia from Ancient Times. Book 6. Vol. XXVI–XXIX. St. Petersburg, 1887. [In Russ.]
14. Firkovich A.S. Events that took place in Crimea during the reign of Shahin Giray Khan // Vremyanik of the Imperial Society of Russian History and Antiquities. Book 24. Moscow, 1856. P. 101-131. [In Russ.]
15. Sheikhumarov A.A. Military reform of the last Crimean Khan Shahin Giray (1777–1782) // Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences. 2018. No. 2 (18). P. 65-69. [In Russ.]
16. Fisher A. Sahin Giray The Reformer Khan and the Russian Annexation of Crimea, Between Russians. Ottomans and Turks: Crimea Tatars, Istanbul, 1998, pp. 91-121.
17. Donald R. A seditious and sinister tribe: the Crimean Tatars and their khanate: London: Reaktion Books, 2024. 352 p.
18. Emecen F. Son Kırım Hani Şahin Giray'ın İdami Meselesi ve Buna Dair Vesikalar. Tarih Dergisi. Haziran. 2011. Vol. 34. P. 315-346.
19. O'Neill Kelly. Claiming Crimea: a history of Catherine the Great's southern empire. New Haven; London: Yale university press, 2017. 361 p.
20. Kuzucu S., Koyuncu M. Rusya'nın Kırım Hanlığındaki Siyasi Faaliyetleri (1774–1783) (Şahin Giray Dönemi) // Bilge Tonyukuk Anısına Türkiye ve Türk Dünyası Araştırmaları-I, 2020. P. 371-393.

Информация об авторе / Information about the author

Эрнес Бахтиярович Вахидов, ассистент кафедры истории. Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова». 295015, Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, д. 8, e-mail: ernesvahidov@yandex.ru

Ernes B. Vakhidov, Assistant, the Department of History. The Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Simferopol, the Republic of Crimea, the Russian Federation, email: ernesvahidov@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 10.02.2025

Received 10.02.2025

Поступила после рецензирования 23.04.2025

Revised 23.04.2025

Принята к публикации 23.04.2025

Accepted 23.04.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-22-37>
УДК [947.04/06:821.512.145](477.75)

Повседневная жизнь крымских мурз в интеллектуальном наследии и личном книжном собрании Исмаила Гаспринского

С.А. Сеитмеметова

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
г. Казань, Российская Федерация,
Республиканская крымскотатарская библиотека им. И. Гаспринского
г. Симферополь, Российская Федерация
 Selvina11@rambler*

Аннотация. Введение. В настоящее время возрос научный интерес к представителям крымскотатарского дворянского сословия, все большее внимание уделяется теме повседневности мусульманской элиты Крыма в разные периоды времени. Исследуемый в статье круг вопросов является неизученным аспектом в истории Таврической губернии в конце XIX – начале XX вв. В статье рассматривается мурзачество глазами его современника – Исмаил-бэя Гаспринского – педагога-реформатора и издателя, оказавшего существенное влияние на развитие культуры, образования и общественной жизни большинства тюрко-мусульманских народов Российской империи. Цель работы – исследовать те аспекты общественной и частной жизни представителей данного сословия, которые наиболее емко информируют об их увлечениях, интересах и в целом – образе жизни. Именно эти составляющие являются яркими выразителями духа эпохи и помогают лучше понять особенности повседневной жизни представителей знатных крымскотатарских семей.

Материалы и методы. При написании статьи использовались общенаучные методы анализа и синтеза, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы. Источниковой базой для исследования послужили неопубликованные источники: статьи газеты «Терджиман», а также книги, хранящиеся в Бахчисарайском музее-заповеднике.

Результаты исследования. В соответствии с принципами историзма и объективности автором были впервые введены в научный оборот неопубликованные источники по истории крымскотатарского дворянства.

Обсуждение и заключение. В статье была исследована общественная жизнь крымских мурз: посещение ими официальных мероприятий, участие в проводимых сельскохозяйственных выставках, благотворительных вечерах и акциях. Был рассмотрен досуг крымскотатарской элиты, свадебные торжества и увеселения. В ходе работы над статьей было выяснено, что интеллектуальное наследие И. Гаспринского является не только ценным источником по истории становления и развития национальной периодики и системы образования тюрко-мусульманского населения Российской империи в конце XIX – начале XX вв., но и позволяет заглянуть в практически неизученный мир повседневности крымских мурз.

© Сеитмеметова С.А., 2025

Ключевые слова: Гаспринский, мурзачество, Переводчик-Терджиман, книжное собрание, периодическая печать, Крым, повседневность, благотворительность

Для цитирования: Сейтмеметова С.А. Повседневная жизнь крымских мурз в интеллектуальном наследии и личном книжном собрании Исмаила Гаспринского. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2025;17(2):22–37. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-22-37>

The Daily life of the Crimean Murzas in the intellectual heritage and personal book collection of Ismail Gasprinsky

S.A. Seitmemetova

*Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan,
the Russian Federation, I. Gasprinsky Republican Crimean Tatar Library,
Simferopol, the Russian Federation*
 Selvina11@rambler

Abstract. Introduction. Currently, scientific interest in the representatives of the Crimean Tatar noble class has increased, and more and more attention is being paid to the topic of the daily life of the Muslim elite of Crimea in different periods of time. The range of issues studied in the article is an unexplored aspect in the history of the Taurida province in the late 19th and early 20th centuries. The article examines the Murz estate of Crimea in the late 19th and early 20th centuries through the eyes of its contemporary, Ismail Bey Gasprinsky, a reformist teacher and publisher who had a significant impact on the development of culture, education and public life of the majority of the Turkic-Muslim peoples of the Russian Empire. The goal of the research is to explore those aspects of social and private life of this class that most comprehensively inform about their hobbies, interests and lifestyle in general. It is these components that are vivid expressions of the spirit of the era and help to better understand the peculiarities of the daily life of representatives of noble Crimean Tatar families.

The Materials and Methods. General scientific methods of analysis and synthesis, comparative historical and problem-chronological methods have been used in the research. The research is based on unpublished sources, such as articles from the newspaper Terjiman, as well as books stored in the Bakhchisarai Museum-Reserve.

The Results. In accordance with the principles of historicism and objectivity, the author was the first to introduce previously unpublished sources on the history of the Crimean Tatar nobility into scientific circulation.

Discussion and Conclusion. The social life of the Crimean Murz have been examined: attending official events, participating in agricultural exhibitions, charity events. The leisure time of the Crimean Tatar elite, wedding celebrations and entertainment have been considered. It's been concluded that the intellectual heritage of the enlightener I. Gasprinsky is not only a valuable source on the history of the formation and development of national periodicals and the education system of the Turkic-Muslim population of the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries, but also provides insight into the virtually unexplored world of daily life in the Crimean Murz.

Keywords: Gasprinsky, The Murzy, Terjiman-translator, book collection, periodical press, Crimea, daily life, charity

For citation: Seitmemetova S.A. The Daily life of the Crimean Murzas in the intellectual heritage and personal book collection of Ismail Gasprinsky. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2025;17(2):22–37. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-22-37>

Введение. На сегодняшний день существенно возрос научный интерес к личным библиотекам. Последние рассматриваются не только как оригинальные источники, способные восполнить неизвестные стороны биографии владельца книжного собрания, но и как свидетельство эпохи, в которой он жил и творил. В этом контексте личная библиотека крымскотатарского просветителя и издателя Исмаила Гаспринского (1851–1914) является ценным историко-культурным источником, позволяющим наглядно рассмотреть практически не исследованный мир повседневности крымскотатарской элиты конца XIX – начала XX вв. Мурзы, являясь представителями аристократии и высшего сословия, были важной частью социальной структуры Крымского ханства. После присоединения Крыма к Российской империи в 1783 г. положение и влияние крымских мурз, изменилось, однако за ними сохранился статус местной элиты. К сожалению, такая важная сторона жизни крымских мурз как частная жизнь, досуг, семейные и общественные торжественные мероприятия, до настоящего времени оставалась не исследована специалистами.

Обзор литературы. В научной среде существует ряд публикаций о различных аспектах жизни и деятельности крымского мурзачества в период после присоединения Крыма к Российской империи. Так, в статьях Мавриной О.С.¹ рассмотрены проблемы, связанные с приобретением крымскотатарской знатью дворянского статуса, а также восстановлены родословные наиболее видных семей. В трудах Хайредино-

¹ Маврина О.С. Деякі аспекти процедури отримання кримськотатарською знаттю станових привілеїв // Східний світ. 2011. № 2. С. 128–133; Маврина О.С. Дело рода Сиджеут в фонде Таврического дворянского депутатского собрания// Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2013. № 18. С. 444–455; Маврина О.С. Бейський рід Аргін на шляху до дворянства (XIX ст.) // Східний світ. 2014. № 2. С. 23–32 и пр.

вой 3.3.², Прохорова Д.А.³, Кравчука А.С.⁴ были исследованы вопросы относительно участия крымскотатарских мурз в органах управления Таврической губернии. В статье Сичаевой Г.А.⁵ освещаются ряд важных вопросов, связанных с участием этого сословия в дворянских депутатских выборах Таврической губернии. Из приведенного выше становится ясно, что тема, раскрытая в статье, ранее освещалась лишь частично и эпизодически. Подобное положение вещей подчеркивает важность и своевременность исследования данного вопроса.

Источником, позволяющим восполнить пробел в истории повседневной жизни мурзачества Крыма, по праву можно считать самое известное детище И. Гаспринского – газету «Терджиман» («Переводчик»), а также ее редактора, самого И. Гаспринского – представителя крымскотатарского дворянского сословия, которое было приобретено военной выслугой в 1853 г. его отцом, Мустафой Гаспринским. Общественно-политическая и литературная газета «Терджиман» изда-

² Хайрединова З.З. Инкорпорация крымскотатарских сословий в социальную и правовую систему Российской империи // Проблемы интеграции Крыма в состав России 1783–1825. Севастополь: Альбатрос, 2017. С. 109–134.

³ Прохоров Д.А. Участие крымских татар в работе государственных учреждений Таврической области и их роль в укреплении российского влияния в регионе // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Севастополь: Альбатрос, 2017. С. 95–108.

⁴ Кравчук А.С. Крымские татары в органах управления Таврической губернии в первой половине XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 47–60.

⁵ Сичаева Г.А. Участие крымскотатарских мурз в дворянских депутатских выборах Таврической губернии (к. XVIII – сер. XIX вв.) // Проблемы современной науки и образования. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-krymskotatarskih-murz-v-dvoryanskikh-deputatskih-vyborah-tavricheskoy-gubernii-k-xviii-ser-xix-vv/viewer>.

валась с 1883 по 1918 г. в г. Бахчисарае. На протяжении долгих лет данная газета была главным информатором жизни мусульман Российской империи. На ее страницах освещались важные вопросы, касающиеся большинства тюрко-мусульманских народов: становление и развитие национальной периодической печати, проблемы системы образования, создание первых мусульманских благотворительных обществ и пр. Газета регулярно освещала темы, касающиеся повседневности российского общества, включая жизнь представителей крымского дворянства. В статьях поднимались важные аспекты существования мурзацкой среды, отражающие изменения эпохи. Среди наиболее интересных публикаций, просмотренных нами за 1883–1914 годы⁶ издания газеты «Терджиман», выделяются материалы, посвященные следующим вопросам: роль крымскотатарского дворянства в общественной жизни Таврической губернии, его социальная активность и благотворительность; семейная жизнь, развлечения и досуг. Наряду с другими материалами и документами книжного собрания просветителя, публикации газеты «Терджиман» содержат факты личного знакомства и контактов И. Гаспринского с представителями крымскотатарского дворянства, представителями родов Ширинских, Мансурских, Кипчакских, Яшлавских (на рис. 3.), Балатуковых, Хункаловых, Тайганских, Булгакских.

Материалы и методы. При написании статьи были использованы общепринятые методы исторических исследований: методы анализа и синтеза, а также сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы.

Результаты исследования. В конце XIX в. уклад жизни крымского мурзачества, претерпевший существенные изменения после присоединения Крыма к России, все еще продолжал адаптировать-

ся к новым реалиям. Повседневная жизнь крымскотатарского дворянина делилась на частную и общественную. Как частное лицо он посвящал себя семье и деловым заботам, связанным с поддержанием своего благосостояния. Общественная жизнь была связана с различного рода торжествами, культурными мероприятиями. Мурзы участвовали в дворянских депутатских выборах, выборах Таврического муфтия, уездных кадиев и пр. Не на последнем месте была военная и государственная служба, которая воспринималась как долг и норма. Поэтому мурзы, поступив на российскую службу, старались «растись» в должностях и чинах, участвовать в военных кампаниях.

Поддержка культурных и религиозных традиций считалась частью общественной жизни дворянства. Мурзы часто посещали важные общественные мероприятия Таврической губернии. Тем более что культурная среда Крыма конца XIX – начала XX вв. состояла из различных праздничных мероприятий, государственных и религиозных праздников, торжеств, приуроченных к юбилейным датам и пр. Такие торжества имели, как правило, трехчасовую структуру, включающую в себя религиозные ритуалы, серию официальных церемоний и комплекс развлекательных увеселений. Элементами официальной части мероприятия были военные парады, выступления представителей административной власти, встречи губернатора или высокопоставленного гостя с элитой и торжественный обед.

Таким социально-значимым событием в жизни крымского общества, например, можно считать открытие памятника императрице Екатерине Великой в городском саду Симферополя, состоявшееся 18 октября 1890 г. Сам И. Гаспринский присутствовал на этом мероприятии и оставил описание этого дня. Торжество началось в четверг, в 10 часов утра, с обязательного элемента – молебства мусульманского и христианского.

⁶ Выбор границ исследования обусловлен годами жизни И. Гаспринского.

Мусульманская часть проходила в соборной мечети Текие Джами, где собирались мусульманское духовенство, дворянство и представители других сословий. Службу совершил исполняющий должность Таврического муфтия мудеррис Абдуль Керим Эфенди, а проповедь, составленная им, была прочитана бахчисарайским мудеррисом Аджи Абибуллой эфендием. На молебствии мусульман присутствовали таврический губернатор П.М. Лазарев с супругой, председатель Вакуфной комиссии князь А.Ф. Голицын-Прозоровский с супругой, губернский предводитель дворянства В.П. Попов с супругой, евпаторийский предводитель дворянства П.Н. Казначеев, художник И.К. Айвазовский, инспектор татарской учительской школы И.И. Казас и другие представители военной и гражданской власти Крыма.

По окончании молебства в мечети «дворяне-мурзы в форме отправились в собор для присутствия на молебне христианском. В час дня торжественная процессия из собора направилась на бульвар, к памятнику. Вдоль улиц стояли войска. Батарея артиллерии и Крымский татарский эскадрон» [1]. Военные парады, как мы уже писали выше, были еще одним официальным атрибутом праздника.

В 4 часа дня в Доме дворянства состоялся обед, данный дворянством губернии, выступавшим в качестве хозяина этого торжества. Трапеза сопровождалась тостами и речами. По мнению И. Гаспринского, особенно выделялись речи, произнесенные преосвященным Мартианом и феодосийским помещиком Джан Арслан мурзой Булгаковым. Часть речи последнего была процитирована в «Терджимане».

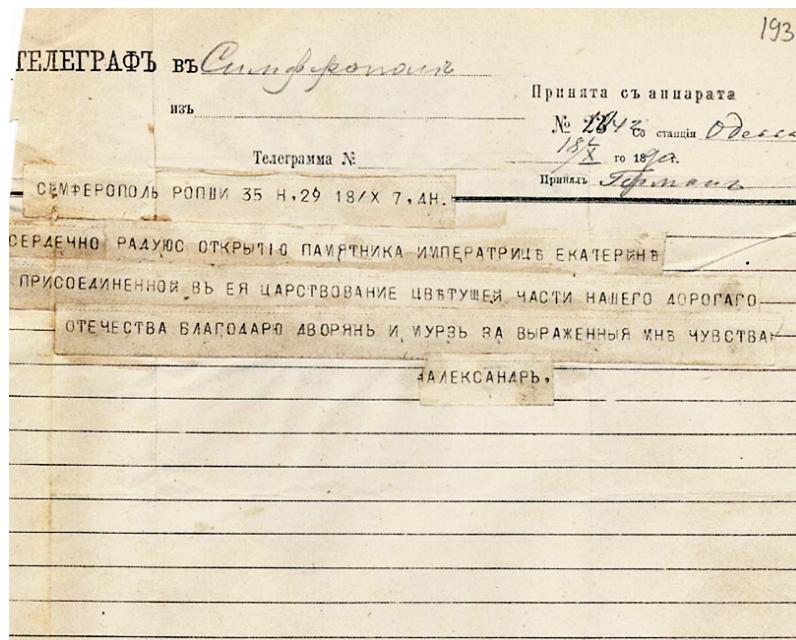

Рис. 1. Телеграмма императора Александра III Таврическому губернскому предводителю дворянства В.В. Оливу по случаю открытия в Симферополе памятника Екатерине II 18 октября 1890 г.

Источник: Государственный архив Республики Крым. Ф. 327. Оп.1. Д. 2172. Л. 193

Fig. 1. Telegram of Emperor Alexander III to V.V. Oliv, the Tauride Provincial Marshal of the Nobility, on the occasion of the opening of the monument to Catherine II in Simferopol on October 18, 1890.

Source: The State Archives of the Republic of Crimea. F. 327. Op. 1. D. 2172. L. 193

Вечером город был блестяще иллюминирован. Праздничное пространство города в дни торжеств всегда украшалось иллюминацией, существенно изменявшей в этом случае повседневный облик. Традиционным элементом городских праздников, составляющих неофициальную часть торжества, были народные гуляния. Присутствовали ли на народных гуляниях, продолжавшихся до глубокой ночи, представители крымскотатарского дворянства, И. Гаспринский не указал.

В Государственном архиве Республики Крым сохранилась телеграмма императора Александра III Таврическому губернскому предводителю дворянства В.В. Оливу, в которой императором было отмечено и участие мурз в открытии памятника Екатерине II (рис. 1).

Еще одно событие, состоявшееся уже в Бахчисарае 20 июля 1891 г., было посвящено закладке часовни над местом братской могилы защитников Севастополя, погребенных в годы Крымской войны близ города. По словам М. Дремджи, заведовавшего тогда погребением умерших в Бахчисарайском лазарете от ран, на братском кладбище в местности Эрменлик было предано земле свыше 2500 человек. На этом мероприятии И. Гаспринский также присутствовал лично и позже подробно описал все происходившее. Праздник начался с парада: «Отряд Крымскотатарской роты троекратным залпом и музыка Крымско-татарского дивизиона маршем почтили вечную память почивших боевых братьев» [2]. Затем присутствующие посетили молебствие и закладку часовни. Из Симферополя в Бахчисарай приехали: Таврический губернатор П.М. Лазарев с супругой, командир Крымского дивизиона Г.Г. Транзе, часть офицеров дивизиона, председатель уездной земской управы А.Х. Стевен, Асан-ага Абдураманчиков, Кая-бей Карабайский и другие лица.

Мусульманское общество города собралось в Ханской мечети на торже-

ственное молебствие и чтение памяти погребенных воинов. В 4 часа пополудни городское общество предложило гостям, приехавшим на торжество, обед, сервированный на террасе гарема Ханского дворца: «Тут сошлись за братской трапезой русские, караимы, греки и татары различных положений и состояний» [2]. Во время обеда играл оркестр Крымскотатарского дивизиона, и были произнесены многочисленные речи и тосты. Общество в послеобеденной беседе и воспоминаниях провело несколько часов в саду гарема и разошлось поздно вечером.

Крымскотатарская элита, часто состояла на службе в органах местного городского самоуправления, ввиду чего включалась в процесс проведения сельскохозяйственных выставок, получивших большое распространение в Российской империи. Постоянными участниками выставок, проводимых в Таврической губернии, были и крымские татары, в числе которых можно отметить крупных крымскотатарских землевладельцев – Булгаковых, Карабайских, Абдураманчиковых. Выставки способствовали налаживанию активной торговой деятельности, новых деловых связей, помогали находить покупателей для своей продукции, порождали здоровую конкуренцию и в целом содействовали дальнейшему развитию производства.

В «Терджимане» довольно часто освещались выставки как международного, так и местного характера. Так, 15 сентября 1888 г. в Симферополе состоялась Таврическая сельскохозяйственная выставка, где были выставлены лошади, рогатый скот, овцы, собаки, домашние птицы; представлено пчеловодство, шелководство, молочное хозяйство, шерсть, рыболовство, хлебные растения и хлеб, кормовые травы и другие растения, виноградарство, садоводство, цветоводство, табаководство, огородничество, лесоводство, продукты технические, ремесленные, сельскохозяйственные машины и

орудия, минералы, домашние изделия и рукоделия.

Из представителей крымскотатарской знати на выставке были представлены: Али-бей Булгаков, выставивший крымскую кобылицу с жеребенком, мед, груши, татарские работы (грабли, вилы, лопата, ярма, ободья и т.п.); Адиль-мурза Карапайский, выставивший 2 баранов крымской породы малыч, татарскую черепицу и жженый кирпич; Асан-ага Абдураманчиков – свежие плоды, табак в листах; Абла-бей Биарсланов из деревни Коккоз – кизилевые палки собственного изделия; Сеид-бей Булгаков – кизилевые палки и шкатулку [3, с. 203]. Позже в «Терджимане» сообщалось, что за доброкачественность и достоинства предметов, представленных на сельскохозяйственной выставке в Симферополе, Асан-ага Абдураманчиков получил большую серебряную медаль за табак, Адиль-мурза Карапайский – малую серебряную медаль за баранов породы малыч [3, с. 38].

Крымские мурзы были частыми участниками различного рода корпоративных торжеств, связанных с деятельностью Дворянского собрания, начиная от дворянских выборов и заканчивая торжественными обедами, посвященными ярким представителям общественной жизни Таврической губернии. Так, 14 марта 1888 г. в Симферополе, в зале Дворянского собрания крымские мурзы и прочие сословия мусульман дали прощальный обед бывшему командиру Крымского дивизиона полковнику Ф.Н. Боборыкину. Присутствовало 65 человек. Было сказано множество речей и тостов Кадыр-мурзой Карапайским, Курт-мурзой Ширинским, Омар-мурзой Ногаевым [3, с. 24].

Знаковым событием в жизни Бахчисарай в 1893 г. стало торжество, устроителем которого был сам И. Гаспринский – празднник 10-летнего юбилея газеты «Терджиман». Газета описывала

событие так: «В зале типографии был накрыт обед на три стола по-восточному. Банда в сто человек при десяти даулах грянула татарские мотивы. В зале редакции был накрыт закусочный стол для интеллигентных гостей и мурз, прибывших из разных уездов. Когда окончилось угощение гостей и учеников из мектебов, публика высыпала на террасу и двор. В одном конце двора дети затеяли оживленные танцы, и в общем получилась очень живописная и пестрая картина. К пяти часам мусульмане разошлись, и в зале типографии был накрыт европейский стол для русских гостей и мурз-дворян на тридцать персон. В числе мурз и беков, прибывших из уездов и городов, были Али-бей Болатуков, бывший перекопский предводитель дворянства Омар мурза Караманов, предводитель дворянства того же уезда Адиль-мурза Карапайский, подполковник Исмаил-мурза Муфти-заде, Аметша-мурза Тайганский, Али-мурза Тайганский, Сулейман-мурза Тайганский, Мустафа-мурза Кипчацкий и Али-мурза Булгаков. Под грохот туземной музыки обед продолжался часа три, а затем, сдвинув столы, общество за дружеской и веселой беседой просидело до часу ночи» [4].

Неотъемлемым элементом культуры досуга мурзачества были семейные торжества. Во все времена важнейшим из праздников жизненного цикла, определяющим быт, жизнь и повседневность была свадьба. Трансформации свадебного обряда в структурах повседневности крымскотатарского дворянства, к сожалению, до сих пор не изучены. Поэтому мы рассмотрим их сквозь призму взглядов И. Гаспринского: «Свадьба у тюркских народностей сопровождается большими пиршествами и церемониями, – писал он. Тут каждый по рангу, желает [не] отставать от родича и считает за честь, если пиршства долго вспоминаются гостями. Большие свадьбы сопровождаются скачками, борьбой силачей и тому подобными увеселениями» [5].

Рис. 2. Брошюра, изданная в типографии И. Гаспринского

Источник: Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник. НВ: 4429

Fig. 2. Brochure published by I. Gasprinsky

Source: Bakhchisarai Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve. NV: 4429

Описывая разорительные свадебные пиршества и траты он писал: «у нас, в Крыму бывают свадьбы, поглощающие десять и более тысяч! Дарятся кисеты для табака в несколько сотен рублей и бросаются музыкантам-цыганам сотни и тысячи, не говоря уже о том, что в последнее время эпидемия прожигания денег и состояний требует еще европейской музыки и напитков, изобретенных соединенными усилиями немцев, французов, англичан и русских!» [5]. В 1889 г. И. Гаспринский стал свидетелем одной из таких свадеб, состоявшейся в Симферополе. В № 9 газеты «Терджиман» от 10 марта 1889 г. он написал: «Сегодня закончилась шумная, богатая мурзацкая свадьба, продолжавшаяся целую неделю. Молодой мурза Мустафа Абдураманчиков сочетался браком с дочерью известного в Крыму бея Али Булгакова» [3, с. 53].

Али Булгакова по праву можно считать самым видным представителем крымскотатарской элиты периода жизни И. Гаспринского. О семье Абдураманчиковых известно то, что она была большой и концу XIX в. ей принадлежали более 300 десятин земли как в Гурзуфе, так и в его западной части – Ай-Даниле. Мустафа Абдураманчиков с 1888 г. числился на службе при канцелярии Таврического дворянского депутатского собрания [3, с. 38], а в 1890 г. был чиновником по особым поручениям при губернаторе П.М. Лазареве [3, с. 95].

Тон заметки И. Гаспринского был нейтральным, и мы не можем судить о том, осуждал или поддерживал просветитель новые веяния в повседневной жизни своих соплеменников. Про свадьбу М. Абдураманчикова И. Гаспринский написал, что она «началась вечеринкой, устроенной

«по-русски», традиционные «даул-зурна» были заменены полковой музыкой; вместо богатой черкески жених был во фраке. Пилав был заменен мороженным и т. д. В числе гостей, почтивших своим присутствием этот семейный праздник, были начальник губернии А.Н. Всееволжский, Губайдулла Чингисхан, командир литовского полка полковник Г.Н. Казбек с супругой и командир крымскотатарского дивизиона» [3, с. 53]. И. Гаспринский отмечал, что обилие шампанского, изысканность угощений и радушие хозяев ясно говорили о живой связи, устанавливающейся между русским и крымскотатарским обществом. И. Гаспринский также отмечал, что последующие дни происходили вчера чисто национальные, на коих угощалось мусульманское общество. Вероятно, просветитель присутствовал и там.

Об истинном отношении И. Гаспринского к этой свадьбе мы узнаем спустя более десяти лет: «в одной из губерний, помимо обычных церемоний, родовитые и богатые мусульмане стали устраивать особенно торжественную свадьбу – свадьбу с губернатором. Ради этой высокой чести, они ко всем прочим расходам охотно присоединяли лишнюю тысячу и более на шампанское и европейский стол. Ради вящей торжественности многие лезли в долги и после пятидневной свадьбы пять лет почесывали затылки. Но зато с удовольствием всегда могли вспомнить, что первый приз взяла лошадь [того-то] или что господин губернатор сидел вот на этом кресле. Мы собственно ничего не имеем против свадеб, свадьба – день законного веселья, но мы желали бы заметить, что всему есть мера и границы, переходить которые не следует» [5].

Не все свадьбы крымскотатарских дворян проходили, так, как у семьи Абдураманчиковых. 6 октября 1896 г. И. Гаспринский посетил более скромный свадебный вечер в доме полковника И.М. Муфти-заде. Редактор газеты «Терджиман» отмечает, что бракосочетание старшей дочери

И.М. Муфти-заде – Зейнеп ханым с военным типографом Хаким беком Клычевым прошло в присутствии ближайшего круга знакомых и друзей. «Милая и скромная невеста, кроме обыденной мусульманской грамотности, получила основательное образование и легко владела русским и французским языками. Веселый и душевный свадебный вечер был украшен музыкальным приветствием духового ученического оркестра татарской учительской школы, явившегося экспромтом поздравить с семейным праздником своего почетного попечителя господина Муфти-заде⁷. Ученический хор произвел особо отрадное впечатление на мусульманок» [6].

На свадебных пиршествах у крымских татар издавна большой популярностью пользовались конские скачки, которые были особо модными в дворянской среде. В Крыму были известны два рода скачек – «хощю»/«кощю». Домашние «хощю», непременное увеселение во время свадебного сезона, который приходился на зимне-весенное время. Скачки проводились и во время религиозных праздников – Ораза и Курбан байрама.

Шарль Монтадон замечает: «Почти все мурзы полуострова и множество других татар присутствуют на этих бегах, которые, благодаря большому разнообразию костюмов, представляют собой любопытное зрелище. Амфитеатр, где сидят элегантные дамы, одетые по-европейски, образует контраст, который не может не нравиться иностранцам» [8, с. 14].

⁷ С именем И.М. Муфти-заде связана одна из утрат книжного собрания И. Гаспринского. В частности, трудов «Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 год» и «Очерк столетней военной службы крымских татар с 1784 по 1904 г. (по архивным материалам)». Судя по рецензии И. Гаспринского, размещенной в газете «Терджиман» [7], книги бесспорно находились в его личной библиотеке. Однако, как и многие другие книжные издания крымских соратников И. Гаспринского, бесследно исчезли из фондов Бахчисарайского музея после 1944 г.

Рис. 3. Дворянин Сайн-бей Яшлавский с супругой Хадидже-ханум

Источник: <https://kr.pinterest.com/pin/731764639428148799/>

Fig. 3. Nobleman Sain-bey Yashlavsky with his wife Khadija-khanum

Source: <https://kr.pinterest.com/pin/731764639428148799/>

Как известно в конце XIX в. было создано Таврическое скаковое общество, в состав которого включились и представители знатных крымскотатарских фамилий. Так, Али-бей Балатуков и И.М. Муфтизаде были избраны заместителями президента и вице-президента общества, коими были губернатор А.А. Кавелин, вице-президент – флигель-адъютант полковник А.Д. Милютин. Действительными членами общества в различные годы значились представители таких мурзацких фамилий как: Абдураманчиковы, Аргинские, Балатуковы, Карапайские, Муфти-Заде, Тайганские, Хункаловы, Ширинские, Эдилерские, Кипчакские.

Первые скачки, назначенные Таврическим скаковым обществом, состоялись 15 октября 1882 г., на ипподроме в Сим-

ферополе. Такие скачки назывались – «Падиахах хошю» («Царские скачки»). Лошадь для них выдерживалась 40 дней или 6 недель. Скакунов («чапар»), записанных на «царские скачки», начинали подготовливать с весны, если скачки были назначены на осень [9, с. 115].

О популярности скачек в жизни крымскотатарского общества можно судить и по тому факту, что заметкам о начале сезона и наиболее ярким победам всегда отводилось место на страницах «Терджимана». К примеру, 15 мая 1898 г. А.М. Карапайским при содействии Перекопского земства были устроены скачки в Джанкое. Скачки прошли очень удачно и привлекли много публики. Главные призы взяли лошади «Машалла» К. Карапайского и «Каир» Ширинского [10].

К середине XIX века в Таврической губернии было свыше 160 конных завода. Одними из самых крупных были заведения Джеляля мурзы Кипчакского, Мурата мурзы Аргинского, братьев Крымтаевых.

Неотъемлемую часть жизни дворянства составляли посещения благотворительных мероприятий. Так, крымскотатарское общество принимало участие в благотворительных осенних базарах и весенних праздниках цветов, проводимых при участии российских императриц. К примеру, 11 мая 1914 г. состоялся благотворительный праздник цветов в Ливадии, где Диляре ханым Булгакова⁸, Фатьма ханым Бекирова в павильоне с благотворительной целью продавали кофе и сладости [11, с. 161]. На рис. 4 отмечено участие представителей крымскотатарского дворянства в важной общественной акции, направленной на сбор средств для поддержки больных туберкулезом, которая состоялась 20 апреля 1912 г. в г. Симферополь.

Представители крымскотатарской элиты нередко сами выступали инициаторами благотворительных вечеров, что неоднократно фиксировалось в хронике газеты И. Гаспринского. К примеру, в сентябре 1891 г. супруга ялтинского уездного предводителя дворянства М. Абдураманчика устраивала любительский спектакль в пользу нуждающихся в неурожайных местностях

[12]. Сбор составил 363 руб. 60 коп. [13].

18 февраля 1899 г. по инициативе И. Гаспринского в Симферополе состоялся первый благотворительный мусульманский вокально-музыкальный драматический вечер. Идея вечера была блестяще воплощена И.М. Муфти-заде: от устройства маленького базара татарских изделий, кофейни, ученического хора татарской учительской школы, исполнения татарских песен и мелодий до театральных постановок. Присутствовали на вечере не только мурзы, но и простые крымские татары, а также супруга начальника губернии, вице-губернатор и предводитель дворянства [14].

В январе 1897 г. газета «Терджиман» сообщила своим читателям о том, что был утвержден устав Крымского мусульманского благотворительного общества [15], которое было открыто 7 июня 1897 г. Крымское благотворительное общество брало на себя обязанности заботиться и опекать пожилых и больных, утративших трудоспособность. Деятельность организации была направлена на поддержку открытия русско-татарских учебных заведений, организацию русских классов при действующих крымскотатарских школах, создание общежития для учащейся в городе Симферополе мусульманской молодежи. Помимо этого, общество оказывало материальную помощь разорившимся кустарям-ремесленникам путем предоставления инструментов, сырья и денежных выплат. И. Гаспринский призывал состоятельных соотечественников материально поддерживать общество в деле благотворительности и приглашал к сотрудничеству всех желающих. Во главе с Исмаилом Муфтий-заде в составе правления общества значились Улановы, Карапайские, Крымтаевы, Ширинские, Абдураманчиковы. И. Гаспринский также принимал участие в жизни Крымского благотворительного общества. В разные годы он выполнял в данном обществе различные обязанности: был секретарем собраний, председательствовал на заседаниях, состоял в ревизионной комиссии и пр.

⁸ Род Булгаковых часто упоминается И. Гаспринским. Среди книг просветителя, хранящихся в фондах Бахчисарайского музея-заповедника нами была выявлена брошюра одного из известных мусульманских благотворителей Крыма – Саида бея Булгакова – «Аскер алынан генчлере мемури тарафындан идilen насихатлар» («Наставление для новобранцев») [16]. Брошюра была издана в типографии И. Гаспринского в 1910 г. и представляет собой, адаптированный для мусульман, переведенный с русского языка труд полковника П.И. Трясова «Сборник советов и наставлений молодым людям, подлежащим отбытию воинской повинности и правила, которым должны придерживаться новобранцы, принятые на службу до прибытия в часть» (См. рис 2.).

Рис. 4. Представители крымскотатарского дворянства в акции «День белой ромашки»,
20 апреля 1912 г., г. Симферополь

Источник: <http://goloskrimanew.ru/kryimskotatarskoe-dvoryanstvo-2.html>

Fig. 4. Representatives of the Crimean Tatar nobility on the White Daisy Day,
April 20, 1912, Simferopol

Source: <http://goloskrimanew.ru/kryimskotatarskoe-dvoryanstvo-2.html>

Несмотря на такие благие дела в кругу крымских мурз, не раз писал И. Гаспринский о разногласиях и раздорах между дворянскими родами, призывая их к объединению усилий во благо народа и отечества. Периодически он умел пристыдить и направить умы своих знатных соплеменников в нужное русло. В № 44 газеты «Терджиман» от 1889 г. он пишет: «Было время, когда старики мурзы, представители разных мурзацких родов Крыма, в интересах общего блага и охраны своих сословных полез, дружно и искренне совещались о делах сословия и дружно проводили его где следует, оставляя в стороне мелкие взаимные счеты и разногласия. Тогда мурзацкая среда была более почтенна, более уважаема, чем то, что мы видим теперь. Со смертью Болатукова, Тащи-Оглу, стариков Хункаловых, Аргинских, Крымтаевых, Ширинских, не говоря уже о Кая и Адиль-беях, сословие

это быстро пошло к упадку во всех отношениях. Взаимные счеты и несогласия мурз причинили немало бед и потерь...» [3, с. 83].

В 1887 г. редактор «Терджимана» отмечал, что рознь, возникающая между мурзами по тому или иному поводу, часто принимала широкие обороты и длилась продолжительное время, ко вреду не только их самих, но и целого общества. И. Гаспринский писал, что причиной такой розни и вражды часто были не материальные блага или сутяжничество, а высокомерие или «родовой гонор». Редактор описывал случай, когда во время выборов муфтия и вакуфных дел ожесточенно боролись две партии мурз. «Вражда, зародившаяся на почве личных отношений, перешла в сферу общественных выборов и завершилась весьма неожиданно и печально. Неожиданно потому, что никто не думал, что выборы муфтия отложатся на значительное время

и что вакуфы отойдут в ведение и охрану особой комиссии. Печально потому, что вражда и борьба эта стоила десятки тысяч рублей обеим сторонам и поселила антагонизм между многими родами и без того не слишком сентиментальных в отношении друг друга. После случившегося страсти улеглись» [3, с. 146].

По мнению И. Гаспринского, со временем присоединения края к России, когда условия жизни, поле деятельности сразу резко изменились, мурзачество не сумело приноровиться к новой жизни и быстро пошло к упадку. Он полагал, что в среде крымскотатарского дворянства было мало мурз, занимающих высокие должности в администрации края, «незаметно их по земству и весьма узко служебное положение их по дворянству» [3, с. 204]. И, ставя себя по праву в число вышеозначенных мурз, будучи потомственным дворянином, призывал чистосердечно признаться, что

виной тому были сами представители знатных родов. Имения «спускались» добровольно, как был добровольным и отказ от учения и службы. «Если мы не возьмемся за ум, то через 25–30 лет останутся лишь наши документы в архиве Депутатского собрания и больше ничего», – с горечью отмечал просветитель [3, с. 204]. Слова И. Гаспринского оказались пророческими. Несмотря на усилия крымских мурз, спустя 30 лет мурзацкие фамилии потеряли свой статус элиты в советском Крыму, многие знатные рода постигла участь угасания и растворения в культурах других народов в период эмиграции. Значительной потерей для культурного наследия крымских татар стало разрушение архитектурных памятников – дворцов и усадеб крымскотатарского дворянства. На рис. 5 изображен парадный вход во дворец крымскотатарских мурз Ширинских в селе Мурзакой (ныне Дивное) Карабазарского района.

Рис. 5. Несохранившийся дворец крымскотатарских мурз Ширинских в селе Мурзакой (ныне Дивное) Карабазарского района
Источник: https://t.me/Gayret_Userdiye

Fig. 5. The nonextant palace of the Shirinskys, the Crimean Tatar Murzas, in the village of Murzakoy (now Divnoye) of the Karasubazar district
Source: https://t.me/Gayret_Userdiye

Обсуждение и заключение. Таким образом, нами были рассмотрены некоторые аспекты повседневной жизни крымскотатарского дворянства во второй половине XIX – начале XX вв. сквозь призму взглядов одного из самых знаменитых их современников. Мы выяснили, что зафиксированная на страницах интеллектуального наследия И. Гаспринского хроника жизни крымских мурз состояла из череды торжественных событий: общественных праздников и мероприятий, обязательных для посещения; семейных торжеств, досуговых занятий и увлечений, значительно трансформировавшихся и отличавшихся от консервативных мусульманских устоев. Однако, несмотря на перемены, продиктованные веянием времени, мурзачество продолжало сохранять и чтить обычай предков. Наиболее ярко это вы-

ражалось в делах благотворительности, которая к началу ХХ в. приобрела новые формы реализации.

В завершении хотелось бы отметить, что в настоящее время в различных регионах страны ведутся исследования, посвященные судьбе отдельных дворянских семей в истории России. Подробно исследованы архитектура и устройство дворянских усадеб, процессы ведения хозяйства в имениях, быт и культура дворянской семьи, культура повседневности, генеалогическая реконструкция родов и трансформации внутрисемейных отношений. К сожалению, крымскотатарские дворянские фамилии еще не стали предметом столь глубоких научных трудов. Надеемся, что книги, брошюры и периодические издания из личной библиотеки И. Гаспринского смогут стать источниковой базой для будущих исследований этих научных тем.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. 18 октября 1890 г. // Переводчик-Терджиман. 1890. № 37. 27 окт.
2. Бахчисарай // Переводчик-Терджиман. 1891. № 25. 30 июля.
3. Гаспринский И. Полное собрание сочинений. Т. 3. Публицистика, 1887–1890 гг. / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; гл. ред. Р.С. Хакимов; сост. С.А. Сейтмеметова. Казань; Симферополь, 2019. 560 с.
4. 10 апреля 1883–1893 г. Приложение к № 13 // Переводчик-Терджиман. 1893. № 13. 18 апр.
5. Свадьбы и свадебные расходы // Переводчик-Терджиман. 1903. № 9. 8 марта.
6. Свадебный вечер // Переводчик-Терджиман. 1896. № 40. 13 окт.
7. Скачки, устроенные 15 мая // Переводчик-Терджиман. 1898. № 21. 29 мая.
8. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. III. Симферополь; Белгород: Константа, 2018. 392 с.
9. О крымских лошадях: (Практическое изучение): 1855: Из пехотного портфеля кавалерийского офицера. СПб: тип. Эдуарда Праца, 1857. XVI. 211 с.
10. Скачки, устроенные 15 мая // Переводчик-Терджиман. 1898. № 21. 29 мая.
11. По страницам жизни и служения Святой Царской Семьи (документы фондов Госархива РК, научной библиотеки «Таврика»), свидетельства очевидцев / авт.-сост. Л. П. Миллер. Симферополь, 2020. 256 с.
12. Супруга Ялтинского уездного предводителя дворянства // Переводчик-Терджиман. 1891. № 30. 6 сент.

13. Пожертвования // Переводчик-Терджиман. 1891. № 47. 28 дек.
14. Мусульманский вечер // Переводчик-Терджиман. 1899. № 7. 21 февр.
15. Крымское благотворительное общество // Терджиман. 1897. № 3. 21 января.
16. Аскер алынан генчлере мемури тарафындан идилен насихатлар / Рус. чев. С. Булгаков. Бахчисарай, 1910. 24 с.

REFERENCES

1. October 18, 1890 // Translator-Terdzhiman. 1890. No. 37. October 27
2. Bakhchisarai // Translator-Terdzhiman. 1891. No. 25. July 30.
3. Gasprinsky I. Complete Works. Vol. 3. Journalism, 1887–1890 / Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; ed.-in-chief R.S. Khakimov; compiled by S.A. Seitmemetova. Kazan; Simferopol, 2019. 560 p.
4. April 10, 1883–1893. Supplement to No. 13 // Translator-Terdzhiman. 1893. No. 13. April 18
5. Weddings and wedding expenses // Translator-Terdzhiman. 1903. No. 9. March 8
6. Wedding evening // Translator-Terdzhiman. 1896. No. 40. October 13
7. Horse races organized on May 15 // Translator-Terdzhiman. 1898. No. 21. May 29
8. Collection of historical, architectural and cultural monuments of the Crimean Tatars. Vol. III. Simferopol; Belgorod: Constanta, 2018. 392 p.
9. About the Crimean horses: (Practical study): 1855: From the infantry portfolio of a cavalry officer. SPb: type. Eduard Prats, 1857. XVI. 211 p.
10. Horse races held on May 15 // Translator-Terdzhiman. 1898. No. 21. May 29.
11. From the pages of the life and service of the Holy Royal Family (documents from the funds of the State Archives of the Republic of Karelia, the scientific library «Tavrika»), eyewitness accounts / author-compiler L. P. Miller. Simferopol, 2020. 256 p.
12. The wife of the Yalta district leader of the nobility // Translator-Terdzhiman. 1891. No. 30. September 6.
13. Donations // Translator-Terdzhiman. 1891. No. 47. December 28.
14. Muslim evening // Translator-Terjiman. 1899. No. 7. February 21.
15. Crimean charitable society // Terdzhiman. 1897. No. 3. January 21.
16. Asker alynan genchlere memuri tarafyndan idilen nasihatlar / Rus. chev. S. Bulgakov. Bakhchisarai, 1910. 24 p.

Информация об авторе / Information about the author

Сельвина Алиевна Сейтмеметова, младший научный сотрудник. Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Батурина, д. 7; ведущий библиотекарь отдела редких книг, рукописных и архивных материалов ГБУК РК «Республиканская крымскотатарская библиотека им. И. Гаспринского». 295011, Российская Федерация, г. Симферополь, ул. Самокиша, д. 8, e-mail: selvina11@rambler.ru

Selvina A. Seitmemetova, Junior researcher, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Sh. Marjani. 420111, the Russian Federation, Kazan, 7 Baturin Str., Leading librarian of the Department of Rare Books, Handwritten and Archival materials, The Republican Crimean Tatar Library named after I. Gasprinsky. 295011, the Russian Federation, Simferopol, 8 Samokish Str., e-mail: selvina11@rambler.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 13.03.2025

Received 13.03.2025

Поступила после рецензирования 22.04.2025

Revised 22.04.2025

Принята к публикации 23.04.2025

Accepted 23.04.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-38-54>
УДК [391:947](470.6)

Рубаха. К вопросу этнографического исследования одежды северокавказского казачества

Л.С. Царева

*Краснодарский торгово-экономический колледж,
г. Краснодар, Российская Федерация
 luiza.czareva@bk.ru*

Аннотация. Введение. Народная традиционная одежда является объектом изучения для многих специалистов. Пройдя длительный путь, одежда сохраняла элементы, передающиеся из поколения в поколение, которые стали со временем его традицией. Чтобы эти традиции могли быть понятны и доступны современному, важна и требуется особая связь с первоисточником – предметом материальной культуры.

Материалы и методы. Объектом нашего исследования избрана одежда казачьего населения линейных станиц Закубанья середины XIX – начала XX в. Настоящая работа ставит перед собой цель на региональном уровне выделить типы компонентов одежды. Задача исследования состоит не только в описании самого предмета материальной культуры, но и всех возможных коллизий, которые повлекли за собой его существование, потому из ряда методов исследований для работы выбираем хронологический и типологический методы.

Результат исследования. Уникальные предметы быта, в том числе и предметы традиционной одежды на сегодняшний день являются достоянием музеев; доступность к экспонатам-подлинникам одежды для разного рода специалистов в силу разных причин ограничена. Музеи публикуют материалы из своих фондов; информация эта чаще всего заключается в перечне предметов, которые имеются в музее, и их этнической принадлежности. Для того чтобы ввести в научный оборот материалы по одежде, этого недостаточно; в первую очередь необходимо знать подробное описание предмета материальной культуры, и, кроме того, без типологии предмета можно упустить из вида важные детали. На территории Краснодарского края, помимо краеведческих музеев, в 1980-е гг. были созданы и действовали в некоторых станицах так называемые Народные музеи, в которых были представлены предметы быта казачьего населения станиц, в том числе и предметы одежды. Со временем по ряду причин некоторые из этих музеев прекратили свое существование; судьба экспонатов-подлинников одежды тоже сложилась по-разному. Поэтому в свое время накопленные в этих Народных музеях материалы и материалы, собранные в территориально удаленных краеведческих музеях, бесспорно, будут являться ценнейшими источниками для последующих поколений исследователей и разного рода специалистов.

Обсуждение и заключение. Работа по выявлению типов предмета материальной культуры в бывших линейных станицах Закубанья, на примере женских и мужских рубах, показала, что самые архаичные формы – туникообразные рубахи – у коренного населения станиц Закубанья в употреблении не были; среди исследуемых экспонатов-подлинников выявлены варианты рубах

© Царева Л.С., 2025

женских, не описанных ни одним, известным автору, этнографическим литературным источником.

Ключевые слова: Закубанье, казачье население, типология, конструкция, ткацкий станок, полотнище, домотканина, фабричная ткань, рубаха женская и мужская

Для цитирования: Царева Л.С. Рубаха. К вопросу этнографического исследования одежды северокавказского казачества. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2025;17(2):38–54. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-38-54>

The traditional shirt. An ethnographic study of the clothing of the North Caucasian Cossacks

L.S. Tsareva

Krasnodar Trade and Economic College, Krasnodar, the Russian Federation

 luiza.czareva@bk.ru

Abstract. Introduction. Traditional folk clothing is an object of research for many specialists. Having gone a long way, the clothing has preserved elements passed down from generation to generation, which over time have become its tradition. A special connection with the original source – an object of material culture – is important and required for the traditions to be understandable and accessible to a contemporary.

The Materials and methods. The object of the research is the clothing of the Cossack population of the linear villages of the Transkuban region in the mid-19th – early 20th centuries. The goal of the research is to identify the types of clothing components at the regional level. The objective of the research is not only to describe the object of material culture itself, but also all possible collisions that entailed its existence, therefore, from a number of research methods, chronological and typological methods have been chosen.

The Research results. Unique household items, including traditional clothing items, are currently the property of museums; access to original clothing exhibits for various specialists is limited for various reasons. Museums publish materials from their collections; this information most often consists of a list of objects that are in the museum and their ethnic affiliation. This is not enough for the introduction of materials on clothing into scientific circulation; first of all, it is necessary to know a detailed description of the object of material culture and, in addition, without the typology of the object, important details can be overlooked. In addition to local history museums, in the 1980s, so-called People's Museums were created and operated in some villages on the territory of the Krasnodar Territory, where household items of the Cossack population of the villages, including clothing, were presented. Over time, for a number of reasons, some of these museums ceased to exist; the fate of the original clothing exhibits also developed differently. Therefore, the materials collected in these People's Museums and the materials collected in territorially remote local history museums will undoubtedly be the most valuable sources for future generations of researchers and various specialists.

Discussion and conclusion. The work on identifying the types of material culture items in the former linear villages of the Transkuban region using women's and men's shirts as an example has shown that the most archaic forms – tunic-shaped shirts – were not used by the indigenous population of the Transkuban region villages; among the studied original exhibits, variants of women's shirts have been identified that have not been described in any ethnographic literary source known to the author.

Keywords: the Transkuban region, Cossack population, typology, design, loom, cloth, homespun fabric, factory fabric, women's and men's shirt

For citation: Tsareva L.S. The Traditional Shirt. An Ethnographic Study of the Clothing of the North Caucasian Cossacks. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta*. 2025;17(2):38–54. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-38-54>

Введение. Несмотря на разнообразие предметов быта, принадлежащих тому или иному народу (орудий труда, жилищ, одежды и т. д.), количество принципиально разных решений (конструкции сох, плугов; конструкции стен, крыш; края рубах, штанов, юбок) ограничено, и не только в границах одного народа. Эти принципиально разные решения конструкции явлений материальной культуры и дают типы этих явлений. Н.В. Ушаков и ряд других авторов одежду, как явление материальной культуры, классифицируют: по материалу, по крою, по тому, какую часть тела она прикрывает, по способу ее крепления к телу, по компонентам костюма (рубаха, штаны, сарафан, понева и т. д.) [1]. Из этого ряда классификации одежды для нашей работы выбираем ту, что отображает различные виды кроя. Сравнение компонентов одежды по крою определит типы компонентов одежды (типология одежды – выделение в близких по форме и назначению вещах принципиально разных конструктивных решений, т. е. выделение тех или иных видов кроя).

Материалы и методы. Разработанная Ф.М. Пармоном классификация рубах женских предполагает проводить типизацию их конструкций, исходя из особенностей решения плечевого пояса. [2, с. 40]. Показатель количества полотен в конструкции и их расположение в данном случае имеет второстепенное значение. Иллюстративная информация о типах одежды в этнографических работах бывает разная, чаще всего это фотографии или просто рисунки. Фотография, в меньшей мере, рисунок – в большей, могут показать общий принцип тектоники предмета одежды, однако для полноты информации необходима схема кроя деталей, составляющих предмет одежды. Это может являться информацией, которая существенно дополнит базу, созданную на основе литературных этнографических источников, для дальнейшего широкого историко-сравнительного изучения

одежды и выявления функциональных и структурных взаимосвязей компонентов одежды в северокавказском регионе.

Результаты исследования. Основополагающим предметом женской одежды, занесенным первопоселенцами в Закубанье, была рубаха. Как самый распространенный вид одежды, рубаха женская широко представлена в музеях исследуемой территории. Конструкции экспонатов – подлинников рубах в собраниях музеев разнообразны: рубахи с прямолинейным оформлением деталей кроя и рукавами, рубахи с криволинейным оформлением деталей кроя и рукавами, рубахи без рукавов. Нами выявлено, что самыми архаичными рубахами, перенесенными первопоселенцами в линейные станицы Закубанья, были поликовые рубахи. Эта простейшая по конструкции одежда из прямоугольных кусков домотканины изначально изготавливалась из неокрашенного холста льняного или посконного. Стан поликовых рубах состоял из четырех, трех или двух прямоугольных полотнищ. Полотница (точи) ткали ткачи на простых ткацких станках (кроснах). Вырабатывали станичники холст: рубашечный, подкладочный, торбочный, хрящевой. Ткачи предварительно рассчитывали размеры и количество деталей для будущего изделия, учитывая, какое количество полотен необходимо сортить для стана, какой длины должны быть полотна, какой длины и ширины должны быть сотканы рукава, а также намечали и места расположения на деталях тканых узорных полос, если таковые планировались. «К Пасхе хорошая хозяйка аршин двести полотна делала – и на штаны, и на рубахи...» – вспоминают первопоселенцы станицы Отрадной [3, с. 97].

Ширина полотна, снимаемая с кросен, зависела от длины берда ткацкого станка. В свою очередь именно ширина полотна являлась модулем конструктивного решения будущего изделия, для которого полотна и ткали. До второй половины XIX в. в домохозяйствах использовали

узкие ткацкие станки. На узких станках вырабатывали полотна шириной 8–10 вершков (35,6 – 44,5 см), что отображено в конструкциях экспонатов-подлинниках рубах. Самым хорошим для изготовления рубах считался холст с шириной 9,5 вершков (42 см). От количества полотнищ зависел объем рубахи, обеспечивающий густоту сборок у горловины, пышность рукавов и динамику конструкции изделия в целом. Полотнища стана рубах соединяли в области плеча накладками, так называемыми «поликами», а образовавшееся

внутри отверстие являлось горловиной рубахи. На переднем полотнище от горловины вниз делали прямой разрез длиной 25–38 см, который назывался «пазухой». Горловину рубахи собирали по всему периметру в густую сборку в виде мелких гофрированных складочек специальным швом, в которых и драпировался разрез пазухи; пазуху рубахи соединяли тесемками-завязками. Полотница стана соединяли ручными маскировочными швами или швом «вперед иголку» с закреплением по лицевой стороне косыми стежками (рис.1).

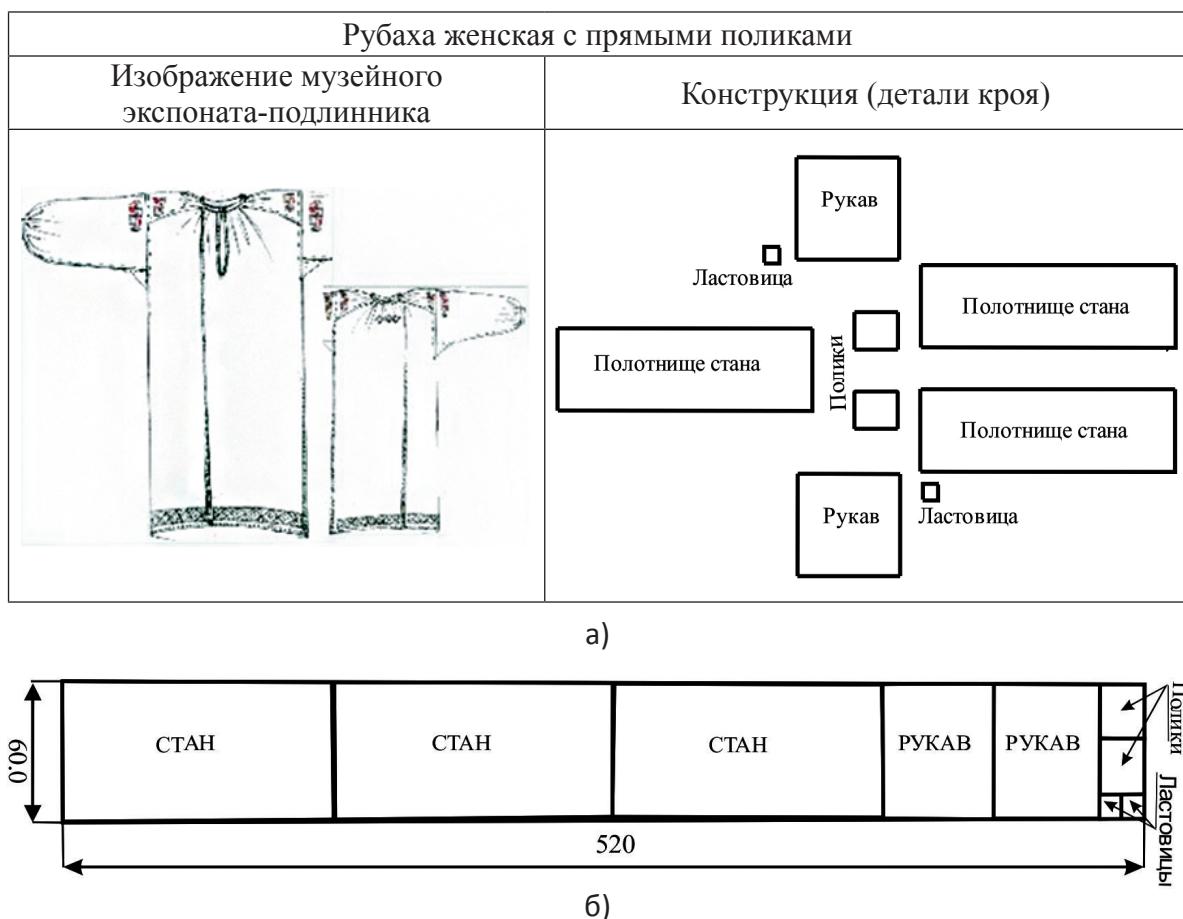
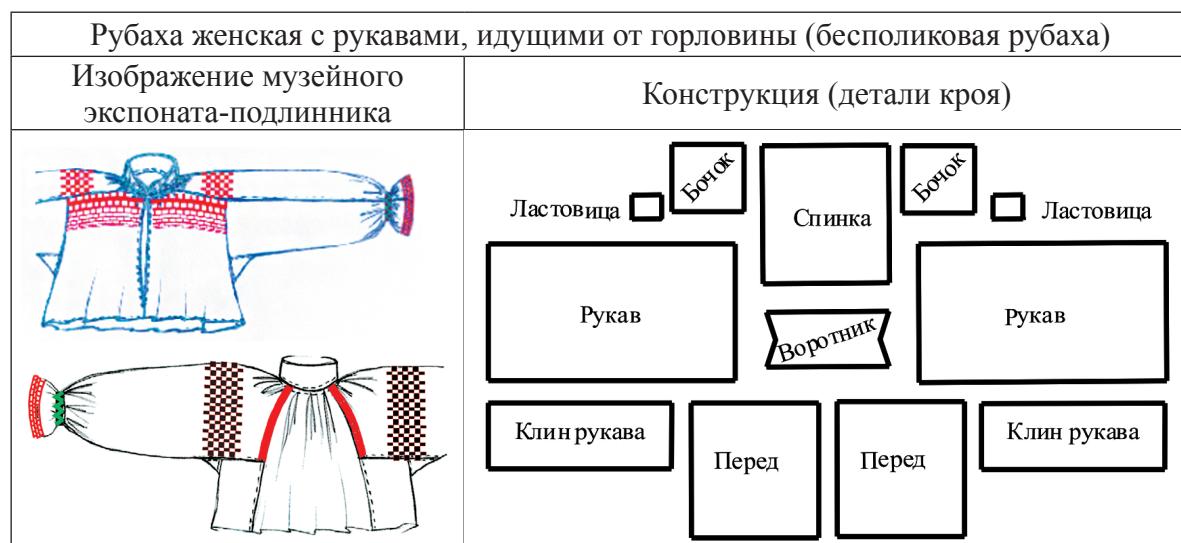

Рис. 1. Народный музей станицы Удоброй (Краснодарский край). Рубаха женская изготовлена из холста домашнего производства, сшита ручными стежками, полотница стана соединены мережкой: а) изображение и схема деталей кроя; б) раскладка деталей кроя (процент межлекальных выпадов – 0%)

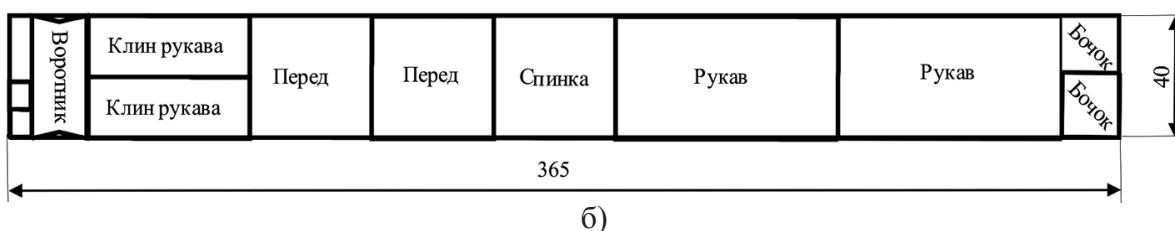
Fig. 1. Folk Museum of Udobnaya Stanitsa (the Krasnodar Territory). A women's shirt made of home-made canvas, hand-stitched, the panels of the shirt are connected with hemstitching: a) image and diagram of the cut details; b) layout of the cut details (percentage of inter-pattern drops – 0%)

Со второй половины XIX в. в казачьих домохозяйствах в изготовлении полотен для рубах стали использовать фабричную хлопчатобумажную пряжу машинного прядения белого и красного цветов. С появлением фабричной пряжи домотканину стали изготавливать на широких станках шириной 13–13,5 вершков (58–60 см). Пряжа фабричного производства ускорила в целом процесс изготовления одежды, да и полотна, вытканные из нее, получались более мягкими, что изменило отработанные веками конструкции поликовых

рубах. Рукава рубах стали кроить вместе с поликами, и, как результат, в народной одежде появилась бесполиковая рубаха. Помимо этого, применение в изготовлении одежды хлопчатобумажной белой и цветной пряжи фабричного производства, особенно красной, привело к вытеснению старинных вышивок менее трудоемкими вышивками по счету нитей, по контуру и узорным ткачеством, а к концу XIX в. повсеместно распространилась вышивка тамбуром, в том числе и в станицах исследуемой территории (рис. 2).

a)

б)

Рис. 2. КГИАМЗ. Рубаха женская, изготовленная из пряжи фабричного производства:
а) изображение и схема деталей кроя; б) раскладка деталей кроя
(выпады межлекальные – 0,61%)

Fig. 2. KGIAMZ. Women's shirt made from factory-made yarn:
a) image and diagram of cut details; b) layout of cut details
(cabbage – 0.61%)

Примером бесполиковой рубахи может служить экспонат-подлинник, подаренный КГИАМЗ [4] жителями Отрадненского района (рис. 2). Рубаха домашнего ткаче-

ства изготовлена из хлопчатобумажной фабричной пряжи белого цвета, в дополнение к которой взята хлопчатобумажная фабричная пряжа красного цвета. Рубаха

декорирована полосками бранного ткачества и вышивкой в технике «двухсторонняя счетная гладь» пряжей красного цвета. Стан рубахи состоит из трех целых модулей полотна шириной 40 см и двух половинных модулей шириной 20 см. Рукава, идущие от горловины изделия, имеют дополнительно к их ширине клин и ромбовидную ластовицу. Низ рукавов, собранный под обшивку, завершается полосой бранного ткачества. В горловину рубахи вшит воротник, пазуха рубахи соединена тесемками-завязками. Рубаха с воротником входили в комплекс одежды

с юбкой-андарак, и носили такие рубахи женщины однодворческих селений (исходя из картины заселения линейных станиц Закубанья, наличие рубахи однодворческой на территории Отрадненского района не вызывает удивления). Иное конструктивное решение бесполиковой рубахи имеет экспонат-подлинник из районного краеведческого музея станицы Гиагинской (рис. 3). Конструкции рубах поликовых и бесполиковых можно объединить в группу рубах первого типа, прямолинейная форма деталей края которых обеспечивала безотходное выкраивание их (рис. 3).

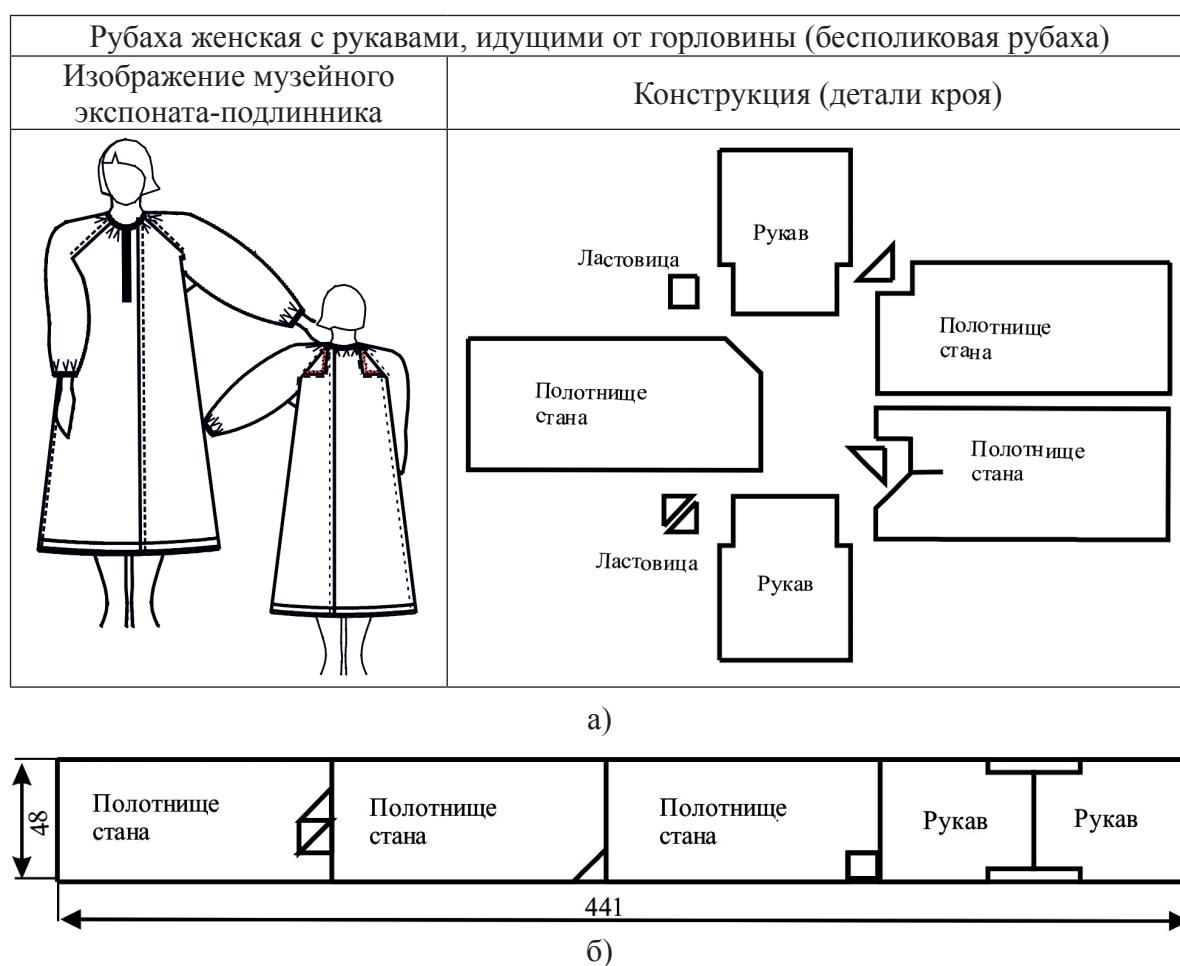

Рис. 3. Гиагинский районный краеведческий музей им. П.П. Тынченко, станица Гиагинская (Адыгея). Рубаха женская выполнена из домотканины: а) изображение рубахи и схема деталей края; б) раскладка деталей края (выпады межлекальные – 0 %)

Fig. 3. The Giaginsky District Museum of Local History named after P.P. Tynchenko, Giaginskaya village (Adygea). Women's shirt made of homespun cloth: a) image of shirt and pattern of cut details; b) layout of cut details (cabbage – 0%)

Любимым праздничным цветом в народной одежде был красный. Одежду из красных (красивых) тканей изначально шили из дорогих привозных бухарских и персидских «кумачей» (хлопчатобумажная ткань (миткаль), окрашенная в красный цвет). С развитием отечественных кумачовых производств в конце XVIII – начале XIX в. кумач стали использовать и в народной одежде, а вслед за ним – и ситцы, набивные по кумачу. Поскольку первоначально кумачи были дороги, то

использовали их в народной одежде очень экономно – только в отделке в качестве нашивных украшений в виде небольших кусочков и вставок или в виде отдельных деталей рубахи: ластовиц, поликов, манжет. В более поздних вариантах рубах в верхней их части появились кокетки из кумачей, которые пришли на смену поликам; стан же рубах по традиции выполнялся все еще из домотканины. Примером такой рубахи может служить экспонат-подлинник из собрания СГИКПЛМЗ (рис. 4) [5].

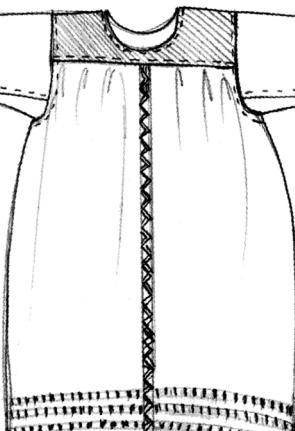
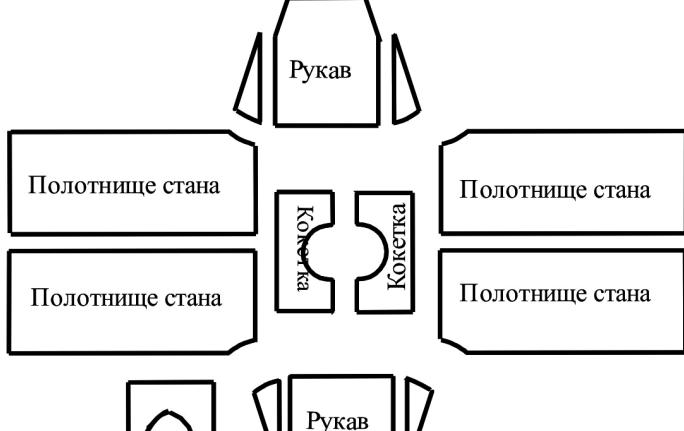
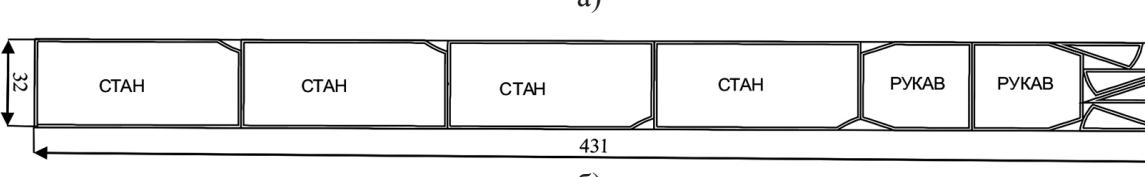
Изображение музейного экспоната-подлинника	Конструкция (детали кроя)
	 <p style="text-align: center;">a)</p>
	 <p style="text-align: center;">б)</p>

Рис. 4. СГИКПЛМЗ. Рубаха женская изготовлена из четырех полотнищ домотканины с применением фабричной пряжи белого и красного цветов; в верхней части рубахи расположена кокетка из двух слоев кумача; по подолу и низу рукавов – полосы бранного ткачества, выполненные красной бумажной пряжей; полотнища стана соединены маскировочными швами:

а) изображение и схема деталей кроя; б) раскладка деталей кроя домотканины (выпады межлекальные – 4,44 %)

Fig. 4. SGIKPLMZ. Women's shirt made of four homespun panels using factory yarn of white and red colors; in the upper part of the shirt there is a yoke of two layers of red calico; along the hem and the bottom of the sleeves there are stripes of combat weaving made of red paper yarn; the panels of the loom are connected with camouflage seams: a) image and diagram of the cut details; b) layout of the homespun cut details (cabbage – 4.44%)

Быстрый рост капитализма, ускорившийся во второй половине XIX в., разрушил остатки патриархальной замкнутости сельского быта, что повлияло на формирование обширного крестьянского рынка. Промышленники стали ориентировать свои производства на выпуск доступных по цене специальных крестьянских тканей. К концу XIX в. благодаря высоким ценам на хлеб для неурожайных российских губерний у населения кубанских станиц значительно повысилась покупательная способность. По исследованиям Л.В. Македонова, проводимых в нагорных станицах Закубанья в начале XIX в., фабричный текстиль продавался в них всего по 10–13 копеек за аршин; столько же стоил и холст домашнего изготовления [6, с. 51]. Распространение нового фабричного текстиля с шириной, большей по отношению к домотканине, и доступность его, обусловили изменение конструкции традиционных видов одежды. Отныне фабричные ткани стали применять не только в виде украшения рубах – из фабричных тканей начали шить верх рубахи, оставляя лишь ее невидимую часть – подставку («становище») – домотканой. Такие рубахи получили название «составные рубахи».

Новая ширина фабричных тканей явила и новое конструктивное решение рубах: швы соединения полотнищ стана рубах, количество которых сводилось теперь чаще всего к двум, стали располагать по бокам; вместо кокеток в рубахах появились плечевые швы; линия горловины приобрела криволинейное оформление. Эти решения рубах явились переходными от прямоугольной формы деталей края в одежде – к деталям

края с криволинейным оформлением горловины, проймы и оката рукава, что явилось качественно новой ступенью в совершенствовании конструкций всей плечевой одежды. Рубахи с кокетками в верхней части изделия можно отнести ко второму типу рубах, а рубахи с плечевыми швами – к третьему. Рубахи второго и третьего типа изготавливали и полностью из фабричного текстиля, и полностью из домотканины как будничный вариант, и составными. Интересен экспонат-подлинник составной рубахи из собрания районного краеведческого музея станицы Гиагинской, не встречающийся ни в одном, известном автору, литературном этнографическом источнике (рис. 5).

Рубахи второго типа имели глухой вырез горловины; в иных случаях рубахи снабжены застежкой по одному из плечевых швов на прорезную или навесную петлю и пуговицу. Применение в конструкциях кокеток существенно сокращало длину плечевого шва рубахи до естественной ширины плеча женщины. Рукава рубах второго типа были длинными, но встречаются экспонаты-подлинники и с укороченными зауженными книзу рукавами, вшитыми в щелевидные проймы или в проймы с криволинейным оформлением. Зачастую рукава рубах второго типа по старинке снабжены дополнительными клиньями и четырехугольными ластовицами под рукавами. Наиболее удобными были конструкции рубах, имеющие криволинейное оформление проймы, в которые вшивались пышные, присборенные по окату рукава на манер городского платья (рис. 5).

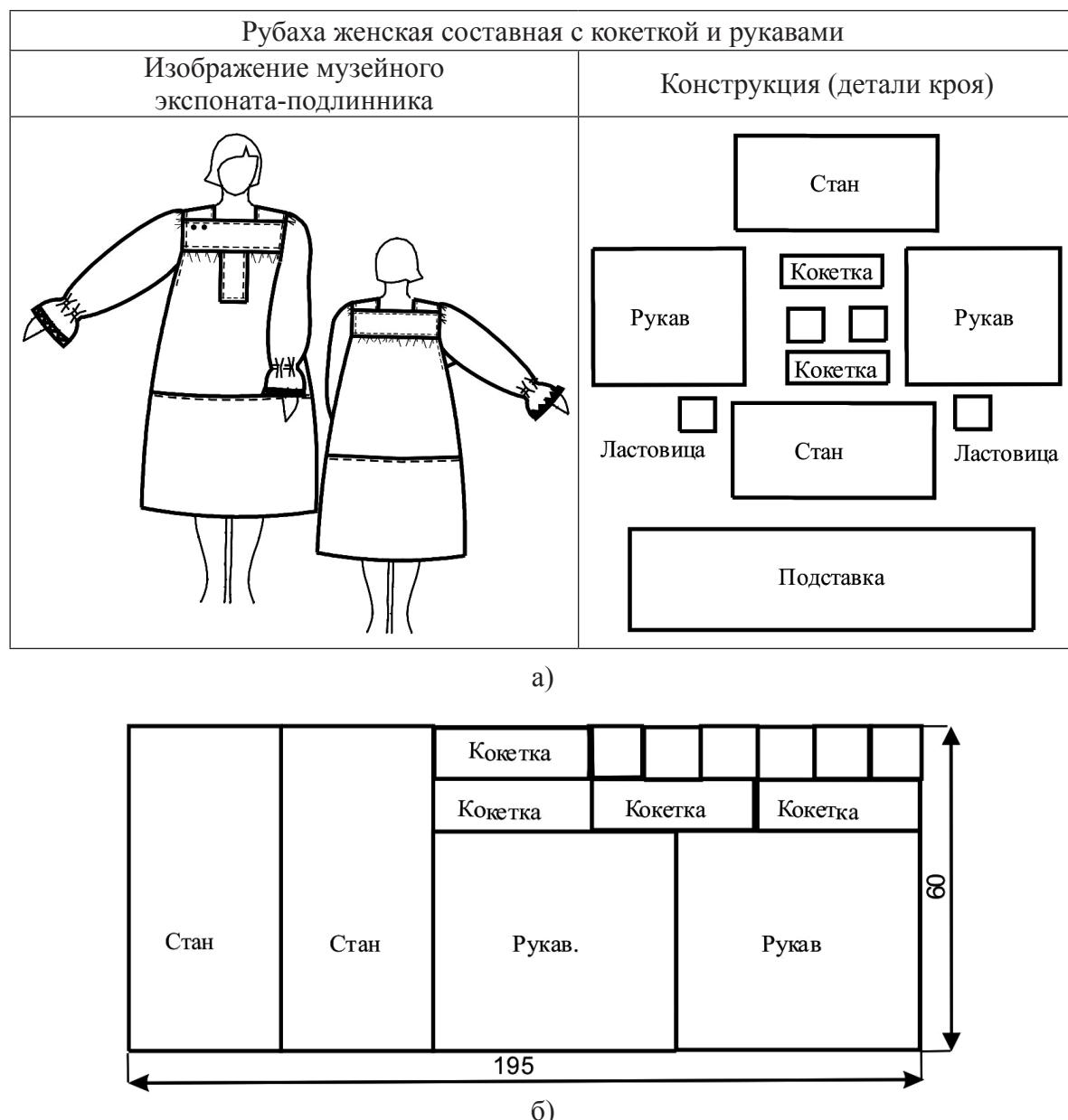

Рис. 5. Гиагинский районный краеведческий музей им. П.П. Тынченко, станица Гиагинская (Адыгея). Рубаха женская составная – стан (лиф) из фабричного текстиля, подставка домотканая, в верхней части лифа расположена кокетка, в которую вшиты бретели в виде поликов, под рукавами вшиты ластовицы, по переду – нашивное украшение, в плечевом шве – застежка на прорезные петли и пуговицы:
 а) изображение рубахи и схема деталей кроя;
 б) раскладка деталей кроя из фабричного текстиля (выпады межлекальные – 0 %)

Fig. 5. The Giaginsky District Museum of Local History named after P.P. Tynchenko, Giaginskaya stanitsa (Adygea). Women's composite shirt – bodice made of factory-made textiles, homespun stand, in the upper part of the bodice there is a yoke into which straps in the form of poloks are sewn, gussets are sewn under the sleeves, on the front there is a sewn-on decoration, in the shoulder seam there is a fastener on welt loops and buttons: a) image of the shirt and diagram of the cut details; b) layout of the cut details made of factory-made textiles (cabbage – 0%)

Отличительной особенностью рубах третьего типа являлось наличие плечевых швов и введение в конструкцию деталей спинки и переда вытачек-зашипов или складочек, вертикально опущенных вниз от плечевого шва, в которые забирались излишки ткани выше линии груди. Этот прием значительно сокращал объем изделия в области плечевого пояса, но вместе с тем обеспечивал выпуклость груди и лопаток обладательницы рубахи. Стан рубах третьего типа кроился, как правило, из двух полотнищ домотканины или покупной фабричной ткани. Такой прием кроя за-

частую не обеспечивал ширину изделия по линии бедер; когда ширины полотна не хватало, выпуклость бедер в конструкции рубахи обеспечивали вшитые в боковые швы клинья. Традиционный народный способ раскroя ткани, состоящего в стремлении к безотходности материалов и в желании как можно меньше резать ткань, здесь все еще имеет место быть. Однако криволинейное оформление горловины, а зачастую криволинейное оформление проймы и оката рукавов, приводит к появлению в раскладках изделий незначительных выпадов (рис. 6).

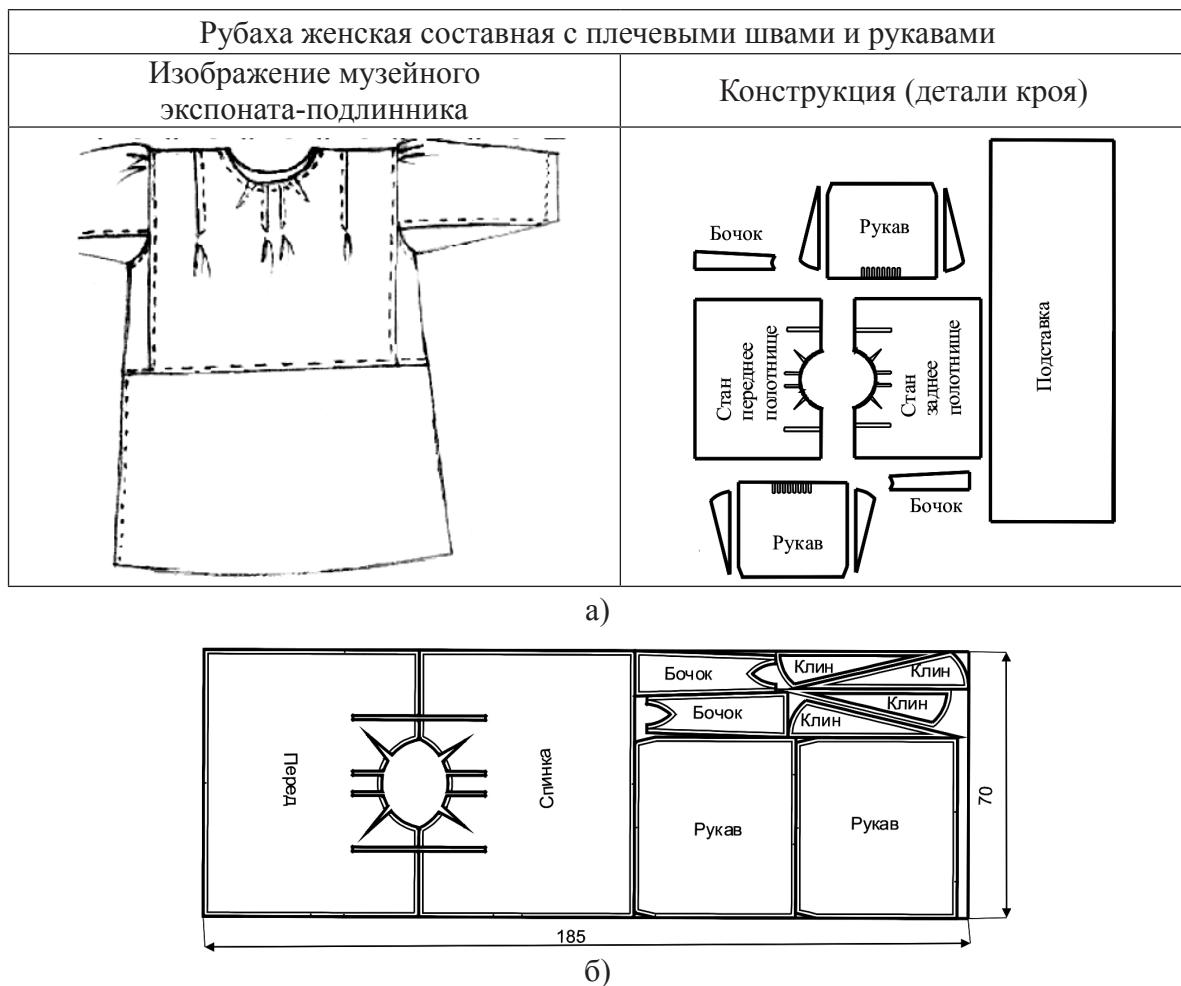

Рис. 6. Отрадненский историко-археологический музей, станица Отрадная (Краснодарский край). Рубаха женская составная – лиф из ситца, подставка домотканая: а) изображение и схема деталей кроя; б) раскладка деталей из фабричной ткани (выпады межлекальные – 6,28 %)

Fig. 6. The Otradnoye Historical and Archaeological Museum, Otradnaya village (the Krasnodar Territory). Women's composite shirt – calico bodice, homespun stand:
a) image and diagram of cut details; b) layout of details from factory fabric(cabbage – 6.28%)

Рубахи второго и третьего типов отличаются скучностью украшений или полным отсутствием таковых в традиционных местах декорирования. Средняя длина рубах второго типа составляет 100 см, из чего можно сделать вывод, что рубахи изготавливали длиною до линии коленей или чуть ниже. По воспоминаниям информаторов, поверх рубахи обязательно надевали платье, юбку или юбку в комплекте с кофточкой: «Под платье надевали рубаху. Рубахи были длинные, ровные, из холста полностью или с надставкой холстовой и ситцевым станом. Рукава у рубах были длинные, а коротких рукавов у рубах не было, по головке у рукавов были складочки» [7, с. 178]. Соединяли детали кроя рубах второго и третьего типа ручными стежками, в дополнение которым использовали и машинные швы: запошивочные и бельевые. Конструкции деталей переда и спинки у этих рубах по старинке еще одинаковые. В условиях полевых работ нагрузке подвергалась верхняя часть спинки – под воздействием пота и лучей солнца она быстро изнашивалась. Однаковое конструктивное решение спинки и переда позволяло надевать рубаху задом наперед, что значительно продлевало срок эксплуатации изделия.

История женского белья в мировой практике довольно короткая. Тенденция носить под платьем нижнюю одежду появилась только в конце XIX в. [8, с. 449]. В кубанских станицах рубаха перешла в разряд женского белья в 1900-е гг.; в праздники молодые женщины под платье стали надевать рубахи без рукавов с «выкатом» (круглым углубленным вырезом горловины) [9, с. 158]. Рубахи без рукавов можно объединить в четвертый тип рубах – нижнее белье. Так как данный тип рубах был предназначен для надевания под вышележащий слой одежды, то в их конструкциях прослеживается тенденция

к уменьшению объема рубахи в целом; кокетка по спинке исчезает, а кокетка в верхней части переда заменяется в иных случаях небольшим количеством складочек для обеспечения выпуклости груди, однако чаще всего выпуклость груди в таких рубахах не обеспечена ни одним конструктивным элементом. Поскольку число полотниц стана в рубахах без рукавов сведено к двум, то ширина изделия по линии бедер в данном случае достигалась вшитыми в боковые швы клиньями или подрезами в области бедер, снабженными сборкой или мелкими складочками. Участникам Международной научной конференции «Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии» [10] был продемонстрирован приобретенный Эрмитажем довольно редкий экспонат – подлинник рубахи без рукавов; однотипный вариант конструктивного решения нарядной бельевой рубахи из одного куска фабричной ткани обнаружен нами в станице Отрадной (рис. 7).

В канун Первой мировой войны в женскую моду входят съемные широкие пояса, фиксирующие верхнюю юбку городского типа на фигуре. В этом случае кофточку носили заправленной в юбку, а юбка, в свою очередь, плотно облегала фигуру женщины в области талии. Такой комплект одежды предполагал наличие укороченной нижней рубахи-лифа без рукавов (рис. 8). Со слов информаторов, нижнего белья не было: «В рубахах ходили, а трусов не было ни зимой, ни летом, я еще захватила»; «... надевали рубаху, а поверх надевали юбку-зонку. Материал такой был чисто белый, назывался «зон». Внизу зонку выбивали зубчиками. Юбки были на учкуру, пока ими обмотаешься, так намучаешься!»; «... штанов не было – одежи одевали много, а коленки мерзли. Нет, чтобы из зонки штаны сделать!» [7, с. 178].

Рубахи женские без рукавов исподние (белье)	
Изображение музейного экспоната-подлинника	Конструкция (детали кроя)

Рис. 7. Отрадненский историко-археологический музей, Отрадная станица (Краснодарский край). Изображение и схема деталей кроя рубах женских исподних без рукавов на бretелях (белье): составная рубаха (стан – ткань фабричная, подставка – домотканная) и цельная из одного куска фабричной ткани (нарядный вариант)

Fig. 7. The Otradnoye Historical and Archaeological Museum, Otradnaya village (The Krasnodar territory). Image and diagram of the cut details of women's sleeveless underwear shirts with straps (lingerie): a composite shirt (body - factory-made fabric, stand - homespun) and a whole one made from one piece of factory-made fabric (dressy version)

Рубаха-лиф женская без рукавов (белье)	
Изображение музейного экспоната-подлинника	Конструкция (детали кроя)

Рис. 8. Отрадненский историко-археологический музей, станица Надежная (Краснодарский край). Комплект женского белья, состоящий из рубахи-лифа и исподней юбки-зонки; комплект изготовлен из ткани фабричного производства

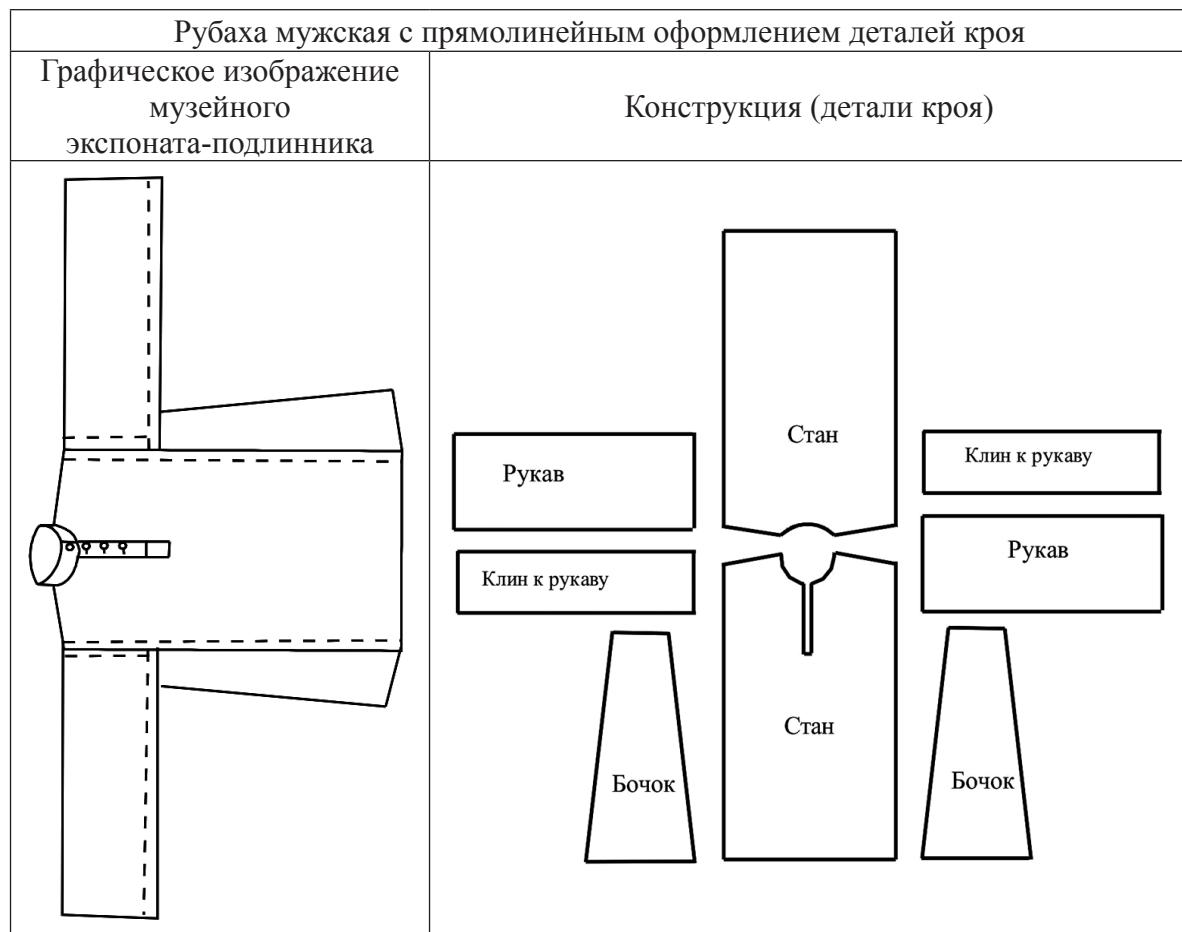
Fig. 8. The Otradnoye Historical and Archaeological Museum, Nadezhnaya Stanitsa (The Krasnodar Territory). A set of women's underwear consisting of a shirt-bodice and an underskirt; the set is made of factory-made fabric

Экспонаты одежды мужского ассортимента в собраниях музеев исследуемой территории весьма малочисленны, однако, подключив фотодокументы, можно проследить динамику развития кюя и мужских рубах. Рубаха входила в список предметов обмундирования и снаряжения казаков ККВ и использовалась ими как бельевое (исподнее) изделие, надеваемое под бешмет. В соответствии со списком предметов обмундирования и снаряжения, казаку в конце XVIII – начале XIX в. при выходе на службу необходимо было иметь рубахи исподних четыре штуки [11, с. 157]. В 1860-е гг. в регулярных армейских войсках появились рубахи-гимнастерки, которые изготавливались из белого фланандского полотна, и предназначались эти рубахи для занятий гимнастикой. В 1880 г. начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии генерал Тутолмин ввел в своих полках комбинацию бешмета и рубахи-гимнастерки. Он снабдил рубаху стоячим воротником и застежкой на крючки и петли, как это было в бешмете. «Тутолминка» – так окрестили новый вид одежды казаки, надевалась под черкеску, заменяя собой бешмет. Без черкески подпоясанная тонким кавказским или широким солдатским ремнем «тутолминка» заменяла гимнастерку [12, с. 154–155]. Судя по многочисленным фотодокументам, под черкеску надевали и рубахи-косоворотки, столь популярные в России в конце XIX – начале XX в.

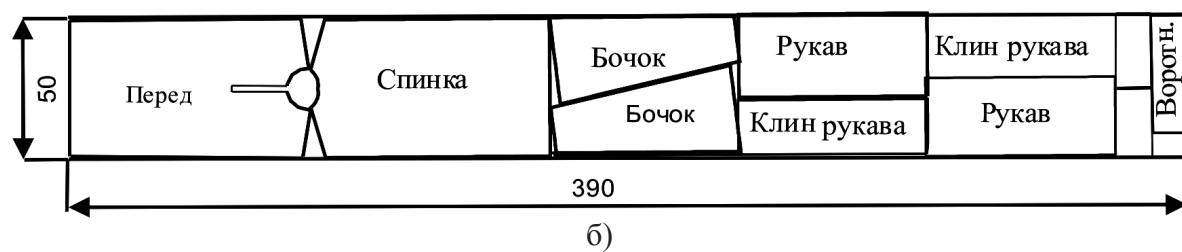
Использовали казаки рубаху и в бытовой повседневной жизни в качестве верхнего плечевого и нижнего бельевого изделия. Изготавливать мужское белье население станиц предпочтитало из отбеленного посконного холста домашней выработки, как наиболее прочного материала. Кроили рубахи нижние

бельевые точно так же, как и верхние рубахи, только бельевые изготавливали без воротника. Бельевая одежда служила казакам в бытовой станичной жизни в качестве домашней одежды и в качестве летней рабочей. Верхние рубахи имели стоячий воротник и центральную или асимметричную застежку на пуговицы и прорезные петли на планке. Характер застежки, судя по фотодокументам, долгое время значения не имел, т. е. изготовителю рубах и их потребителю было без разницы, с запахом на какую сторону ее застегивать. Верхние рубахи казаки в линейных станицах носили навыпуск (поверх поясного изделия), подпоясав их поясом. Бытописатель линейной станицы писал в последней четверти XIX в.: «Мужчины носят рубаху холщовую в рабочую пору... затем вне рабочей поры, более достаточные носят рубаху серпинковую, ситцевую или кумачовую, с разными вышивками, смотря по состоянию... В праздники казаки надевают тонкие американские, ситцевые рубахи...» (рис. 9) [13, с. 652].

К началу XX в., что отображено в письменных источниках и фотодокументах, в среде северокавказского казачества наблюдается стремление в бытовой станичной жизни менять традиционную казачью одежду на «вольную – штатскую». «В последнее время казаки стали тяготиться своим казачьим костюмом, – отмечает бытописатель линейной станицы, – а потому стали шить себе простые крестьянские костюмы: их они находят и более свободными, и более упрощенными, так как при них не надо носить пряжек, ременных поясов, кинжалов ...»; «... спиджак, тужурка, рубашка с поясом и баҳром на концах, вот одеяние настоящее казачьей молодежи ...» (рис.10) [7, с. 144].

a)

б)

Рис. 9. Отрадненский историко-археологический музей, станица Надежная (Краснодарский край).

Рубаха мужская холстовая с воротником-стойкой и центральной застежкой на планку:

а) изображение и схема деталей кроя; б) раскладка деталей кроя (выпады межлекальные – 3,5 %)

Fig. 9. The Otradnoye Historical and Archaeological Museum, Nadezhnaya Stanitsa (The Krasnodar Territory). Men's linen shirt with a stand-up collar and a central placket fastening:
a) image and diagram of the cut details; b) layout of the cut details (cabbage – 3.5%)

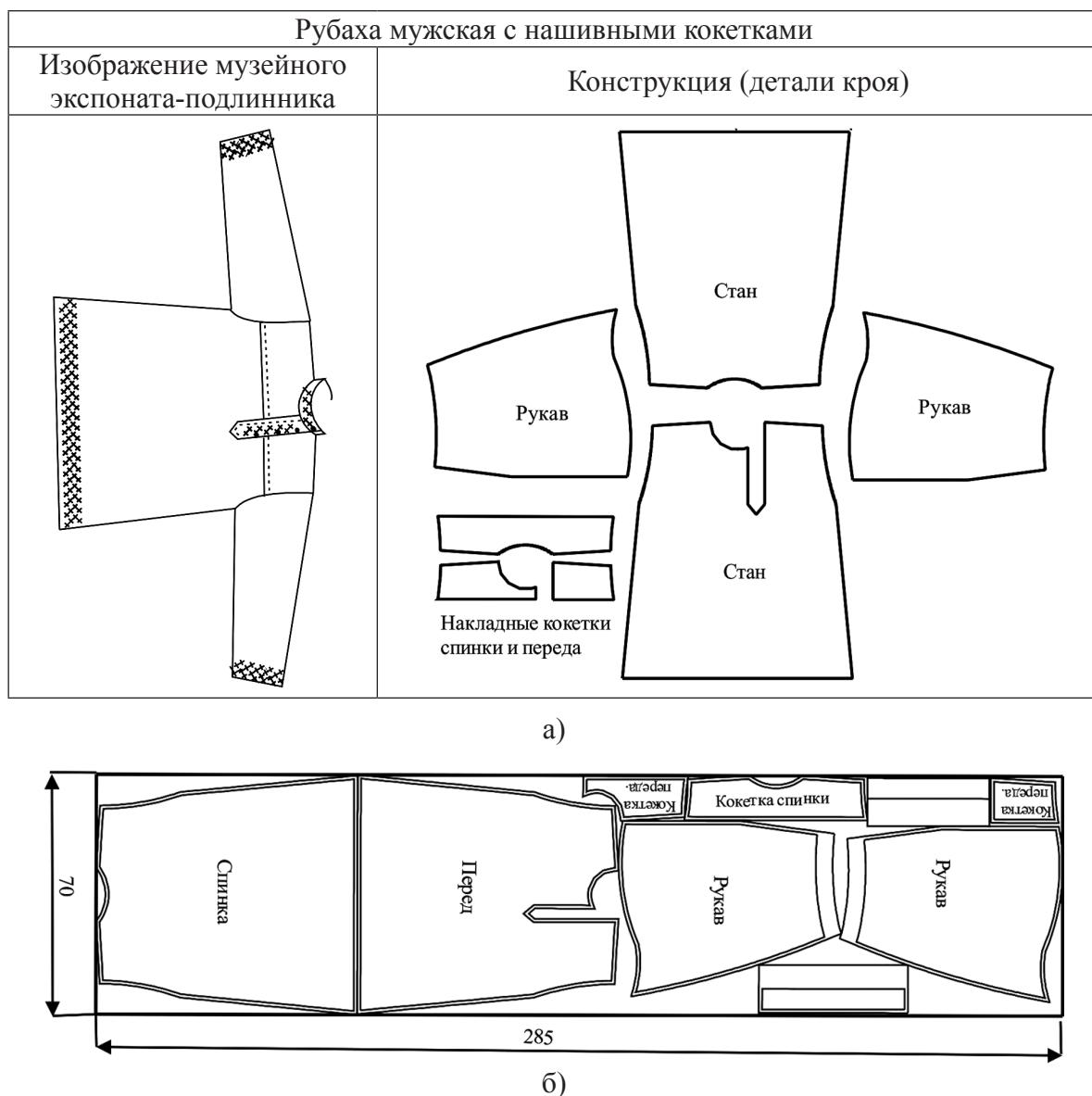

Рис. 10. СГИКПЛМЗ. Рубаха-косоворотка с нашивной кокеткой (1910 г.) изготовлена из хлопчатобумажной ткани фабричного производства, сшита машинными строчками:
а) изображение и схема деталей кроя; б) раскладка деталей кроя (выпады межлекальные – 15,6 %)

Fig. 10. SGIKPLMZ. Russian shirt with sewn-on yoke (1910), made of factory-made cotton fabric, sewn with machine stitches: a) image and diagram of cut details; b) layout of cut details(cabbage – 15.6%)

Обсуждение и заключение. По материалам, собранным в краеведческих и Народных музеях исследуемой территории (более трех десятков рубах женских и около двух десятков рубах мужских), нами были построены чертежи конструкций музейных экспонатов-подлинников. Выявлено, что на исследуемой территории коренным женским населением станиц использовав-

лись в разное время рубахи четырех типов: рубахи из прямолинейных деталей кроя из одного куска ткани (поликовые и бесполиковые) с рукавами – первый тип; рубахи с криволинейным оформлением деталей кроя (с кокетками и плечевыми швами) с рукавами из одного куска ткани или из двух (составные) – второй и третий тип; рубахи без рукавов (белье) – четвертый тип. Надо

отметить, что в числе женских рубах на исследуемой территории встречаются варианты рубах, не описанные ни одним этнографическим литературным источником, известным автору. Мужских рубах, используемых станичниками в бытовой жизни, выявлено два типа – рубахи с прямолинейным оформлением деталей кроя и рубахи с криволинейным оформлением деталей кроя. Работа по выявлению типов рубах показала, что самые архаичные рубахи – туникообразные рубахи женские и

мужские [2, с. 48] – у коренного населения станиц Закубанья в употреблении не были; что среди исследуемых экспонатов встречаются варианты рубах, не описанные в литературных источниках; что аналогичную работу по выявлению видов одежды, типов ее компонентов, вариантов типов, приемов ее декорирования, отделок и т. д. вести в регионе можно и желательно; что подобного рода работы, несомненно, дополнят общую базу этнографических источников.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Ушаков Н.В. К вопросу классификации одежды восточных славян // Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР: сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXXVIII / отв. ред. Т.В. Станюкович. Л.: Наука, 1982. С. 16–27; Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Вост. лит., 2006; Усова А.И. Костюм кочевников Южной Сибири и сопредельных территорий периода поздней древности и раннего средневековья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2012.
2. Пармон Ф.М. Русский народный костюм как художественно-конструкторский источник творчества: монография. М.: Легпромиздат, 1994.
3. Царева Л.С. Промысловые занятия населения станиц Закубанья (1840–1917): к истории костюма: монография. Краснодар: КубГУ, 2012.
4. Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына.
5. Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве.
6. Македонов Л.В. Хозяйственное положение и промыслы населения нагорных станиц Кубанской области. СПб, 1903.
7. Царева Л.С. Социально-экономическая и бытовая повседневность станиц Новой Линии в 1840–1917 гг. (на примере костюма): дис. ... на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Славянск-на-Кубани, 2012.
8. Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага, 1986.
9. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / под ред. К.В. Чистова. Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Академия наук, 1967.
10. Международная научно-практическая конференция «Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии» / под. ред. Н.М. Калашниковой. СПб: СГУТД, 2008.
11. Македонов Л.В. В горах Кубанского края. Быт и хозяйство нагорной полосы Кубанской области. Воронеж, 1908.
12. Царева Л.С. Одежда казачьего населения станиц Новой Линии (1840–1917 гг.): моногр. Краснодар: КубГУ, 2024.
13. Шахов Д. Воронежская станица. Статистико-этнографическое описание // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1883. Т. 1. с.

REFERENCES

1. Ushakov N.V. On the classification of clothing of the Eastern Slavs // Cultural Monuments of the Peoples of Europe and the European Part of the USSR: collection of the Museum of Anthropology and Ethnography. Vol. XXXVIII / ed. by T.V. Stanyukovich. L.: Nauka, 1982. Pp. 16-27; Yatsenko S.A. Costume of Ancient Eurasia (Iranian-speaking peoples). M.: Vost. lit., 2006; Ussova A.I. Costume of the nomads of Southern Siberia and adjacent territories of the late antiquity and early middle ages: author's abstract. diss. ... candidate of historical sciences. Barnaul, 2012. [In Russ.]
2. Parmon F.M. Russian folk costume as an artistic and design source of creativity: monograph. M.: Legpromizdat, 1994. [In Russ.]
3. Tsareva L.S. Industrial occupations of the population of the villages of the Transkuban region (1840–1917): on the history of costume: a monograph. Krasnodar: KubSU, 2012. [In Russ.]
4. Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn. [In Russ.]
5. Stavropol State Historical, Cultural and Natural Landscape Museum-Reserve named after G.N. Prozritelev and G.K. Prave. [In Russ.]
6. Makedonov L.V. Economic situation and trades of the population of the mountain villages of the Kuban region. St. Petersburg, 1903. [In Russ.]
7. Tsareva L.S. Socio-economic and everyday life of the villages of Novaya Liniya in 1840–1917 (using costume as an example): dis. ... for the degree of PhD (Hist.). Slavyansk-na-Kubani, 2012. [In Russ.]
8. Kibalova L., Gerbenova O., Lamarova M. Illustrated Encyclopedia of Fashion. Prague, 1986. [In Russ.]
9. Kuban Villages. Ethnic and Cultural-Everyday Processes in Kuban / edited by K.V. Chistov. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography. Moscow: Academy of Sciences, 1967. [In Russ.]
10. International Scientific and Practical Conference «Fashion and Design: Historical Experience – New Technologies» / edited by N.M. Kalashnikova. SPb: SGUTD, 2008. [In Russ.]
11. Makedonov L.V. In the Mountains of the Kuban Region. Everyday Life and Economy of the Highland Belt of the Kuban Region. Voronezh, 1908. [In Russ.]
12. Tsareva L.S. Clothing of the Cossack population of the villages of the New Line (1840–1917): monograph. Krasnodar: KubSU, 2024. [In Russ.]
13. Shakhov D. Voronezh village. Statistical and ethnographic description // Kuban collection. Ekaterinodar, 1883. Vol. 1. [In Russ.]

Информация об авторе / Information about the author

Луиза Сергеевна Царева, кандидат исторических наук, преподаватель. ГБПОУ КК «Краснодарский торгово-экономический колледж», 350020, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. им. Бабушкина, 307, e-mail: luiza.czareva@bk.ru

Luiza S. Tsareva, PhD (Hist.), Lecturer, Krasnodar Trade and Economic College, 350020, the Russian Federation, Krasnodar, 307 Babushkin St., e-mail: luiza.czareva@bk.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 16.02.2025

Received 16.02.2025

Поступила после рецензирования 12.04.2025

Revised 12.04.2025

Принята к публикации 13.04.2025

Accepted 13.04.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-55-64>
УДК 947.04/06:947.084.8

Количественные показатели участия крымских татар в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов

Э.М. Чачи

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
г. Симферополь, Российская Федерация
 ebazer.chachi.98@mail.ru*

Аннотация. Введение. Актуальность избранной темы обусловлена тем, что до настоящего времени значительная часть исследований участия народов СССР в Великой Отечественной войне в рядах Красной армии ограниченно касалось точных цифр в отношении крымских татар. Только с возвращением Крыма в состав Российской Федерации в 2014 году появились новые возможности в освещении темы. Статья посвящена определению вклада народов России в Победу Великой Отечественной войны на примере крымских татар, служивших в годы войны в рядах Рабоче-крестьянской Красной армии. Целью исследования является установление численного состава крымских татар в рядах Красной армии как накануне войны, так и на всем ее протяжении.

Материалы и методы. Примененная методология исследования базируется на принципах историзма, объективности и системности. В работе использовались историко-биографический и историко-системные методы.

Результаты исследования. Главным источником информации послужили опубликованные данные Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, которые были систематизированы и сгруппированы и в которых выделена информация и итоговые цифры об офицерах и рядовом составе, награждениях, участниках партизанского и подпольного движения, погибших и пропавших без вести, фактах дезертирства. Научная новизна работы состоит в том, что впервые названо число крымских татар, находившихся в рядах Красной армии до объявления всеобщей мобилизации, в сравнительном отношении с другими народами и общей численностью Вооруженных сил СССР.

Обсуждение и заключение. Названо общее количество крымских татар – участников боевых действий, общее количество погибших и пропавших без вести, награжденных. Впервые проведена сравнительная характеристика воинской службы в годы Великой Отечественной войны народов СССР, подвергшихся депортации, – балкарцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, крымских татар, чеченцев – в сферах довоенной мобилизации, воинского призыва начала войны, государственной политики награждений, послевоенной судьбы военнослужащих в местах спецпоселений. Практическая значимость исследования определяется тем, что материал может быть использован для определения количественных показателей представителей других советских народов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, крымские татары, воинская служба, мобилизация

Для цитирования: Чачи Э.М. Количественные показатели участия крымских татар в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2025;17(2):55–64. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-55-64>

Quantitative indicators of the participation of the Crimean Tatars in the Great Patriotic War of 1941–1945

E.M. Chachi

*Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov,
Simferopol, the Russian Federation*
 ebazer.chachi.98@mail.ru

Abstract: Introduction. The relevance of the research is propelled by the fact that until now a significant part of the studies of the participation of the peoples of the USSR in the Great Patriotic War in the Red Army slided over the exact figures regarding the Crimean Tatars. Only with the return of Crimea to the Russian Federation in 2014 new opportunities appeared in covering the topic. The article is devoted to determining the contribution of the peoples of Russia to the Victory of the Great Patriotic War using the example of the Crimean Tatars who served in the ranks of the Workers' and Peasants' Red Army during the years. The goal of the research is to establish the numerical composition of the Crimean Tatars in the ranks of the Red Army, both on the eve of the war and throughout its duration.

The Materials and methods. The applied research methodology is based on the principles of historicism, objectivity and consistency. Historical, biographical and historical-systemic methods have been used.

The results of the research. The main source of information was the published data of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation, which have been systematized and grouped, highlighting information and final figures on officers and enlisted personnel, awards, participants in the partisan and underground movement, those killed and missing, and desertion. The scientific novelty of the research is that for the first time the number of the Crimean Tatars who were in the ranks of the Red Army before the announcement of general mobilization was named in comparison with other peoples and the total number of the Armed Forces of the USSR.

Discussion and conclusion. The total number of the Crimean Tatars participating in military operations, the total number of those killed and missing, and those awarded have been named. For the first time, a comparative analysis of the military service of the peoples of the USSR who were subjected to deportation was carried out during the Great Patriotic War the Balkars, the Ingushes, the Kalmyks, the Karachays, the Crimean Tatars, the Chechens in the areas of pre-war mobilization, military conscription with the beginning of the war, state policy of awards, the post-war fate of military personnel in places of special settlements.

The practical significance of the research is determined by the fact that the material can be used to determine the quantitative indicators of representatives of other Soviet peoples.

Keywords: The Great Patriotic War, the Crimean Tatars, military service, mobilization

For citation: Chachi E.M. Quantitative indicators of the participation of the Crimean Tatars in the Great Patriotic War of 1941–1945. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta*. 2025;17(2):55–64. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-55-64>

Введение. Тема участия народов России в Великой Отечественной войне является одной из значимых проблем современности. Независимо от качества и количества, вклада в Победу внесли все народы и этнические группы, проживающие на территории СССР, в каждой семье и каждом доме есть хотя бы один участник боевых действий. Тем не менее в силу различных внешне- и внутриполитических причин возникла своеобразная «пустая страница» в отношении ряда национальностей Советского Союза: балкарцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, крымских татар, чеченцев.

Участие крымских татар в Великой Отечественной войне с 1944 по 1980-е гг. не входило в сферу внимания профессиональных историков, но было предметом пропаганды и освещалось исключительно как «массовое предательство». Официальная власть в 1956, 1967, 1989¹, 1991², 2014³ годах фактически признала все обвинения против крымских татар ложными и ограниченно указывала на значительный вклад народов СССР в общую Победу. Тем не менее в связи с тяжелым политическим и экономическим положением в 1990-х годах только после настоящего восстановления прав крымских татар в 2014 году,

¹ Декларация Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 г. № 772-1 «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» // «Свод законов СССР», т. 10, с. 229, 1990 г.; «Ведомости СНД СССР и ВС СССР», 1990, № 23. С. 449.

² Закон РСФСР от 26 апреля 1991 года № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов». Официальный сайт Правительства Республики Крым. Дата обращения: 18.02.2025 [https://gkmn.rk.gov.ru/file/1107\(2\).pdf](https://gkmn.rk.gov.ru/file/1107(2).pdf)

³ Указ Президента РФ от 21 апреля 2014 г. N 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, итальянского, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» С изменениями и дополнениями от: 12 сентября 2015 г.

в связи с возвращением Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации, появились новые данные и публикации.

Цель исследования – показать истинный вклад в нашу общую Победу представителей крымскотатарского народа. В связи с этим был сформулирован ряд вопросов: Сколько крымских татар находилось в рядах РККА и ВМФ накануне войны? Сколько крымских татар принимало участие в Великой Отечественной войне на всем ее протяжении, в том числе и в составе крымских партизан? Сколько человек погибло? Сколько человек представляли командный (офицерский) состав? Какой процент составляли крымские татары в сравнении с другими народами и общей численностью Красной армии? Сколько человек осуждено трибуналами, дезертировали?

Обзор литературы. Ранние материалы историографии ограничивались трудами П.Н. Надинского, заложившими основу данных, взятых из обвиняющих материалов 1944 года⁴. В книгах и статьях О.В. Романько колаборационизм в Крыму представлен в основном сквозь этническую призму [16, 17]. Даже зарубежные авторы, зачастую не погружаясь в тему, повторяют информацию. Как пример, книга 2024 года Дональда Райфильда (Donald Rayfield): «Rather than starve to death, most of the 20,000 Tatar prisoners also put on German uniforms»⁵ [19].

Дважды – с конца 1980-х и с 2014 года – научная ситуация вокруг темы изменилась. Стали выходить в свет научные монографии А. Неменко [10], В.Е. Полякова [12, 13]; Р.Д. Куртсейтова [7], научные статьи Э.С. Рамазанова [15, с. 19–28], Э.М. Чачи [18, с. 365–367], А. Велиева [3], основанные на объективном научном анализе.

⁴ Постановление ГКО от 11 мая 1944 года № ГКО-5859сс «О крымских татарах»

⁵ «Вместо того чтобы умереть с голоду, большинство из 20 000 человек пленных татар переоделись в немецкую форму». Перевод.

Появилось многотомное исследование о награждении крымских татар, проведенное краеведами В. Абдураимовым и А. Хуршутовым [4, с. 22–44]. Даже вектор исследований О.В. Романько [6, с. 25], А.В. Мальгина [9, с. 12–22] резко сменился, служба крымских татар в рядах Красной армии и партизанского движения стала раскрываться более объективно, указывается неоправданность депортаций и огульность обвинения целых народов в годы войны.

Материалы и методы. Основным источником информации настоящего исследования является обобщенный электронный банк данных (ОБД) «Мемориал», сайты «Подвиг народа», «Память народа», созданные на базе документов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, а также Военно-Морского архива и Военно-Медицинского архивов. Был проведен учет всех татар (этноним крымские татары до 1940-х редко использовался в государственных документах), рожденных в Крыму, с разделением на рядовой и офицерский состав.

В рамках работы с архивными данными было обнаружено сходство ряда крымскотатарских личных имен и фамилий с общетюркскими и общеисламскими. Например, фамилии Османов, Алиев, Батыров, Мустафаев и т. д. встречаются и у других народов бывшего СССР. В то же время среди представителей народа можно обнаружить уникальные антропонимы, такие как Дадой, Чачи, Гугу, Щугу и т. д. Также важно упомянуть, что ряд имен и фамилий вследствие долгих культурных контактов с Россией и славянскими народами также приобрели для крымских татар ряд отличительных черт и внутри собственного общества. Как пример: уже в советскую эпоху среди них появились имена Марклен, Ленмар, Климент, Ролан, Робеспьер и т. д. Аналогично встречаются фамилии Казаков, Семенов, Сергеев и т. д.

По итогу исследований, чтобы выделить крымских татар из общей массы во-

еннослужащих – участников Великой Отечественной войны, был проведен полный анализ всех призванных из Крыма татар (этноним чаще всего указывается в военных билетах, наградных листах). Также на базе Крымского инженерно-педагогического университета и Крымскотатарского музея культурно-исторического наследия был организован прием потомков ветеранов войны, которые приносили данные о своих предках.

Результаты исследования. Изучая вопрос о возможном количестве военнослужащих Красной армии из числа крымских татар, принимавших участие в Великой Отечественной войне, стоит отметить, что большая часть исследований дает крайне обширный разброс цифр, начиная от 10 и заканчивая 100 тысячами. Существует ряд работ, посвященных различному изучению данного аспекта, но все они зачастую дают приблизительные цифры. Владимир Михайлович Брошеван – кандидат исторических наук, автор многочисленных исследований по истории Крыма – изучал деятельность крымских военкоматов, но в силу разных причин не стал выделять крымских татар из общего числа призывников, хотя это было сделано им для всех других проживавших в Крыму национальностей. Тем не менее в поздних работах ученого есть данные о потенциальном количестве возможных призывников с разделением по этническим группам [2, с. 20–25].

В работах доктора исторических наук Алексея Юрьевича Безугольного рассмотрен национальный аспект истории Красной армии с момента ее основания в 1918 г. и до окончания Великой Отечественной войны, раскрыты тенденции и закономерности этнических процессов в советском военном строительстве. Он также не выделяет крымских татар, так как они растворились в общей статистике военнослужащих в обобщенном этнониме «татары» [1, с. 88–94].

На противоположные данные указывают цифры из докладной записки

Б.З. Кобулова и И.А. Серова на имя Л.П. Берии от 22 апреля 1944 года, в которой сообщалось: «... Все призванные в Красную Армию (из Крыма) составляли 90 тыс. чел., в том числе 20 тыс. крымских татар... 20 тыс. крымских татар дезертировали в 1941 году из 51-й армии при отступлении ее из Крыма...» [14, с. 35–35].

Изначально для сравнения предполагаемых и итоговых результатов по численности стоит отделить статистические данные. По данным Всесоюзной переписи 1939 года, в Крымской АССР числилось 1 126 000 человек населения. Крымские татары составляли 19,4% или 218 179 человек) для сравнения: русских было 558 481 человек (49,6%); украинцев – 154 120 человек (13,7%).

Принцип распределения призывников в СССР заключался в географическом распределении, учитывающим службу не в родном крае. Таким образом, призывники из Крыма на территории полуострова не служили. Немецкие войска вторглись в Крым и овладели большей частью полуострова в октябре–ноябре 1941 г. С начала Великой Отечественной войны прошло 60–80 дней, и за это время, естественно в регулярные части и на фронт направлялись призывники и добровольцы.

С началом конфликта началась мобилизация призывных возрастов. По данным В.М. Брошевана, общий мобилизационный ресурс полуострова (от 18 до 45 лет) составлял 238 тыс. человек, из которых 53 тысячи имели освобождение от призыва или подлежали эвакуации, а 19 тысяч уже находились на службе в РККА и РККФ (в это число входят и рядовые, и офицеры).

Мобилизованные крымчане направлялись к новому месту службы, в соответствии с мобилизационным планом 1940 года, в основном это был Одесский военный округ, но есть множество примеров попавших и в другие регионы страны (например, Ленинградский и Киевский военные округа). Таким образом, суммарно к июлю 1941

года за пределами полуострова проходили службу порядка 94 тыс. человек, включая офицерский состав, призванный из запаса.

В документах отдела 1С (разведка) немецкой группы армий «Юг» в приложениях к аналитической записке по вопросу мобилизационных ресурсов Крыма и возможностям 51-й армии приложен перевод захваченного советского документа, по данным которого, с 22 июня до 1 августа 1941 г. было мобилизовано 75 484 человека (с учетом добровольцев из непризывных возрастов), из них татар (крымских) 17 254 (23%) [11, с. 18–37].

В большинстве современных данных существует цифра в 35–60 тысяч военнослужащих из числа крымских татар, которая встречается даже в учебниках. Данное число в первую очередь является исходным из социологических исследований, в итоге которых общее число количества мобилизационного резерва Крыма умножили на общее количество крымских татар по переписи населения 1939 года и поделили на число общего количества населения Крымской АССР также в 1939 году. Итого получается 45 тысяч человек боеспособных мужчин в возрасте от 18 до 45 лет, но это статистические данные.

Самая крупная цифра приводится в работе Ю.Б. Османова «Исторические справки»: 100 638 человек, из них 16 713 участвовало в партизанском движении и 7727 участвовали в подпольных организациях, патриотических группах, поддерживали связь и помогали им. В этой же работе впервые приведена возможная цифра военнослужащих женщин – свыше 1800 в РККА и свыше 3500 в партизанских отрядах и подполье.

Кандидат социологических наук, историк Р.Д. Куртсентов писал: «Общая численность крымских татар, мобилизованных в РККА и РККФ с начала войны, составила от 17 000 до 19 000 человек. <...> К началу войны проходило срочную службу 4200 человек, в 1944 г. после освобождения Крыма от немецко-румынских окку-

пантов мобилизовано 2000 человек. Общая численность крымских татар, мобилизованных в действующую армию, составляет примерно 23 500 человек» [7, с. 5–12].

Согласно последним подсчетам, по данным ЦАМО, опубликованным на сегодняшний день, были определены поименные списки. До 22 июня 1941 года в рядах Красной армии уже находилось **2269** (подсчет на 28.01.25 г.), а всего за годы войны в боевых действиях в рядах РККА, ВМФ и партизанских отрядах участвовало **12 714 крымских татар** (подсчет авторов на 28.01.25 г.), что составляет 5,8%. Погибло на фронтах и в партизанских отрядах, умерло в госпиталях, пропало без вести 5955 чел. крымских татар (46,8% от общего числа военнослужащих) (подсчет на 28.01.25 г.). Поименный учет всех офицеров из числа крымских татар, принимавших участие в Великой Отечественной войне, выявил **1723** чел. (13,5%) офицерского состава, при этом **575** чел. из них погибли. (подсчет на 28.01.25 г.).

Выявлено **3352** чел. (подсчет на 28.01.25 г.) награжденных государственными боевыми медалями и орденами за индивидуальные отличия (т. е. без учета наград за выслугу лет и оттопонимных медалей «За оборону...», «За освобождение...», «За взятие», вручавшихся за участие в операции). Среди крымских татар был только один советский генерал – Исмаил Булатов, который получил это звание в 1942 году. Для сравнения: из уроженцев Крыма таковых было всего четверо. 7 крымских татар – герои Советского Союза и Российской Федерации (за подвиги в годы Великой Отечественной войны). Из числа крымчан всех остальных национальностей героями стало 34 человека, это составило 17%, а если брать по отношению к родившимся в Крыму, то 28%. Только один крымчанин в годы войны стал дважды героям Советского Союза – Амет-Хан Султан. Всего только три человека из числа крымчан стали полными кавалерами орденов Славы. Среди них двое крымских татар.

Указанные цифры в целом соответствуют данным статистики и доли населения в усредненных значениях. Как пример: если учесть, что в 1941 году в рядах РККА проходило службу порядка 5 млн военнослужащих, а всего за годы войны через вооруженные силы прошло от 29 до 34 млн граждан, то данные цифры можно соотнести в процентном соотношении с количеством крымских татар в РККА до войны и к ее окончанию.

Также для объективности стоит указать, что были учтены и все случаи, когда крымские татары, находившиеся в рядах Красной армии или партизанских отрядах, были осуждены, расстреляны, признаны дезертирами или служили оккупантам до самого конца войны. Общее количество людей, которые совершили какие-либо воинские преступления **199** чел., что составляет 1,5% от общего числа военнослужащих или 0,09% от числа населения. Из них приговорены к ВМН – 35, к различным срокам лишения свободы или каторжным работам – 62 (подсчет на 28.01.25 г.).

Для сравнения: во время Великой Отечественной войны в ряды Красной Армии было призвано от 29 574 858 (15% от всего населения) до 34 476 700 (17,5%) советских граждан. Общие безвозвратные потери армии СССР составили от 8 668 400 (25–29% от общей численности армии или 4,4% от населения) до 11 944 100 (34–40% от общей численности армии или 6% от населения) человек. На 1939 год население СССР насчитывало 196 716 000 человек.

Важной вехой стала депортация крымских татар, прошедшая в 1944 году, самым болезненным образом сказавшаяся на тех военнослужащих, которые к этому времени входили в старший политсостав Красной армии. Почти все они были сняты со своих должностей и отправлены в резерв офицерского состава. Как было указано ранее – мобилизация крымских татар в действующую армию больше не проводи-

лась. Похожая участь ряда других народов дает возможность сравнить как процессы призыва и периода оккупации, так и схожее отношение к ним после депортации, а также изучение материалов об их участии в Великой Отечественной войне. Кроме крымских татар, среди советских народов массовой высылке с родных мест подверглись балкарцы, ингуши, калмыки, карачаевцы, чеченцы.

Балкарцы. По данным переписи 1939 года, в Кабардино-Балкарской АССР проживало 359 219 человек, из них балкарцев – 42 685 чел. (11,88%). В августе 1942 года пять районов Кабардино-Балкарской АССР заняли немецкие войска. В начале 1943 года Кабардино-Балкарская АССР была освобождена советскими войсками. 8–9 марта 1944 года по решению ГКО из АССР было выселено 37 713 человек. По разным данным исследователей, в РККА было призвано от 10 [5, с. 487] до 16,3 тыс. балкарцев (от 23,4 до 38,1% от общего числа). Звание Героя Советского Союза за подвиги в годы войны получили трое [5, с. 510].

Ингуши и Чеченцы. Согласно переписи 1939 года, в Чечено-Ингушской АССР проживало 697 009 чел., из них 368 446 – чеченцы (52,8%) (в СССР всего 407 968), 83 798 – ингуши (12%) (в СССР всего 92 120). Вермахтом была захвачена только незначительная часть Малгобекского района Чечено-Ингушетии, и фашисты были выбиты оттуда через три месяца. Депортация проходила с 23 февраля по 9 марта 1944 года. Примерно 9 тысяч чеченцев и ингушей находились на службе в частях РККА в момент начала войны, и еще 30–40 тысяч влились в ее ряды в течение двух последующих лет. Всего 39–49 тыс. человек или 7,7–9,7% от численности народов. По другим данным – 18500–27500 человек, без учета ополчения по защите Грозного и его окрестностей [5, с. 286]. Звания Героя Советского Союза были удостоены 7 чеченцев, 2 ингуша. Героями РФ (за подвиги в 1941–1945 гг.) в 1996 году стало 3 чеченца и 3 ингуша [5, с. 340–429].

Калмыки. По данным Всесоюзной переписи населения СССР 1939 года, общая численность населения Калмыцкой АССР составила 179,4 тыс. человек, всего в СССР проживало 134 402 калмыка. В ходе летнего наступления 1942 года немецко-румынские войска группы армий «А» оккупировали большую часть АССР (пять улусов были оккупированы полностью, еще три улуса оккупированы частично). Депортация калмыков состоялась 28–29 декабря 1943 года. В Красную армию были призваны 25 747 калмыков (19,1% от общего числа) [5, с. 197], которые сражались с первого до последнего дня войны, 9026 из них погибли [8, с. 29–33]. Звание Героя Советского Союза получило 10 калмыков.

Карачаевцы. Согласно данным переписи 1939 года, население Карачаевской АО составляло 150 303 человека, из них 70 301 – карачаевцы (46,7%) (всего в СССР 75 763). Из области отправились на фронт 15 600 представителей народов [5, с. 102], населявших ее, еще 2000 человек были направлены в трудовые армии. По информации, опубликованной в 2010 году, – свыше 22% процентов народа служило в рядах Красной армии (16 600 чел.). По данным ОБД Мемориал, на фронтах Отечественной войны погибли, попали в плен и пропали без вести от 8 до 9 тыс. карачаевцев (10–11,8%). В середине августа 1942 года на территорию области вступили немецкие войска. Освобождена область через 5,5 месяца. Депортация карачаевцев проходила со 2–5 по 22 ноября 1943 года. Звание Героя Советского Союза и Героя Российской Федерации (посмертно) за подвиги в годы войны получило 12 карачаевцев.

Обсуждение и заключение. Главный вывод заключается в том, что крымскотатарский народ достойно сражался с нашим общим врагом и внес свой посильный вклад в нашу общую Победу. Об этом свидетельствуют цифры и статистические данные, представляющее значительное количество представителей народа в рядах Красной армии.

Фактически в Красную армию крымские татары призывались до оккупации Крыма противником осенью 1941 и после только крайне ограниченно попадали в ряды ВС СССР, мобилизовано было только 5,8%. Смертность на фронтах составила 46,8% от общего числа военнослужащих. Общее количество совершивших какие-либо воинские преступления составляет 1,5% от общего числа военнослужащих или 0,09% от числа народа. Для сравнения: за все годы войны в ряды Красной армии было призвано 15–17% советских граждан, 25–29% от общей численности армии или 4,4% от населения погибло, число дезертиров и уклонистов достигало 3–14% от общей численности армии или 0,6–2,1% от населения.

Схожую судьбу разделили впоследствии еще ряд народов СССР. Балкарцы,

переставшие массово попадать в ряды РККА после августа 1942 года, дали ВС СССР от 23,4 до 38,1% от общего числа народа. Ингуши и чеченцы – 7,7–9,7% от общей численности народов – служили в армии, мобилизация прекращена после февраля 1944 г. Калмыки – 19,1% от общего числа, массовая мобилизация прекращена после лета 1942 года. Карабаевцы – 10–11,8%, мобилизация прекращена в августе 1942 г.

Таким образом, можно говорить о том, что все граждане СССР, независимо от геополитических причин и национальности, встали на защиту своей Родины и внесли значительный вклад в общую Победу. Задача сегодняшнего дня – развеять мифы прошлого, в том числе и в рамках государственной политики в восстановлении прав народов.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Безугольный А.Ю. Реализация программы национального военного строительства в Дагестане и в горских областях Северного Кавказа в межвоенный период (1920–1930-е гг.) // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2014. № 55. С. 88-94.
2. Брошеван В.М. Крымские военкоматы. Симферополь, 2002. С. 20-25.
3. Велиев А. Боевые офицеры. Симферополь, 2013. 404 с.
4. Великая Отечественная война, 1941–1945. Награжденные Родиной / сост. А. Хуршутов, В. Абдураимов. Т. 1. Симферополь: Ариал, 2020. 327 с.
5. Вклад репрессированных народов СССР в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: монография. Т. 1. Элиста: Джангар, 2010. 576 с.
6. История Победы в рассказах победителей: Воспоминания крымских ветеранов / под ред. В.В. Бобкова. Симферополь: ПЕРЕПЛЕТЬ, 2017. 144 с.
7. Куртсеитов Р.Д. Вклад репрессированного крымскотатарского народа в победу в Великой отечественной войне 1941–1945 гг // Вклад репрессированных народов СССР в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 2. Симферополь: Медиацентр имени И. Гаспринского, 2020. 272 с.
8. Максимов К.Н. Мифы доктора Долля // Военно-исторический журнал. 2011. № 3. С. 29-33.
9. Мальгин А.В. Партизанское движение Крыма и «татарский вопрос». 1941–1944 гг. Симферополь: СОННАТ, 2017. 188 с.
10. Неменко А.В. Крым 1941–1944. Обратная сторона войны. Симферополь: Доля, 2018. 420 с.
11. Неменко А.В. Крым под оккупацией. 1941–1944. Обратная сторона войны. М.: Яузा. 2020. 400 с.

12. Поляков В.Е. Гордость и боль высокой награды // Крымское историческое обозрение. 2017. № 1. С. 57-68.
13. Поляков В.Е. Крымские татары в Великой Отечественной войне. М.: Мaska, 2022. 231 с.
14. Пыхалов И.В. За что Сталин выселял народы? М.: Язуа-Пресс, 2008. 232 с.
15. Рамазанов Э.С. Крымчане – кавалеры ордена Александра Невского // Культурный ландшафт регионов. 2023. Т. 5, № 5/6. С. 19-28.
16. Романько О.В. Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму 1941–1944 гг. М.: Вече, 2011. 432 с.
17. Романько О.В. Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос (1941–1944). Симферополь: Антиква, 2009. 272 с.
18. Чачи Э.М. Крымские татары в Великой Отечественной войне // Сборник трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых / научн. ред. Н.Г. Гончарова. М., 2019. С. 365-367.
19. Rayfield D. A seditions and sinister tribe. The Crimean tatars and their khanate. Published by Reaktion Books Ltd Unit 32, Waterside 44-48 Wharf Road London N1 7UX.

REFERENCES

1. Bezugolny A.Yu. Implementation of the National Military Construction Program in Dagestan and in the Mountain Regions of the North Caucasus in the Interwar Period (1920-1930s) // Bulletin of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2014. No. 55. P. 88-94. [In Russ.]
2. Broshevan V.M. Crimean Military Commissariats. Simferopol, 2002. Pp. 20-25. [In Russ.]
3. Veliev A. Combat Officers. Simferopol, 2013. 404 p. [In Russ.]
4. The Great Patriotic War, 1941–1945. Awarded by the Motherland / compiled by A. Khurshutov, V. Abduraimov. Vol. 1. Simferopol: Arial, 2020. 327 p. [In Russ.]
5. The Contribution of the Repressed Peoples of the USSR to the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945: a monograph. T. I. Elista: Dzhangar, 2010. 576 p. [In Russ.]
6. The History of Victory in the Stories of the Winners: Memories of Crimean Veterans / edited by V.V. Bobkov. Simferopol: PEREPLET, 2017. 144 p. [In Russ.]
7. Kurtseitov R.D. The Contribution of the Repressed Crimean Tatar People to the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945 // The Contribution of the Repressed Peoples of the USSR to the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945. Vol. 2. Simferopol: I. Gasprinsky Media Center, 2020. 272 p. [In Russ.]
8. Maksimov K.N. Myths of Dr. Doll // Military History Journal. 2011. No. 3. P. 29-33. [In Russ.]
9. Malgin AV Partisan movement of Crimea and the «Tatar question». 1941–1944. Simferopol: SONAT, 2017. 188 p. [In Russ.]
10. Nemenko AV Crimea 1941–1944 The other side of the war. Simferopol: Dolya, 2018. 420 p. [In Russ.]
11. Nemenko AV Crimea under occupation. 1941–1944. The other side of the war. Moscow: Yauza. 2020. 400 p. [In Russ.]
12. Polyakov VE Pride and pain of a high award // Crimean Historical Review. 2017. No. 1. P. 57-68. [In Russ.]
13. Polyakov V.E. Crimean Tatars in the Great Patriotic War. Moscow: Maska, 2022. 231 p. [In Russ.]
14. Pykhalov I.V. Why did Stalin deport peoples? Moscow: Yauza-Press, 2008. 232 p. [In Russ.]
15. Ramazanov E.S. Crimeans - Knights of the Order of Alexander Nevsky // Cultural landscape of regions. 2023. Vol. 5, No. 5/6. P. 19-28. [In Russ.]
16. Romanko O.V. Crimea under the heel of Hitler. German occupation policy in Crimea 1941–1944. Moscow: Veche, 2011. 432 p. [In Russ.]
17. Romanko O.V. German occupation policy on the territory of Crimea and the national question (1941–1944). Simferopol: Antikva, 2009. 272 p. [In Russ.]

18. Chachi E.M. Crimean Tatars in the Great Patriotic War // Collection of works of the scientific and practical conference for students and young scientists / scientific ed. N.G. Goncharova. Moscow, 2019. P. 365-367. [In Russ.]

19. Rayfield D. A seditions and sinister tribe. The Crimean Tatars and their khanate. Published by Reaktion Books Ltd Unit 32, Waterside 44-48 Wharf Road London N1 7UX.

Информация об авторе / Information about the author

Эбазер Мустафаевич Чачи, аспирант, ассистент кафедры истории. ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова». 295015, Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, д. 8, e-mail: ebazer.chachi.98@mail.ru.

Ebazer M. Chachi, Postgraduate student, Assistant of the Department of History. Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Simferopol, the Russian Federation, e-mail: ebazer.chachi.98@mail.ru.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 10.02.2025

Received 10.02.2025

Поступила после рецензирования 12.03.2025

Revised 12.03.2025

Принята к публикации 30.03.2025

Accepted 30.03.2025

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICAL SCIENCES

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-1-65-80>
УДК 378.661:004

Цифровые технологии в образовании: взгляд студентов медицинского вуза

А.Г. Заболотний^{1,2}, М.Е. Миргородская^{1,2}✉
А.О. Москаленко², А.И. Лосева²

¹*Краснодарский филиал ФГАУ «НМИЦ «МНТК «Микрохирургия глаза» им. акад. С.Н. Федорова» Минздрава России,
г. Краснодар, Российская Федерация*

²*ФГБОУ ВО Кубанский государственный медицинский
университет Минздрава России,
г. Краснодар, Российская Федерация*
✉ mirmayya@gmail.com

Аннотация. Введение. Актуальность исследования цифровых технологий в образовании обусловлена их растущей интеграцией в учебный процесс. Исследования в данной области часто фокусируются на взгляде преподавателей, что подчеркивает необходимость более глубокого анализа опыта студентов и их восприятия цифрового обучения.

Материалы и методы: обзор литературных источников; статистический анализ результатов опроса в онлайн-формате, проведенного с 1 по 15 ноября 2024 года на базе Кубанского государственного медицинского университета.

Результаты. Большинство респондентов положительно оценивают доступные цифровые ресурсы, выражая интерес к специализированным курсам. Средняя оценка удовлетворенности свидетельствует о высоком уровне одобрения применения информационно-компьютерных технологий в обучении. Превалирующее число студентов ежедневно используют цифровые инструменты, однако выявлены проблемы с интернет-соединением и качеством звука во время онлайн-лекций.

Обсуждение. Дистанционный и смешанный форматы обучения оказались наиболее предпочтительными благодаря своей гибкости. Студенты подчеркивают важность экономии времени и возможности записи лекций для последующего изучения. Несмотря на общее положительное восприятие, в ходе исследования выявлены существующие проблемы, такие как недостаток практических навыков, вопросы конфиденциальности данных и снижение концентрации внимания.

© Заболотний А.Г., Миргородская М.Е., Москаленко А.О., Лосева А.И., 2025

Заключение. В исследовании отношения студентов к цифровым технологиям в образовании выявлены как преимущества цифровизации, так и недостатки, что позволит разработать стратегии оптимизации цифрового обучения.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровизация, дистанционное образование, обучение, студенты, медицинский вуз, онлайн-лекции, информационно-компьютерные технологии

Для цитирования: Заболотний А.Г., Миргородская М.Е., Москаленко А.О., Лосева А.И. Цифровые технологии в образовании: взгляд студентов медицинского вуза. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2025;17(2):65–80. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-65-80>

Digital technologies in education: the view of medical students

A.G. Zabolotniy^{1,2}, M.E. Mirgorodskaya^{1,2}✉,
A.O. Moskalenko², A.I. Loseva²

¹FSAI «NMRC «ISTC «Eye Microsurgery» named after academician S. Fyodorov»
of the Ministry of Health Care of the Russian Federation, the Krasnodar Branch

²Kuban State Medical University, Ministry of Health of Russia
✉ mirmayya@gmail.com

Abstract. Introduction. The relevance of the research of digital technologies in education is due to their increasing integration into the educational process. Researches in this area often focus on the views of teachers, which highlights the need for a more in-depth analysis of students' experiences and their perceptions of digital learning.

The Materials and methods: review of literary sources; statistical analysis of the results of an online survey conducted from November 1 to 15, 2024 at the Kuban State Medical University.

The Results. Most respondents positively assess the available digital resources, expressing interest in specialized courses. The average satisfaction rating indicates a high level of approval of the use of information and computer technologies in teaching. The overwhelming majority of students use digital tools on a daily basis; however, problems with internet connection and sound quality during online lectures were identified.

Discussion. Distance and hybrid learning formats were the most preferable due to their flexibility. Students emphasize the importance of saving time and the ability to record lectures for later study. Despite the overall positive perception, the study identified existing problems, such as a lack of practical skills, data privacy issues, and decreased concentration.

Conclusion. The study of students' attitudes towards digital technologies in education reveals both the advantages of digitalization and the disadvantages, which will allow to develop strategies for optimizing digital learning.

Keywords: digital technologies, digitalization, distance education, training, students, medical university, online lectures, information and computer technologies

For citation: Zabolotniy A.G., Mirgorodskaya M.E., Moskalenko A.O., Loseva A.I. Digital technologies in education: the view of medical students. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta*. 2025;17(2):65–80. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-65-80>

Введение

Современные цифровые технологии все более интегрируются в различные сферы человеческой деятельности. Цифровизация образования выступает индикатором зрелости информационного общества и неотъемлемым компонентом его формирующейся цифровой культуры [1, с. 120]. Экстренный переход к дистанционному обучению на фоне пандемии Covid-19, инициированный большинством вузов, был направлен на обеспечение непрерывности образовательного процесса [2, с. 319]. В сжатые сроки была проведена цифровая модификация лекционных материалов, осуществлена адаптация к новому дистанционному формату обучения [3, с. 13].

Качество подготовки будущих специалистов и эффективность деятельности вуза в значительной степени определяются активным внедрением инновационных технологий в образовательный процесс [4, с. 525]. Интеграция цифровых инструментов в систему медицинского образования стала необходимостью [5, с. 129]. По всему миру наблюдается тенденция к включению технологий активного обучения и мультимедийных образовательных ресурсов в учебные планы все большего числа медицинских учебных заведений [6, с. 797]. Предполагается, что создание цифрового образовательного пространства и разработка цифровых образовательных ресурсов потенциально позволят автоматизировать процесс передачи знаний [7, с. 411].

В век цифровых технологий дистанционные лекции, виртуальная реальность и искусственный интеллект стали неотъемлемой частью обучения и работы во всех областях медицины, включая медицинское образование. В перспективе стандартные учебные программы будут в полном объеме интегрированы в цифровую среду [8, с. 450]. Цифровой трансформации подвергаются даже такие дисциплины, как «физическая культура и спорт», при чем

цифровая трансформация происходит как при проведении лекций с помощью мультимедийных презентаций, интерактивных досок, так и на практических занятиях в формате видеообзоров умений и видеoreгистрации тренировочного процесса [1, с. 121].

Использование цифровых технологий позволяет повысить качество обучения за счет более интерактивных и наглядных методов. Возможность изучать тему и предмет в персонифицированном темпе делает дистанционное обучение все привлекательнее [9, с. 136]. Также у студентов появляется больше возможностей доступа к учебникам, литературе и статьям в любое время и в любом месте [10, с. 165].

Исследования в этой области открывают новые перспективы для дальнейшего изучения влияния персонализированного обучения и доступности ресурсов на академическую успеваемость и вовлеченность студентов медицинского вуза. В будущем важно изучить эффективность различных цифровых инструментов и методов обучения, чтобы максимизировать их положительное влияние на образовательный процесс [11, с. 602].

Без цифровых технологий, которые предоставляют уникальные возможности для обучения студентов и значительно обогащают учебный процесс, практически невозможно представить современное образование. Следует отметить и выявленные недостатки на этапе развития и внедрения цифровых технологий в обучении, особенно для студентов медицинских вузов: проблема выработки практических навыков, проблема сохранения конфиденциальности персональных данных при использовании онлайн-платформ, отсутствие единой системы, снижение концентрации внимания [12, с. 275]. В некоторых случаях наблюдается сопротивлению дистанционному формату обучения, связанное с потребностью в «живом» общении [13, с. 624]. Поэтому необходимо учитывать как плюсы, так и минусы использова-

ния цифровых технологий, чтобы создать оптимальные условия для обучения всех учащихся.

В настоящее время часть тем цифрового здравоохранения, включенная в программы подготовки будущих врачей, в аспекте формирования необходимых знаний, умений и навыков, не в полной мере отражает современные реалии. Для обеспечения адекватной подготовки специалистов необходима оперативная адаптация учебных планов и расширение включенных в них тем, отражающих последние достижения и тенденции в здравоохранению [5, с. 129].

Внедрение цифровых образовательных технологий направлено на развитие процесса познания, формирование у обучающихся интереса к освоению знаний на основе развития творческого и аналитического мышления, исследовательской деятельности, активного тренинга практических умений и навыков в сфере своей будущей профессии. В связи с этим при решении задач подготовки нового поколения специалистов-медиков исключительное значение приобретают дистанционные технологии, электронное обучение и работа с различными имитационными моделями [4, с. 525].

В современном вузовском образовании, ориентированном на личностное развитие студентов, дискуссионные формы обучения предпочтительнее, поскольку способствуют активному выражению и отстаиванию собственной позиции [14, с. 87]. Также использование цифровых образовательных ресурсов в учебном процессе позволяет педагогам сосредоточиться на развитии у студентов навыков самостоятельного поиска, отбора, анализа и интерпретации информации, что, в свою очередь, способствует более глубокому усвоению материала [1, с. 121]. Еще одним из позитивных эффектов, связанных с цифровизацией образования, является множественность форм представления информации преподавателем за счет

мультимедийности цифровых объектов [8, с. 451]. Элементы интерактивности в обучении хорошо зарекомендовали себя как в целях усвоения материала, так и в целях применения знаний. Они могут быть использованы не только для обобщения и закрепления материала, но и для контроля знаний студентов. А умелое сочетание традиционных методов обучения с интерактивными поможет обеспечить наилучшие результаты взаимодействия педагога с обучающимися [9, с. 136].

Анализ специализированных образовательных игр, мобильных приложений и виртуальных симуляций, классифицированных для доклинической и клинической подготовки, выявил их перспективность для медицинского образования. Виртуальное моделирование пациентов способствует улучшению результатов обучения, а геймификация повышает вовлеченность и обеспечивает применение знаний на практике [6, с. 795]. Данные инструменты также позволяют развивать навыки принятия решений и сотрудничества [6, с. 797]. Необходимо отметить, что требования цифровизации не всегда соответствуют уровню подготовки педагогов [15, с. 131]. Поэтому резкий переход к цифровизации всех дисциплин медицинских вузов невозможен, и гибридное обучение с применением цифрового образовательного пространства является наиболее оптимальным на начальных этапах и может быть внедрено в общеобразовательные дисциплины.

Имеется множество научных публикаций о цифровизации образования как медицинского, так и немедицинского. Но все вопросы, освещенные в них, рассматриваются, как правило, со стороны обучающей стороны, преподавателя. В них освещаются вопросы систематической работы педагогов по подготовке к занятиям с применением информационно-коммуникационных технологий. Как справедливо отмечают исследователи в области педагогики, система использова-

ния информационно-коммуникативных технологий в учебных заведениях стимулирует не только повышение эффективности, но и профессиональный рост самого образования, способствуя непрерывному совершенствованию имеющихся навыков и освоению новых методических подходов в обучении студентов [1, с. 123].

В условиях цифровизации высшего медицинского образования перед педагогом-медиком встают новые задачи и возрастает уровень ответственности при интеграции новой модели в образовательную среду. Как отмечается в ряде исследований, педагог должен не только владеть широким спектром цифровых инструментов, но и, что принципиально важно, способствовать формированию у студентов компетенций, необходимых для успешной врачебной практики, включая развитые когнитивные способности, профессиональные и коммуникативные навыки [8, с. 452], [9, с. 135].

Внедрение и развитие цифровых технологий в образовательном процессе медицинского вуза является ключевым шагом к подготовке высококвалифицированных специалистов, способных успешно адаптироваться к постоянно меняющимся условиям современной медицины. Это требует непрерывного совершенствования и адаптации, чтобы обеспечить эффективную и качественную подготовку будущих врачей. Однако эффективность цифровизации образовательного процесса во многом зависит от восприятия и готовности к использованию этих технологий самими студентами.

Цель исследования – комплексная оценка отношения студентов медицинского вуза к использованию цифровых технологий в образовательном процессе. В рамках достижения поставленной цели предполагается установить уровень цифровой грамотности и компетентности обучающихся, а также выявить их предпочтения относительно форматов обучения с применением цифровых инструментов.

Кроме того, исследование направлено на определение факторов, препятствующих эффективному использованию цифровых технологий в обучении, и разработку рекомендаций по оптимизации цифровой образовательной среды в медицинском вузе. Полученные данные будут способствовать созданию научно обоснованной базы для принятия управлеченческих решений, направленных на повышение качества и доступности медицинского образования в условиях цифровой трансформации.

Материалы и методы исследования. Во введении проанализированы литературные источники за последние 5 лет, находящиеся в открытом доступе.

В рамках исследования мнения обучающихся о цифровизации образования и их отношения к обучению в условиях цифровых технологий проведено онлайн-анкетирование на базе Кубанского государственного медицинского университета с использованием платформы Google Forms с 1 по 15 ноября 2024 года. Участие в опросе было анонимным и добровольным.

Инструментом исследования являлась разработанная анкета, состоящая из 18 вопросов, структурированных для решения поставленных исследовательских задач. Четыре вопроса были направлены на сбор социально-демографических данных респондентов, необходимых для формирования сравниваемых групп, а 14 вопросов – на выявление отношения студентов к различным аспектам использования цифровых технологий в образовательном процессе, включая оценку эффективности, удобства и выявление проблем.

Накопление данных проводилось в программном пакете Microsoft Office Excel 2019. Статистическая обработка проводилась с использованием программного обеспечения IBM SPSS Statistics v.27 (разработчик IBM Corporation). Описательная статистика включала расчет абсолютных и относительных показателей. Количественные переменные были представлены в виде медианы с интерквартильным разма-

хом $Me[Q_1-Q_3]$. Номинальные данные указывались в виде долей в процентах и дублировались абсолютными показателями. Для выявления межгрупповых различий применялся анализ номинальных данных с помощью таблиц сопряженности. В случае обнаружения статистически значимых различий далее проводились апостериорные попарные сравнения критерием χ^2 Пирсона и точным критерием Фишера. Различия считались статистически значимыми в случае $p\text{-value}<0,05$.

Результаты исследования

В опросе приняли участие 118 обучающихся специалитета и ординатуры очной формы обучения, из них лечебного факультета – 50,8% (60/118), медико-профилактического факультета – 26,3% (31/118), педиатрического факультета – 9,3% (11/118), стоматологического факультета – 8,5% (10/118), ординатура – 5,1% (6/118).

На первый курс пришлось 24,6% студентов (29/118), второй курс – 1,7% (2/118), третий курс – 11,9% (14/118), четвертый курс – 30,5% (36/118), пятый курс – 13,6% (16/118), шестой курс – 12,7% (15/118).

Студенты женского пола превалировали – 80,5% (35/118). По возрасту: 53 студента (44,9%) в возрасте от 21 до 23 лет, 51 студент (43,2%) в возрасте от 17 до 20 лет, 13 студентов (11%) – от 24 до 26 лет, 1 студент (0,8%) в возрасте 27 и более лет. В дальнейшем анализировались группы до 20 лет включительно, младшая, и 21 год и более, старшая.

Вопрос «Проходили ли вы специализированные курсы, связанные с цифровыми технологиями?» позволял выбрать единственный ответ и не выявил значимых различий в ответах мужчин и женщин и по возрастным группам:

- нет, но хотели бы – 33,1% (39/118),
- да, и считают полезным – 24,6% (29/118),
- да, проходят на данный момент – 20,3% (24/118),
- нет, не интересно – 19,1% (19/118),

– да, но на практике не пригодилось – 5,9% (7/118).

Различий по факультетам, полу и возрасту в зависимости от групп не было выявлено, но у студентов старших курсов (4–6 курс), в отличие от младших (1–3 курс), отмечается зависимость в большем количестве прохождения специализированных курсов в прошлом или на момент исследования ($p=0,003$).

По результатам вопроса о прохождении специализированных курсов для дальнейшего анализа было выделено 5 спецгрупп:

- А – да, и считают полезным;
- Б – да, но на практике не пригодилось;
- В – проходят на данный момент;
- Г – нет, не интересно;
- Д – нет, но хотелось бы.

Большинство студентов, 97,5% (115/118), считают полезным введение цифровых технологий в образовательный процесс. Женщины значимо больше ($p=0,037$) считают их полезными. По выделенным возрастным группам и спецгруппам не было выявлено значимых различий.

Вопрос о цели использования интернета в обучении имел множественный выбор и показал, что большинство (97,5%, 115/118) используют его для поиска информации (рис. 1). Используют портал дистанционного обучения – 91,5% (108/118), читают электронные учебники – 87,3% (103/118). Младшая группа статистически значимо чаще использует интернет для самообучения, чем старшая ($p=0,029$). Спецгруппа А тоже использует интернет для самообучения значимо больше по сравнению со спецгруппой В (0,035). По полу и другим спецгруппам различия на обнаружены. При сравнении ответов по факультетам выявлено групповое различие ($p=0,041$), дальнейшие апостериорные попарные сравнения показали, что лечебный факультет значимо чаще использует интернет для самообучения, чем медико-профилактический ($p=0,026$).

С какой целью используете Интернет в обучении?

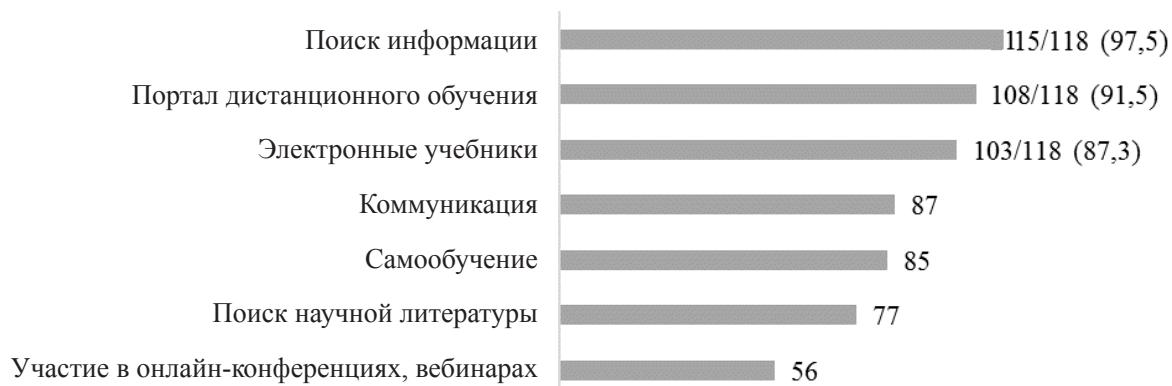

Рис. 1. Распределение ответов по целям использования Интернета в обучении, абс./н (%)

Fig. 1. Distribution of responses by purposes of using the Internet in education, abs./n (%)

Уровень предоставления цифровых технологий университетом для обучения по 5 бальной шкале (где 1 – плохо, 5 – отлично) студенты оценивают на 4 [4–5], отличий по полу и возрастным группам в ответах не обнаружено. В спецгруппах выявлено статистически значимое различие в ответах ($p<0,001$): спецгруппа В значительно ниже оценивает уровень, чем спецгруппы А и Д ($p=0,001$ и $p=0,003$, соответственно).

Собственный уровень использования цифровых технологий в обучении студенты оценивают на 4 [4–5], статистически значимых различий в ответах по полу и возрастным группам не было выявлено, но выявлена значимая ($p<0,001$) разница в спецгруппах (рис. 2). Спецгруппа В значительно ниже оценивает свой уровень по сравнению со спецгруппами А и Г ($p<0,001$ и $p=0,007$, соответственно).

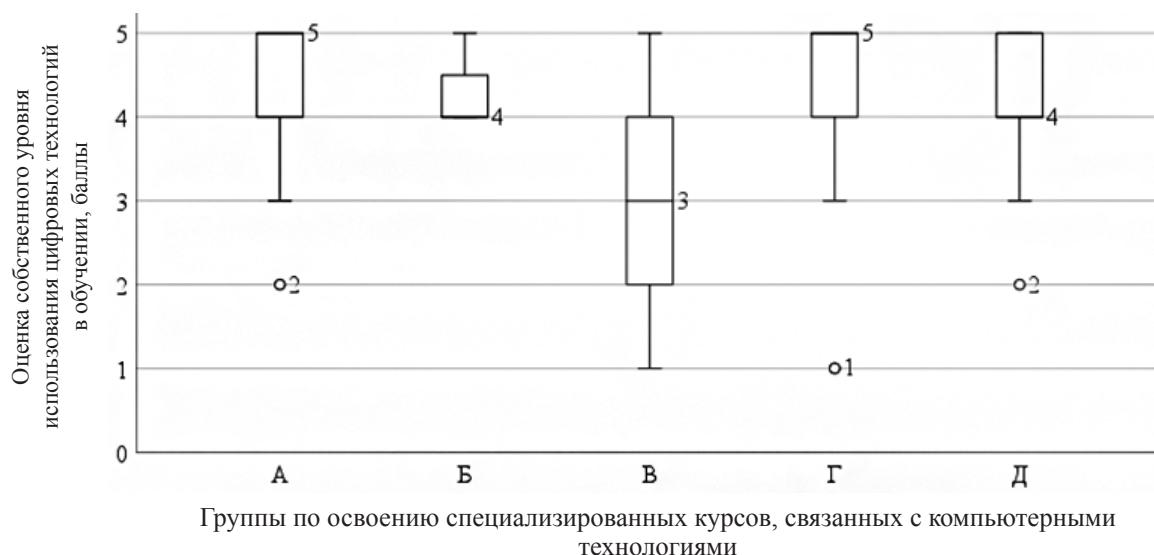

Рис. 2. Собственный уровень использования цифровых технологий в зависимости от освоения специализированных курсов

Fig. 2. The level of use of digital technologies depending on the mastery of specialized courses

Для подготовки к занятиям 47,5% (56/118) студентов используют учебные пособия как в электронном, так и в бумажном вариантах, только в электронном – 42,4% (50/118), только в бумажном – 10,2% (12/118). Различия по полу, возрастным группам и спецгруппам не выявлены. Общие данные подтверждают тенденцию к увеличению использования электронных ресурсов в подготовке к занятиям, что может быть объяснимо удобством доступа и актуальностью информации.

Трудности в поиске методических пособий, рабочих тетрадей и документов для подготовки к занятиям испытывают 23,7% (28/118). Различия по полу, спецгруппам и возрастным группам не обнаружены. Несмотря на то, что большинство студентов не сталкивается с трудностями, наличие проблем у почти четверти респондентов может указывать на необходимость улучшения системы доступа к методическим пособиям и учебным материалам.

Большая часть опрошенных студентов, 92,4% (109/118), используют информационно-компьютерные технологии ежедневно. Пользуются ими 1 раз в неделю 5,1% (6/118) опрошенных, 1–2 раза в месяц – 1,7% (2/118), 1–2 раза в 3 месяца – 0,8% (1/118). Значимых различий по полу, возрастным группам и спецгруппам выявлено не было. Высокий процент ежедневного использования информационно-компьютерных технологий подчеркивает их значимость в образовательном процессе и необходимость дальнейшего развития цифровых навыков у студентов.

Из предложенных вариантов цифровых технологий, имеющихся в вузе (рис. 3), обучающиеся наиболее осведомлены о личном кабинете студента – 98,3% (116/118), о дистанционном образовании – 86,4% (102/118), об электронных учебниках и пособиях – 83,1% (98/118). Различий в осведомленности о цифровых технологиях вуза в зависимости от пола не выявлено. При объединении спецгрупп А с Б и Г с Д выявлено, что студенты, прошедшие

спецкурсы, значимо больше осведомлены о дополнительных онлайн курсах, чем не прошедшие их ($p=0,027$). Спецгруппа В статистически значимо не отличалась ни от тех, кто уже прошел спецкурсы, ни от тех, кто их не проходил. Младшая возрастная группа значительно лучше осведомлена о таких ресурсах, как цифровая библиотека ($p=0,038$) и электронное портфолио ($p=0,004$). Старшая возрастная группа значимо чаще отмечала в ответах очки виртуальной реальности ($p=0,003$). Возрастные различия, вероятно, связаны с особенностями обучающего процесса на общих предметах на начальных курсах и на клинических дисциплинах старших курсов (рис.3).

Вопрос о проблемах, возникающих во время проведения лекций в онлайн-формате, позволял сделать множественный выбор (рис. 4). У большинства студентов, 66,9% (79/118), не возникает никаких проблем во время лекций в онлайн-формате, но 30,5% (36/118) отметили проблемы со связью, 16,9% (20/118) – с качеством звука, 13,6% (16/118) – с качеством изображения, 11,0% (13/118) – с восприятием информации. Зависимость от пола не выявлена, но выявлена зависимость по спецгруппам с проблемами восприятия информации ($p=0,022$): спецгруппа В чаще отмечает проблемы в отличие от спецгруппы Д ($p=0,021$). В младшей возрастной группе значительно реже встречались проблемы, чем в старшей ($p=0,003$). В старшей группе значительно чаще отмечались проблемы со связью ($p=0,008$) и качеством изображения ($p=0,013$), чем в младшей. Значительное количество студентов сталкиваются с проблемами при трансляции лекций, что указывает на необходимость улучшения интернет-инфраструктуры или предоставления рекомендаций по оптимизации подключения. Это может решаться обучением пользователей правильному выбору сетевых настроек и использования качественного оборудования. Кроме того, университетам следует рассмотреть возможность обеспечения дополнитель-

ной технической поддержки во время онлайн-занятий. В конечном итоге улучшение ситуации позволит студентам более эффективно усваивать учебный материал и снизить уровень стресса, связанного с техническими проблемами (рис. 4).

Какие цифровые технологии используются в вузе?

Рис. 3. Распределение ответов по осведомленности о цифровых технологиях, используемых в вузе, абс./н (%)

Fig. 3. Distribution of responses by awareness of digital technologies used in the university, abs./n (%)

Какие возникают проблемы во время лекций в онлайн-формате?

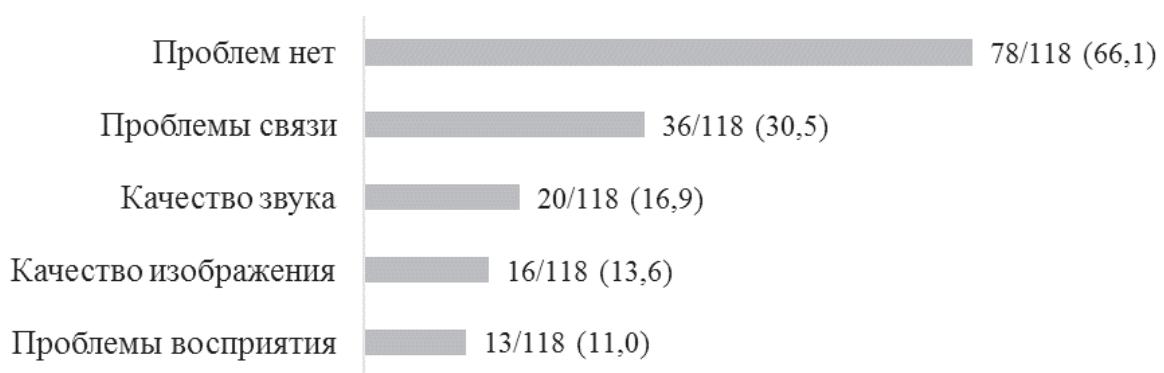

Рис. 4. Распределение ответов по проблемам, возникающим во время онлайн-лекций, абс./н (%)

Fig. 4. Distribution of responses according to the problems arising during online lectures, abs./n (%)

Большая часть студентов, 91,5% (108/118), считают, что в вузе созданы условия для использования информационно-компьютерных технологий, остальные 8,5% (10/118) с этим не согласны.

Значимых различий в ответах по полу и специальностям не обнаружено. Старшая возрастная группа значимо больше удовлетворена условиями, чем младшая ($p=0,042$). В целом, отмечен положительный тренд в

использовании информационно-компьютерных технологий в образовательном процессе, что может способствовать улучшению качества обучения.

На вопрос «Какой формат лекций наиболее удобен для Вас?» 25,4% (30/118) студентов выделили для себя дистанционный формат (онлайн). Этот вариант был выбран большинством, что указывает на предпочтение гибкости и территориальной свободы для изучения материала. Формат в записи выбрали 22,9% (27/118). Вероятнее всего, студенты ценят возможность возвращаться к материалу, пересматривать сложные моменты и готовиться к экзаменам, используя заранее записанные занятия. Смешанный формат, выбранный 22,0% (26/118) респондентов, подразумевает комбинирование очных и дистанционных лекций, что позволяет обеспечить оптимальный баланс между живым взаимодействием с преподавателем и возможностью самостоятельного освоения материала. Некоторые обучающиеся все же предпочитают традиционные лекции в аудитории в очном формате – 15,3% (18/118), где возможно непосредственное общение с преподавателем и другими студентами. Презентации на сайте, выбранные 13,6% (16/118) студентов, удобны для самостоятельного изучения и позволяют в любое время просмотреть ключевую информацию, представленную в визуальной форме. Наименее популярной оказалась очная лекция с записью – 0,8% (1/118). Различий по полу, возрастным группам и спецгруппам в предпочтениях не было выявлено.

Уточнение о причинах выбранного наиболее удобного формата предоставляло возможность самостоятельно сформулировать ответ. При этом студенты, выбравшие дистанционный формат, отметили экономию времени на дорогу, комфортные условия для прослушивания лекций, возможность задать вопрос лектору и записи лекции как в бумажном, так и в электронном виде. Студенты, предлагающие очные лекции, отметили, что так лучше усваивается материал, име-

ется прямое общение с преподавателем, которому можно еще и задать вопрос, а также важным остается знакомство и общение с однокурсниками. Предпочитающие лекции в виде презентаций связывают выбор с наличием постоянного и неограниченного доступа к материалам, лучшей зрительной памятью и экономией времени. Причины выбора смешанного формата лекций и записи лекций связаны с экономией времени, постоянным неограниченным доступом, возможностью регулировки скорости воспроизведения или приостановки, лектор при этом объясняет материал, представленный в презентации, а слушатель может вести записи, активизируя и зрительную, и слуховую, и моторную память.

В целом студенты предпочитают гибкие и доступные форматы обучения, которые позволяют им эффективно управлять своим временем и усилиями.

Для дальнейшего улучшения цифрового обучения в университете от участников опроса поступил ряд ценных предложений, отражающих их видение оптимальной организации учебного процесса с использованием цифровых технологий. В частности, были высказаны следующие пожелания:

- создание отдельной платформы для проведения и хранения записей дистанционных лекций, что обеспечит легкий доступ к материалам для повторного изучения;
- внедрение интерактивных инструментов в обучение для большей наглядности образовательного материала, таких как виртуальные лаборатории, симуляторы и мультимедийные презентации, что позволит повысить наглядность образовательного материала и вовлеченность студентов в учебный процесс;
- сохранение доступа к материалам ранних курсов на платформе дистанционного обучения вуза, что даст возможность при необходимости освежать знания и более эффективно осваивать новые дисциплины;
- расширение доступа к электронным ресурсам, что позволит использовать

актуальные и достоверные источники информации;

– разработка мобильных приложений для университета и портала дистанционного обучения, что обеспечит удобный и оперативный доступ к необходимой информации и учебным материалам с мобильных устройств;

– своевременность актуализации выпущенных учебных и методических пособий в цифровом виде, что ускорит получение самой современной и релевантной информации;

– переход на электронный документооборот, в частности, электронный формат расписания и внедрения электронного формата зачетной книжки для оптимизации административных процессов.

Полученные предложения по улучшению цифрового обучения определяют направления дальнейшего развития цифровой инфраструктуры университета, включая создание специализированных платформ и интерактивных инструментов для значительного улучшения качества образовательного процесса.

Полученные результаты могут быть использованы для разработки стратегий по дальнейшему развитию цифровой инфраструктуры и повышению цифровой компетентности студентов и преподавателей, что в конечном итоге будет способствовать повышению качества медицинского образования.

Обсуждение

Проведенное исследование предоставляет ценную информацию о текущем состоянии использования цифровых технологий в медицинском образовании, выявляет как положительные тенденции, так и области, требующие улучшения.

Результаты демонстрируют многогранность отношения студентов медицинского вуза к использованию цифровых технологий в образовательном процессе. Большинство респондентов (97,5%) признают пользу внедрения цифровых технологий, что свидетельствует о вы-

соком уровне адаптации студентов вуза к новым, цифровым, формам обучения и согласуется с общими тенденциями цифровизации высшего образования. При этом статистически значимо большее количество женщин выражает уверенность в их полезности ($p=0,037$), что может указывать на гендерные различия в восприятии преимуществ цифровой среды обучения, требующее дальнейшего изучения.

Значительная часть респондентов выражает интерес к специализированным курсам, связанным с цифровыми технологиями. Анализ ответов выявил, что, несмотря на отсутствие различий по полу и возрасту, студенты старших курсов (4–6 курсы) демонстрируют большую склонность к прохождению подобных дисциплин ($p=0,003$). Это может быть объяснено нарастающей потребностью в цифровых навыках по мере углубления в клиническую практику и подготовки к профессиональной деятельности.

Выделение спецгрупп (А–Д) позволило выявить различия в восприятии и использовании цифровых технологий. Например, студенты, проходящие цифровые курсы на момент исследования (спецгруппа В), статистически значимо ниже оценивают как уровень предоставления цифровых технологий университетом (по сравнению со спецгруппами А и Д $p=0,001$ и $p=0,003$, соответственно), так и собственный уровень (по сравнению со спецгруппами А и Г $p<0,001$ и $p=0,007$, соответственно). Это может свидетельствовать о более критичном подходе к оценке собственных навыков и имеющихся ресурсов у тех, кто активно вовлечен в процесс обучения цифровым технологиям.

Большинство студентов активно используют информационно-компьютерные технологии, 92,4% опрошенных применяют их ежедневно. Подавляющее большинство используют интернет для поиска информации (97,5%) и активно используют портал дистанционного обучения (91,5%) и электронные учебники.

При этом младшая возрастная группа статистически значимо чаще использует интернет для самообучения, чем старшая ($p=0,029$), больше осведомлена о цифровой библиотеке вуза ($p=0,038$) и существовании электронного портфолио ($p=0,004$). В свою очередь, старшая возрастная группа имеет больше данных о наличии очков виртуальной реальности в вузе ($p=0,003$). Возрастные различия предположительно отражают разницу в учебных нагрузках и приоритетах на разных этапах обучения. Интересно отметить, что спецгруппа А также использует интернет для самообучения значительно больше по сравнению со спецгруппой В ($p=0,035$). Это может свидетельствовать о том, что прохождение специализированных курсов формирует более осознанный и целенаправленный подход к самообразованию с использованием цифровых ресурсов.

Средняя оценка 4 по 5-балльной шкале свидетельствует о том, что студенты довольны доступными цифровыми инструментами и их применением в обучении. Тем не менее, несмотря на положительную оценку уровня предоставления цифровых технологий университетом в целом, результаты исследования выявили ряд проблем, требующих внимания. В частности, 30,5% студентов отмечают проблемы со связью во время онлайн-лекций, а 16,9% – с качеством звука. Интересно, что в старшей возрастной группе эти проблемы возникают значительно чаще ($p=0,008$ и $p=0,013$, соответственно), что может быть связано с использованием менее современного оборудования или меньшим опытом работы с цифровыми технологиями. Также 13,6% студентов испытывают трудности с восприятием информации во время онлайн-лекции, при чем эта проблема чаще встречается у спецгруппы В ($p=0,021$), что может быть связано с более критичным отношением к содержанию и организации онлайн-занятий. Выявленные проблемы требуют также внимания и возможной коррекции

со стороны образовательной организации.

Тот факт, что 25,4% студентов предпочитают различный дистанционный формат лекций, а 22,9% в записи, подчеркивает значимость его гибкости и доступности в современной образовательной среде. Озвученные причины отражают стремление к экономии времени, комфортным условиям обучения и возможности самостоятельного регулирования темпа обучения.

Предложения студентов по улучшению цифрового обучения, такие как создание отдельной платформы для дистанционных лекций, внедрение интерактивных инструментов, расширение доступа к электронным ресурсам и разработка мобильных приложений, отражают потребность в более удобной, современной и персонализированной цифровой среде. Реализация этих предложений может значительно повысить эффективность и привлекательность цифрового обучения в медицинском вузе.

Заключение

Проведенное исследование позволило комплексно оценить отношение студентов медицинского вуза к использованию цифровых технологий в образовании, выявив как положительные аспекты, такие как широкое признание полезности цифровизации и активное использование цифровых инструментов, так и проблемные зоны, обусловленные качеством связи, восприятием онлайн-лекций и необходимостью совершенствования цифровой инфраструктуры.

Анализ предпочтений студентов относительно форматов обучения и их предложений по улучшению цифровой среды подчеркивает важность персонализации и гибкости образовательного процесса.

Полученные результаты послужат основой для разработки научно-обоснованных стратегий по оптимизации цифрового обучения в медицинском вузе, направленных на повышение его эффективности, доступности и соответствия современным требованиям подготовки специалистов.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The authors declare no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Уджуху И.А., Тугуз Ф.А., Двойникова Е.С. Цифровизация образования как культурная ценность // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2024. Т. 16, № 2. С. 119-126. DOI: 10.47370/2078-1024-2024-16-2-119-126
2. Cramarenco R.E., Burcă-Voicu M.I., Dabija D.C. Student perceptions of online education and digital technologies during the COVID-19 pandemic: A systematic review // Electronics. 2023. Т. 12, № 2. С. 319. DOI: 10.3390/electronics12020319
3. Медицинское образование в России: векторы перезагрузки в условиях пандемии / Литвинова Т.М. [и др.] // Национальное здравоохранение. 2021. № 2(1). С. 12-20. DOI: 10.47093/2713-069X.2021.2.1.12-20
4. Алексеенко С.Н., Гайворонская Т.В., Дробот Н.Н. Цифровая трансформация высшего образования в организации самостоятельной работы студентов медицинского вуза // Педагогический журнал. 2023. Т. 13, № 11-1. С. 523-534. DOI: 10.34670/AR.2023.89.28.072
5. Digital health competencies in medical school education: a scoping review and Delphi method study / Khurana M.P. [и др.] // BMC Med Educ. 2022. № 2(1)129. DOI: 10.1186/s12909-022-03163-7
6. Benefits of gamification in medical education / Krishnamurthy K. [и др.] // Clinical Anatomy. 2022. Vol. 35, No. 6. P. 795-807. DOI: 10.1002/ca.23916
7. Создание цифрового образовательного пространства для обучения студентов медицинского университета общеобразовательным дисциплинам [Электронный ресурс] / Мелконян К.И [и др.] // Инновации в образовании: материалы Тринадцатой Международной учебно-методической конференции ФГБОУ ВО КубГМУ Минздрава России. М., 2023. С. 408-412. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54384611>
8. Наумов Г.Н., Бабичев С.А. Роль преподавателя в условиях цифровизации высшего медицинского образования в России [Электронный ресурс] // Инновации в образовании: материалы Тринадцатой Международной учебно-методической конференции ФГБОУ ВО КубГМУ Минздрава России. М., 20. С. 448-456. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54399816>
9. Тхакушинов А.К., Бибалова С.А., Сиюхова А.М. Интерактивные технологии как средство повышения эффективности процесса обучения // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. Вып. 4 (43. С. 133-142. DOI: 10.24411/2078-1024-2019-14014
10. Косова Ю.Д., Лаксаева Е.А., Аронова М.А. Отношение студентов медицинского вуза к обучению с применением дистанционных технологий // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2021. № 3. С. 162-167. DOI: 10.26456/vtspyped/2021.3.162
11. Бихатова Э.Т., Иванчук О.В. Проблема формирование цифровых компетенций у студентов медицинских вузов // ЦИТИСЭ. 2021. № 4. С. 595-605. DOI: 10.15350/2409-7616.2021.4.55
12. Ковелина Т.А., Марухно В.М. Процесс цифровизации высшего медицинского образования: анализ аспектов и проблем [Электронный ресурс] // Инновации в образовании: материалы Тринадцатой Международной учебно-методической конференции ФГБОУ ВО КубГМУ Минздрава России. М., 2023. С. 271-276. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54182635>
13. Веселова Д.В., Пидшморга Ю.В., Яковлева Т.А. Особенности организации обучения бережливым технологиям в дистанционном формате на «Фабрике процессов» Кубанского государственного медицинского университета в условиях пандемии COVID-19 // Вестник Удмуртского университета. 2020. Т. 30, № 5. С. 623-628. DOI: 10.35634/2412-9593-2020-30-5-623-628

14. Цифровая трансформация и ее качественное влияние на компоненты информационно-образовательной среды / Волкова С.А. [и др.] // Вестник МГПУ. Серия: Информатика и информатизация образования. 2024. № 2 (68). С. 79-93. DOI: 10.25688/2072-9014.2024.68.2.08
15. Леонтьева А.В., Бибала С.А., Хатит Ф.Р. Цифровая культура современного педагога как ресурс профессиональной деятельности в условиях цифровой трансформации образовательного пространства // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Т. 14, № 4. С. 127-136. DOI: 10.47370/2078-1024-2022-14-4-127-136

REFERENCES

1. Udzhuuhu I.A., Tuguz F.A., Dvoinikova E.S. Digitalization of education as a cultural value // Bulletin of Maikop State Technological University. 2024. Vol. 16, No. 2. P. 119-126. DOI: 10.47370/2078-1024-2024-16-2-119-126 [In Russ.]
2. Cramarenco R.E., Burcă-Voicu M.I., Dabija D.C. Student perceptions of online education and digital technologies during the COVID-19 pandemic: A systematic review // Electronics. 2023. Vol. 12, No. 2. P. 319. DOI: 10.3390/electronics12020319
3. Medical education in Russia: reboot vectors in the context of a pandemic / Litvinova T.M. [et al.] // National Healthcare. 2021. No. 2(1). P. 12-20. DOI: 10.47093/2713-069X.2021.2.1.12-20 [In Russ.]
4. Alekseenko S.N., Gaivoronskaya T.V., Drobot N.N. Digital transformation of higher education in the organization of independent work of medical university students // Pedagogical journal. 2023. Vol. 13, No. 11-1. P. 523-534. DOI: 10.34670/AR.2023.89.28.072 [In Russ.]
5. Digital health competencies in medical school education: a scoping review and Delphi method study / Khurana M.P. [et al.] // BMC Med Educ. 2022. No. 2(1)129. DOI: 10.1186/s12909-022-03163-7
6. Benefits of gamification in medical education / Krishnamurthy K. [et al.] // Clinical Anatomy. 2022. Vol. 35, No. 6. P. 795-807. DOI: 10.1002/ca.23916
7. Creation of a digital educational space for teaching general education disciplines to medical students [Electronic resource] / Melkonyan K.I [et al.] // Innovations in education: materials of the Thirteenth International educational and methodological conference of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education KubSMU of the Ministry of Health of the Russian Federation. Moscow, 2023. pp. 408-412. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54384611> [In Russ.]
8. Naumov G.N., Babichev S.A. The role of a teacher in the context of digitalization of higher medical education in Russia [Electronic resource] // Innovations in education: materials of the Thirteenth International educational and methodological conference of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education KubSMU of the Ministry of Health of the Russian Federation. Moscow, 2020. P. 448-456. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54399816> [In Russ.]
9. Tkachukhinov A.K., Bibalova S.A., Siyukhova A.M. Interactive technologies as a means of increasing the efficiency of the learning process // Bulletin of Maikop State Technological University. 2019. Issue. 4 (43. P. 133-142. DOI: 10.24411/2078-1024-2019-14014 [In Russ.]
10. Kosova Yu.D., Laksaeva E.A., Aronova M.A. Attitude of medical students to learning using distance technologies // Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology. 2021. No. 3. P. 162-167. DOI: 10.26456/vtspyped/2021.3.162 [In Russ.]
11. Bikhatova E.T., Ivanchuk O.V. The problem of forming digital competencies among medical students // CITISE. 2021. No. 4. P. 595-605. DOI: 10.15350/2409-7616.2021.4.55 [In Russ.]
12. Kovelina T.A., Marukhno V.M. The process of digitalization of higher medical education: analysis of aspects and problems [Electronic resource] // Innovations in education: materials of the Thirteenth International educational and methodological conference of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kuban State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation. Moscow, 2023. P. 271-276. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54182635> [In Russ.]

13. Veselova D.V., Pidshmorga Yu.V., Yakovleva T.A. Features of distance teaching lean technologies at the «Process Factory» of the Kuban State Medical University in the context of the COVID-19 pandemic // Bulletin of the Udmurt University. 2020. Vol. 30, No. 5. P. 623628. DOI: 10.35634/2412-9593-2020-30-5-623-628 [In Russ.]
14. Digital transformation and its qualitative impact on the components of the information and educational environment / Volkova S.A. [et al.] // Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series: Computer Science and Informatization of Education. 2024. No. 2 (68). P. 79-93. DOI: 10.25688/2072-9014.2024.68.2.08 [In Russ.]
15. Leontyeva A.V., Bibalova S.A., Khatit F.R. Digital culture of a modern teacher as a resource for professional activity in the context of digital transformation of the educational space // Bulletin of Maikop State Technological University. 2022. Vol. 14, No. 4. P. 127-136. DOI: 10.47370/2078-1024-2022-14-4-127-136 [In Russ.]

Информация об авторах / Information about the authors

Александр Григорьевич Заболотний, кандидат медицинских наук, доцент; главный научный сотрудник научного отдела Краснодарского филиала ФГАУ «НМИЦ «МНТК «Микрохирургия глаза» им. акад. С.Н. Федорова» Минздрава России, 350012, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Красных партизан, д. 6; доцент кафедры глазных болезней ФГБОУ ВО «Кубанский государственный медицинский университет» Минздрава России, 350063, Российская Федерация, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. имени Митрофана Седина, д. 4, e-mail: nok@mail.ru

Майя Евгеньевна Миргородская, младший научный сотрудник научного отдела Краснодарского филиала ФГАУ «НМИЦ «МНТК «Микрохирургия глаза» им. акад. С.Н. Федорова» Минздрава России, 350012, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Красных партизан, д. 6; ассистент кафедры глазных болезней ФГБОУ ВО «Кубанский государственный медицинский университет» Минздрава России, 350063, Российская Федерация, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. имени Митрофана Седина, д. 4, e-mail: mirmayya@gmail.com

Ангелина Олеговна Москаленко, студентка 5-го курса медико-профилактического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный медицинский университет» Минздрава России, 350063, Российская Федерация, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. имени Митрофана Седина, д. 4, e-mail: 13angelinam@mail.ru

Адалия Ильинична Лосева, студентка 5-го курса медико-профилактического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный медицинский университет» Минздрава России, 350063, Российская Федерация, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. имени Митрофана Седина, д. 4, e-mail: adaliyal@internet.ru

Aleksander G. Zabolotniy, PhD (Med.), Associate Professor; Senior Research Officer of Scientific Department, «ISTC «Eye Microsurgery» named after academician S. Fyodorov», Krasnodar Branch, Ministry of Health of the Russian Federation, Krasnyh Partizan St., 6, Krasnodar, 350012, Russia; Associate Professor of Eye Department, Kuban State Medical University, Mitrofana Sedina str., 4, Krasnodar, 350063, Russia, e-mail: nok@mail.ru

Mayya E. Mirgorodskaya, Research Assistant of Scientific Department, «ISTC «Eye Microsurgery» named after academician S. Fyodorov», Krasnodar Branch, Ministry of Health of the Russian Federation, Krasnyh Partizan St., 6, Krasnodar, 350012, Russia; Assistant Professor of Eye Department, Kuban State Medical University, Mitrofana Sedina str., 4, Krasnodar, 350063, Russia, Russia, e-mail: mirmayya@gmail.com

Angelina O. Moskalenko, 5th-year student of the Faculty of Preventive Medicine, Kuban State Medical University, Mitrofana Sedina str., 4, Krasnodar, 350063, Russia, e-mail: 13angelinam@mail.ru

Adaliya I. Loseva, 5th-year student of the Faculty of Preventive Medicine, Kuban State Medical University, Mitrofana Sedina str., 4, Krasnodar, 350063, Russia, e-mail: adaliyal@internet.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 12.04.2025

Received 12.04.2025

Поступила после рецензирования 22.05.2025

Revised 22.05.2025

Принята к публикации 23.05.2025

Accepted 23.05.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-81-98>
УДК 373.3:517.3

Интегрированная процессно-проектная модель функционирования средней общеобразовательной организации

В.И. Зарубин¹ , И.В.Андреева²

¹Майкопский государственный технологический университет,
г. Майкоп, Российская Федерация
 zarubin.vi18@yandex.ru

²МБОУ «Майкопская гимназия № 22», г. Майкоп, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Управление современной средней общеобразовательной организацией требует комплексного подхода, сочетающего стабильность, гибкость, инновационность. Интеграция фундаментальных подходов к управлению вызывает необходимость решения проблемы органичного сочетания двух принципиально разных парадигм управления – стабильного процессного подхода и динамичного проектного метода. Синтез процессного и проектного методов управления образовательной организацией характеризуется наличием комплекса взаимосвязанных организационно-управленческих противоречий, требующих системного решения. Разрешение **проблемы** реализации процессно-проектного подхода в управлении образовательной организацией связано с разработкой интегрированной модели управления, сформированной с учетом специфики управленческих концепций. **Цель** исследований состоит в формировании интегрированной процессно-проектной модели управления образовательной организацией. **Материалы и методы.** При подготовке статьи использовались научно обоснованные **материалы**: статьи в рецензируемых журналах по процессному и проектному управлению, гибридным моделям, монографии и коллективные труды по управлению в образовании. В исследовании использовались: теоретические **методы**: системный анализ; сравнительный анализ; матричное и математическое моделирование. **Результаты исследования.** Анализ содержания матричной процессно-проектной модели и концептуального описания математических моделей управления образовательной организацией предоставил возможность сформировать интегрированную процессно-проектную модель функционирования образовательной организаций. **Обсуждение и заключение.** Сравнение базовых характеристик подходов позволяет получить представление о преимуществах их интеграции, сформулировать принципы создания сбалансированной системы управления образовательной организацией. Базовые компоненты модели включают комплекс матричных моделей, а также математические модели процессного и проектного управления.

Ключевые слова: средняя образовательная организация, управление, процессно-проектный подход, синтез, интегральная модель

© Зарубин В.И., Андреева И.В., 2025

Для цитирования: Зарубин В.И., Андреева И.В. Интегрированная процессно-проектная модель функционирования средней общеобразовательной организации. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2025;17(2):81–98. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-81-98>

Integrated process-project model of functioning of a secondary comprehensive educational organization

V.I. Zarubin¹ , I.V. Andreeva²

¹*Maykop State Technological University, Maikop, the Russian Federation*

 zarubin.vi18@yandex.ru

²*Maikop Gymnasium No. 22, Maikop, the Russian Federation*

Abstract. Introduction. Management of a modern secondary comprehensive educational organization requires an integrated approach that combines stability, flexibility, and innovation. Integration of fundamental approaches to management necessitates solving the problem of organic combination of two fundamentally different management paradigms – a stable process approach and a dynamic project method. The synthesis of process and project methods of managing an educational organization is characterized by the presence of a set of interrelated organizational and managerial contradictions that require a systemic solution. The solution to the problem of implementing the process-project approach in the management of an educational organization is associated with the development of an integrated management model taking into account the specifics of management concepts. The goal of the research is to form an integrated process-project model of educational organization management.

The materials and methods. In preparing the article scientifically substantiated materials were used: articles in peer-reviewed journals on process and project management, hybrid models, monographs and collective works on management in education. The study used such theoretical methods as systems analysis, comparative analysis, matrix and mathematical modeling.

The Research results. Analysis of the content of the matrix process-project model and conceptual description of mathematical models of educational organization management has made it possible to form an integrated process-project model of the educational organization functioning. **Discussion and conclusion.** Comparison of the basic characteristics of the approaches allows us to get an idea of the advantages of their integration, to formulate the principles of creating a balanced system of educational organization management. The basic components of the model include a set of matrix models, as well as mathematical models of process and project management.

Keywords: secondary educational organization, management, process-project approach, synthesis, integrated model

For citation: Zarubin V.I., Andreeva I.V. Integrated process-project model of functioning of a secondary educational organization. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2025;17(2):81–98. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-81-98>

Введение. Управленческая деятельность в сфере образования на современном этапе представляет собой систему взаимосвязанных действий сотрудников адми-

нистративного аппарата, преподавателей и учащихся, в рамках организационной стратегии и направленных на достижение образовательных и организационных це-

лей. Функционирование образовательной системы осуществляется посредством сочетания методов планирования, организации и контроля, реализуемых через различные институциональные механизмы. Современные образовательные организации сталкиваются с необходимостью повышения эффективности управления в условиях динамичных изменений в системе образования, цифровизации, роста конкуренции и ужесточения требований со стороны государства и общества.

Специфика управления образовательными учреждениями проявляется в: разнообразии образовательных процессов; необходимости использования современных управлеченческих теорий и актуальных образовательных трендов для принятия эффективных решений; многосубъектности взаимодействий; оптимизации образовательной среды через развитие профессиональных компетенций педагогов, модернизацию инфраструктуры, внедрение инновационных методик. Современная образовательная организация представляет собой динамичную, многоуровневую социально-педагогическую систему, функционирующую в условиях высокой изменчивости внешней среды. Ее управление требует комплексного подхода, сочетающего стабильность (обеспечение непрерывности образовательного процесса), гибкость (способность адаптироваться к изменениям), инновационность (внедрение новых образовательных и управлеченческих практик).

Эффективность управления сложной динамичной системой может быть обеспечена посредством гармоничного сочетания различных концепций менеджмента (процессного и проектного подходов). При этом предполагается, что использование процессного подхода обеспечивает стабильность основных организационных процессов (образовательная деятельность, учебно-воспитательная работа, документооборот) и позволяет стандартизировать рутинные операции, минимизировать

ошибки и повысить предсказуемость образовательных результатов. В отличие от процессного, проектный подход дает возможность быстро реагировать на изменения (внедрение цифровых технологий, обновление образовательных программ), способствует развитию инновационного потенциала организации через реализацию проектных инициатив. Интеграция фундаментальных подходов к управлению вызывает необходимость решения проблемы органичного сочетания двух принципиально разных парадигм управления – стабильного процессного подхода и динамичного проектного метода. Эта проблема характеризуется наличием комплекса взаимосвязанных организационно-управленческих противоречий, требующих системного решения.

Конфликт управленческих подходов проявляется, прежде всего, в диссонансе управленческих парадигм, отражающемся в конфликте приоритетов при распределении ресурсов, размыании зон ответственности, несогласованности показателей эффективности. В то же время традиционная функциональная структура образовательных организаций не предусматривает механизмов проектного управления, затрудняет кросс-функциональное взаимодействие, создает двойное подчинение для участников проектов. Реализация интеграции процессного и проектного подходов к управлению образовательной организацией осложняется формирующимся дефицитом управленческих компетенций (ограниченное владение проектными методиками, отсутствие навыков процессного моделирования, не полное понимание интеграционных механизмов. Вместе с тем процесс интеграции управленческих парадигм сопровождается также организационно-культурными и ресурсными ограничениями (сопротивление изменениям, консервативность мышления, неготовность к кросс-функциональной работе, конфликт приоритетов, недостаток специализированного ПО, отсутствие

аналитических инструментов, ограниченность бюджета на развитие.

Разрешение проблемы реализации процессно-проектного подхода связано: с разработкой интегрированной модели управления, сформированной с учетом специфики управленческих концепций; использованием в практике управления образовательным учреждением гибких организационных структур, сбалансированной системы показателей эффективности управления, системы действенных механизмов координации функций процессного и проектного управления. Наибольшую актуальность данная проблема обретает в контексте современных вызовов, с которыми сталкивается система образования.

Так, глобальная цифровизация образовательной среды требует: пересмотр традиционных управленческих моделей; внедрения новых цифровых инструментов управления; развития цифровых компетенций управленческих кадров. Переход на обновленные образовательные стандарты предполагает: модернизацию содержания образования; обновление методического инструментария; изменение подходов к оценке результатов. Непрерывная трансформация организационных систем предусматривает: оптимизацию управленческих структур; развитие кадрового потенциала; модернизацию инфраструктуры; совершенствование финансовых механизмов.

Эти факторы в совокупности создают принципиально новые требования к системе управления образовательными организациями, делая поиск баланса между процессным и проектным подходами не просто теоретической задачей, а практической необходимостью для обеспечения конкурентоспособности и устойчивого развития образовательных учреждений.

Обзор литературы. В современных условиях образовательные организации функционируют как многофункциональные системы, в которых параллельно реализуются педагогические, цифровые,

инфраструктурные и социальные процессы и проекты. Такая множественность деятельности форматов требует разработки целостной методологии управления, способной обеспечить согласованность разнородных процессов, гибкость в реализации проектов, эффективность использования ресурсов.

Особую актуальность приобретает синтез классических управленческих подходов (процессного и проектного менеджмента) с современными ИТ-решениями, учитывая необходимость адаптации к вызовам цифровой трансформации (Industry 4.0). Современные исследования (2020–2023) по данной проблеме сосредоточиваются в основном на гибридных моделях управления образовательными организациями [1–3], управлении многопроектной средой образовательных учреждений [4, 5] и цифровизации управленческих процессов в образовании [6–8].

Теоретические основы синтеза подходов представлены в публикациях Воробьева С., Попова В., Петрова М., Эфендиева Б. [9–12]. Отдельные аспекты процессного управления и стандартизации в образовательных учреждениях рассмотрены в работах Крикушенко М., Погосян И. [13,14]. Синтезу процессного и проектного подходов посвящены исследования Харламова И., Баранской А. [15,16].

Среди зарубежных исследователей этих направлений предлагается выделить работы в сфере Agile-трансформации в образовании Шарпа Дж., Петерсена К., Старки Л. [17–19]. Гибридные модели управления представлены в исследованиях Graham C., Bush T., Harris A. [20–22]. Оптимизации образовательных процессов посвящены публикации Zawacki-Richter O., Bates A. [23, 24].

Наличие достаточно большого количества исследований, посвященных проблематике исследований, не исключает необходимость ее дальнейшего изучения и развития. Так, остаются недостаточно полно исследованными вопросы формиро-

вания интегрированных моделей синтеза процессного и проектного подходов (как совместить) и другие задачи совмещения жестких процессных моделей (ISO) с Agile.

Материалы и методы исследования.

Объектом данного исследования является процесс проектирования модели функционирования средней общеобразовательной организации как объекта управления. Предмет исследования – разработка процессно-проектной модели функционирования средней общеобразовательной организации в современных условиях.

При подготовке статьи по синтезу процессного и проектного подходов в управлении образовательной организацией использовались научно обоснованные материалы, обеспечившие соответствующую глубину анализа и достоверность выводов. В частности, статьи в рецензируемых журналах по процессному и проектному управлению, гибридным моделям, монографии и коллективные труды по управлению в образовании позволили определить специфические черты,ственные образовательным процессам и проектам. Отчеты консалтинговых компаний (McKinsey, PwC) по эффективности процессных и проектных методик использовались для выявления перспективных направлений развития проектной деятельности в образовательных организациях.

В исследовании использовались теоретические методы: системный анализ – изучение образовательной организации как системы, в функционировании которой реализуются как процессы, так и проекты; сравнительный анализ в целях сопоставления особенностей процессного и проектного управления, выявления точек интеграции; моделирование для разработки интегрированной модели синтеза подходов.

Для оценки сильных и слабых сторон синтеза процессного и проектного подходов в управлении образовательной организацией использовались два вариан-

та анализа: SWOT-анализ и метод сравнительных преимуществ. Графический метод моделирования использовался для формирования схемы взаимодействия процессов и проектов образовательной организации. Математическое моделирование применялось в целях разработки интегративной модели управления процессом проектирования в образовательной организации.

В рамках системного подхода, как интегрирующего другие концепции менеджмента, управление образовательным учреждением предлагается рассматривать как сложную, многофункциональную полипроектную систему. Очевидно, что совершенствование управления данной системой предполагает широкое внедрение инноваций во все сферы деятельности и процессы функционирования образовательного учреждения (образовательные, воспитательные организационно-управленческие и т. д.). Несмотря на общую схожесть процесса управления образовательной системой и обычной организацией представляется целесообразным выделить некоторые специфические черты,ственные образовательным процессам. В числе этих особенностей предлагается учитывать повышенную степень интегративности или обусловленности.

В данном случае имеется в виду зависимость и взаимовлияние образовательных процессов между собой и человеческим компонентом, привлеченным к управлению и образовательному процессу. Вместе с тем необходимо отметить и такую особенность управления образовательным учреждением, как адаптационная активность, обусловленная необходимостью подстройки системы управления к контингенту обучающихся, изменениям требований внешней среды и т. д. Не менее важными особенностями системы управления образовательным учреждением являются необходимость учета рефлексивности обучающихся и постоянного повышения информативности, и процесса управления, и образовательных процессов.

Исследуя методологическую сущность теории управления образовательными системами, целесообразно привести совокупность принципов управления, присущих учреждению общего образования как системе. В их число входят принципы: целенаправленности, саморазвития, полноты, оптимальности и др. Поскольку содержание приведенных принципов в значительной мере соответствует общепринятым подходам к описанию функционирования организационных систем, уточним содержание только отдельных принципов, содержание которых отвечает специфике именно образовательных систем [10].

Так, принцип саморазвития состоит в том, что любое изменение системы управления образовательной организацией декларируется как саморазвитие, являющееся специфическим проявлением управляющих воздействий. Используемые для реализации образовательных процессов средства, инструменты и методы должны обеспечивать оптимальность функционирования организации при учете их допустимости применения к образовательным организациям (принцип оптимальности). В соответствии с принципом адекватности система управления образовательной системой должна быть адекватна структурно-функциональному содержанию непосредственно управляемой образовательной подсистеме. Кроме соблюдения принципов и закономерностей развития систем, в образовательных организациях большое значение имеют действия и процедуры, обеспечивающие организацию и логику процесса принятия решений и реализуемые в рамках механизма управления. Очевидно, что управляющие воздействия реализуются именно посредством этого механизма. Применительно к образовательной организации механизм управления представлен совокупностью процедур и нормативных актов, обеспечивающих реализацию и регламентацию функций управления орг-

анизацией и взаимодействий субъектов образовательной деятельности. Часто под организационным механизмом управления понимают систему принятия решений. Традиционно управление образовательными организациями рассматривается как процесс, реализуемый не как однократное единовременное действие, а как множество взаимосвязанных последовательных действий для достижения организационных целей.

Современные условия функционирования образовательных организаций выдвигают на первый план проблему сбалансированного сочетания двух взаимодополняющих, но методологически различных подходов к управлению: процессного и проектного.

Процессный подход обеспечивает: стабильность функционирования; предсказуемость результатов; четкую регламентацию деятельности; эффективное использование ресурсов. По существу, процессный подход формирует «каркас» управления образовательной организацией. Так, непрерывность и надежность работы образовательной организации поддерживается за счет четкого определения последовательности действий (алгоритмов) основных процессов (учебный процесс, приемная кампания, аттестация педагогов) и минимизации отклонений при стандартизации повторяющихся процедур. Большинство процессов в организации formalизованы в документах, что исключает субъективизм и хаотичность (положения, инструкции, регламенты). Система процессного управления позволяет прогнозировать результаты процессов и обеспечивать одинаковое качество образовательных услуг вне зависимости от внешних факторов на основе отработанных механизмов. В качестве примера таких механизмов предлагается рассматривать использование типовых рабочих программ по предметам, стандартизованных критериев оценки знаний учащихся, плановых показателей эффективности (например, % качества знаний по итогам четверти).

Эффективное использование ресурсов в условиях процессного подхода может достигаться посредством устранения дублирующих функций, автоматизации рутинных операций (например, внедрение электронного документооборота) и рационального распределения нагрузки между сотрудниками.

Таким образом, при соответствующем использовании процессного подхода достигается минимизация рисков, прозрачность и экономия ресурсов в функционировании образовательной организации. Однако в современных условиях обучения (большое количество проектов при освоении отдельных дисциплин, введение в образовательную программу предмета «Разработка проектов») и адаптации к изменениям (например, внедрение цифровых технологий, проведение незапланированных мероприятий и т. д.) процессный подход необходимо дополнить проектным управлением.

Проектный метод позволяет: быстро адаптироваться к изменениям и требованиям внешней среды; внедрять инновационные решения; реализовывать стратегические инициативы; мобилизовать ресурсы под конкретные задачи. Проектный подход дает возможность образовательной организации оперативно реагировать на изменения в законодательстве (новые

ФГОС, СанПиН), технологические прорывы (цифровизация образования и т. п.), социальные запросы (потребность в новых компетенциях и пр.) посредством создания временных рабочих групп для решения конкретных задач, использования agile-методологий для быстрого тестирования решений и гибкого перераспределения ресурсов между проектами. Проектный формат позволяет: тестировать рискованные идеи без угрозы для основной деятельности; привлекать внешних экспертов и партнеров; создавать «точки роста» для всей организации. Кроме того, он способствует развитию творческих инициатив, формированию проектных компетенций и навыков групповой работы. В образовательной организации проекты могут являться эффективным инструментом достижения долгосрочных целей: повышения качества образования; развития кадрового потенциала; укрепления материально-технической базы.

Результаты исследования. При исследовании специфики управления образовательной организацией при условии использования как процессного, так и проектного подходов возникает необходимость синтеза или интеграции управленческих концепций. При этом целесообразно сопоставить основные характеристики указанных подходов (табл. 1).

Таблица 1. Анализ характеристик процессного и проектного подходов к управлению образовательной организацией

Table 1. Analysis of the characteristics of process and project approaches to managing an educational organization

Критерий	Процессный подход	Проектный подход	Синтез (преимущества)
Стабильность	Высокая (четкие регламенты)	Низкая (временный характер)	Сочетание стабильности и адаптивности
Гибкость	Низкая (жесткие процессы)	Высокая (ориентация на изменения)	Гибкость в рамках процессных ограничений
Ресурсоемкость	Оптимизирована под рутину	Требует дополнительных ресурсов	Баланс между регулярными и проектными затратами
Скорость внедрения инноваций	Медленная (из-за бюрократии)	Быстрая (гибкие методы)	Ускорение инноваций без потери контроля
Мотивация сотрудников	Предсказуемость, но возможна рутинна	Высокая вовлеченность, но стресс	Комбинация стабильности и интересных задач

Сравнение базовых характеристик подходов позволяет получить представление о преимуществах их интеграции. Синтез подходов позволяет: компенсировать недостатки (например, бюрократичность процессов + нестабильность проектов); усилить преимущества (стабильность + инновационность); создать более сбалансированную систему управления.

Возникающие при этом организационно-управленческие противоречия проявляются в: конфликте приоритетов при распределении ресурсов; различии критериев оценки эффективности; необходимости одновременного обеспечения стабильности и развития; разных требованиях к системе контроля и отчетности.

Разрешение данных противоречий требует разработки интегрированной модели управления образовательной организацией на основе процессного и проектного подходов, подразумевающей повышение степени гибкости организационных структур, использование сбалансированной системы показателей и эффективных механизмов координации. Для оценки сильных и слабых сторон синтеза процессного и проектного подходов в управлении образовательной организацией предлагается воспользоваться SWOT-анализом и методом сравнительных преимуществ.

SWOT-анализ синтеза процессного и проектного подходов позволяет структурировано оценить внутренние (сильные и слабые стороны) и внешние (возможности и угрозы) аспекты интеграции подходов. Для выполнения SWOT-анализа использовался комплекс внутренних (документы организации, данные о проектах, обратная связь от сотрудников организации) и внешних данных (нормативно-правовая информация, бенчмаркинг и т. д.), охватывающих как текущее состояние, так и перспективы развития объекта исследования.

Сильные стороны синтеза подходов (Strengths): гибкость управления; повышение эффективности; оптимизация

ресурсов. Проектный подход позволяет оперативно реагировать на изменения, а процессный – обеспечивает стабильность. Формализованные процессы снижают дублирование функций, а проекты помогают внедрять инновации. Вместе с тем проекты распределяются с учетом возможностей регулярных процессов.

Слабые стороны (Weaknesses): сложность координации; риск перегрузки сотрудников; необходимость обучения персонала. В данном случае имеется в виду, что необходимость согласования проектных и процессных задач может замедлять принятие решений. Вместе с тем совмещение рутинных и проектных задач требует грамотного тайм-менеджмента и оперативного переключения сотрудников с процессной на проектную деятельность.

Возможности (Opportunities): развитие цифровых инструментов (например, внедрение ERP-систем для управления процессами и проектами); активное участие в инновационных программах; повышение конкурентоспособности за счет более эффективного управления.

Угрозы (Threats): сопротивление изменениям со стороны консервативно настроенных сотрудников; недостаток финансирования для внедрения новых управленческих технологий; риск нарушения стабильности процессов и наоборот.

Таким образом, использование SWOT-анализа, позволило сделать вывод о преимуществах реализации интеграции процессного и проектного подходов в образовательной организации. В целях структуризации процессно-проектного управления образовательной организацией, повышения прозрачности процессов и разработки модели интеграции подходов предлагается использовать матричную модель процессно-проектного управления образовательной организацией.

Матричная модель образовательной организации может быть представлена

в виде матрицы «Сфера × Процессы», где: строки – сферы деятельности (образовательная, организационная, управленческая, хозяйственная, социально-воспитательная), а столбцы – процессы (образовательный, управленческий,

организационный, хозяйственный, социально-воспитательный). На пересечении строк и столбцов элементы матрицы – проекты (количество, или перечень) в соответствующей сфере и процессе (табл. 2).

Таблица 2. Матрица проектов
Table 2. Project matrix

Сфера / Процесс	Образова-тельный	Управлен-ческий	Организа-ционный	Хозяйственный	Социальновоспитательный
Образовательная	P ₁₁	P ₁₂	P ₁₃	P ₁₄	P ₁₅
Организационная	P ₂₁	P ₂₂	P ₂₃	P ₂₄	P ₂₅
Управленческая	P ₃₁	P ₃₂	P ₃₃	P ₃₄	P ₃₅
Хозяйственная	P ₄₁	P ₄₂	P ₄₃	P ₄₄	P ₄₅
Социальновоспитательная	P ₅₁	P ₅₂	P ₅₃	P ₅₄	P ₅₅

В приведенной матрице P_{ij} – проекты в i-й сфере и j-м процессе (может быть числом или списком).

Приведенную модель можно дополнить весами проектов (коэффициентами значимости (w_{ij}) для каждого проекта), а также добавить вектор ресурсов (финансы, кадры, время).

Преимущества матричной модели интеграции в управление процессного и проектного подходов проявляется в возможности: визуализации распределения проектов по сферам и процессам; выявле-

ния перегруженных и незадействованных направлениях реализации проектов и нововведений; идентификации взаимосвязи между сферами и процессами. Вместе с тем данная модель синтеза процессного и проектного подходов легко адаптируется при изменениях (добавление/удаление проектов); упрощения мониторинга выполнения проектов.

При введении весовых коэффициентов в матричную модель каждый проект P_{ij} имеет вес w_{ij} (например, от 1 до 10, где 10 – максимальная важность) (табл. 3).

Таблица 3. Матричная модель процессно-проектного управления с учетом весовых коэффициентов
Table 3. Matrix model of process-project management taking into account weighting coefficients

Сфера / Процесс	Образова-тельный	Управлен-ческий	Организа-ционный	Хозяйствен-ный	Социальновоспитательный
Образовательная	P ₁₁ (w ₁₁)	P ₁₂ (w ₁₂)	P ₁₃ (w ₁₃)	P ₁₄ (w ₁₄)	P ₁₅ (w ₁₅)
Организационная	P ₂₁ (w ₂₁)	P ₂₂ (w ₂₂)	P ₂₃ (w ₂₃)	P ₂₄ (w ₂₄)	P ₂₅ (w ₂₅)
Управленческая	P ₃₁ (w ₃₁)	P ₃₂ (w ₃₂)	P ₃₃ (w ₃₃)	P ₃₄ (w ₃₄)	P ₃₅ (w ₃₅)
Хозяйственная	P ₄₁ (w ₄₁)	P ₄₂ (w ₄₂)	P ₄₃ (w ₄₃)	P ₄₄ (w ₄₄)	P ₄₅ (w ₄₅)
Социальновоспитательная	P ₅₁ (w ₅₁)	P ₅₂ (w ₅₂)	P ₅₃ (w ₅₃)	P ₅₄ (w ₅₄)	P ₅₅ (w ₅₅)

В таблице каждый проект P_{ij} имеет вес w_{ij} (например, от 1 до 10, где 10 – максимальная важность).

Пример: P_{11} – Проект «Цифровизация учебных курсов», $w_{11}=9$ (высокий приоритет). P_{44} – Проект «Ремонт аудиторий», $w_{44}=7$ (средний приоритет).

Каждый проект требует ресурсов: финансы (F), персонал (P), время (T).

Общий вектор ресурсов организации:

$$R = \begin{pmatrix} F \\ P \\ T \end{pmatrix}$$

Вектор ресурсов для каждого проекта:

$$R_{ij} = \begin{pmatrix} F_{ij} \\ P_{ij} \\ T_{ij} \end{pmatrix}$$

$$\text{Пример: } R_{11} = \begin{pmatrix} 500000 \text{ руб.} \\ 3 \text{ препод.} \\ 6 \text{ мес.} \end{pmatrix}; \quad R_{11} = \begin{pmatrix} 1200000 \text{ руб.} \\ 3 \text{ спец...} \\ 3 \text{ мес.} \end{pmatrix}$$

Матрица взаимодействий между проектами показывает, как проекты влияют друг на друга:

+1 – синергия (проекты взаимосвязаны);

0 – нейтрально (нет взаимосвязей);

-1 – проекты конфликтуют между собой.

Матрица имеет размер $N \times N$, где N – общее число проектов.

Пример (для 3 проектов):

Проект / Проект	P_{11}	P_{22}	P_{34}
P_{11}	0	+1	0
P_{22}	+1	0	-1
P_{34}	0	-1	0

Интерпретация:

P_{11} и P_{22} поддерживают друг друга (+1).

P_{22} и P_{34} конфликтуют (-1).

Преимущества использования расширенной модели состоят в том, что она позволяет в определенном смысле оптимизировать бюджет путем перераспределения ресурсов с учетом весовых коэффициентов. Также при большом количестве проектов выявить конфликтующие проекты и принять меры для устранения противоречий. Расширенная матричная модель позволяет реализовать сценарное планирование на основе моделирования результатов изменений.

В матричной модели P_{ij} может интерпретироваться как показатель эффективности синтеза процесса и проекта, отражающий, насколько успешно конкретный проект реализуется в рамках данного процесса. Так, для расчета P_{ij} можно использовать интегральный индекс, объединяющий количественные и качественные показатели:

$$P_{ij} = \alpha \cdot K_{ij} + \beta \cdot Q_{ij} + \gamma \cdot S_{ij},$$

где: K_{ij} – количественные показатели (например, % выполнения, охват аудитории);
 Q_{ij} – качественные показатели (удовлетворенность участников, экспертные оценки);
 S_{ij} – синергия с другими проектами (из матрицы взаимодействий).
 α, β, γ – весовые коэффициенты ($\alpha+\beta+\gamma=1$).

Для образовательной организации можно использовать показатели, приведенные в таблице 3.

Таблица 3. Показатели для расчета интегральной эффективности процессно-проектного подхода

Table 3. Indicators for calculating the integrated efficiency of the process-project approach

Категория	Показатели (примеры)	Источник информации
Количественные (K_{ij})	– % выполнения графика – Число обученных студентов – Экономия бюджета.	Статистика, отчеты
Качественные (Q_{ij})	– Удовлетворенность преподавателей/студентов – Результаты тестирований	Опросы, экспертные оценки
Интеграция (S_{ij})	– Влияние на другие проекты (из матрицы взаимодействий) – Вклад в стратегию	Анализ связей, SWOT

Пример расчета P_{11} для проекта «Цифровизация дисциплин»

Количественные: $K_{11}=0.8$ (проект выполнен на 80%).

Качественные: $Q_{11}=0.9$ (учащиеся оценили нововведение на 9/10).

Интеграция: $S_{11}=0.7$ (проект усилил 3 других инициативы).

Веса: $\alpha=0.5$, $\beta=0.3$, $\gamma=0.2$.

Интегральная эффективность:

$$P_{11}=0.5 \cdot 0.8 + 0.3 \cdot 0.9 + 0.2 \cdot 0.7 = 0.4 + 0.27 + 0.14 = 0.81 \text{ (из 1.0)}$$

Процессный подход предполагает рассмотрение образовательного процесса как последовательности взаимосвязанных этапов (процессов). Каждый этап может быть описан как функция, зависящая от входных данных, ресурсов и параметров.

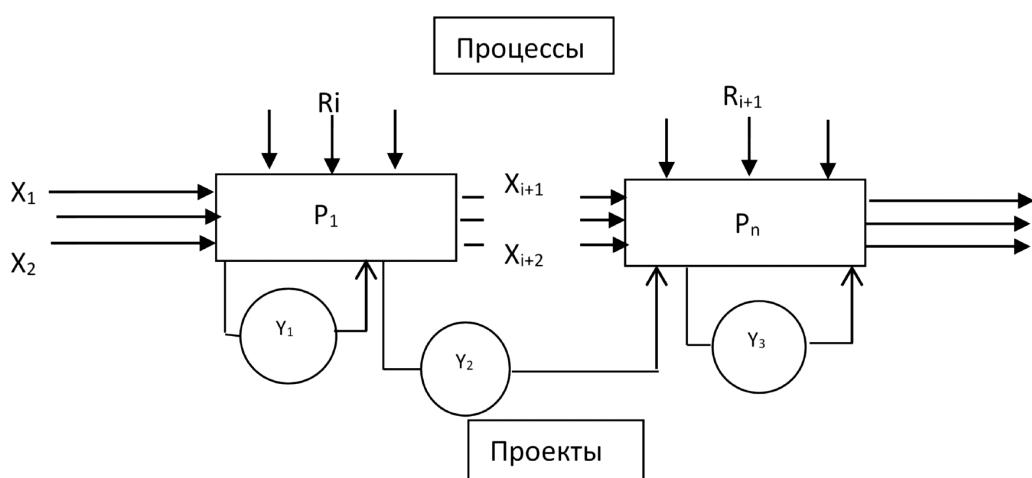

Рис. 1. Схема интеграции процессного и проектного подходов в образовательном процессе

Fig. 1. Scheme of integration of process and project approaches in the educational process

Математическая модель процессного подхода включает:

X_i – вход в процесс (уровень знаний учащихся, уровень методического обеспечения, уровень технического обеспечения, качество инфраструктуры и т. д.);

R_i – ресурсы на входе (время, укомплектованность преподавателей, наличие опыта, уровень профессионализма, обеспеченность литературой и т. д.);

S_i – параметры эффективности процесса (продолжительность, уровень удовлетворенности учащихся, оценка уровня знаний и пр.).

Каждый образовательный процесс состоит из n этапов. Эффективность каждого из n этапов может быть представлена, как:

$$P_i = f_i(S_i, X_i, R_i); i=1,2,\dots,n.$$

Выходные параметры каждого этапа становятся входными для следующего:

Общий результат образовательного процесса Y :

$$Y=P_n(P_{n-1})\dots(P_2) P_1(S_1, X_1, R_1)$$

В каждый образовательный процесс интегрированы проекты с собственными целями, ресурсами, резервом времени. В составе процесса может реализовываться ряд проектов, которые выполняются параллельно ходу основного процесса или могут быть интегрированы непосредственно в ход процесса. Проект может быть описан как набор задач, которые выполняются параллельно или последовательно.

Математическая модель проектного подхода предполагает, что образовательный проект состоит из n задач с интегральной эффективностью T_j ($j=1,2,\dots,n$). Каждая задача может быть описана как функциональная зависимость:

$$T_j = g_j(S_j, X_j, R_j, t_j);$$

где:

X_j – входные данные для задачи;

R_j – ресурсы, выделенные на задачу;

t_j – временные параметры (сроки выполнения);

S_j – параметры задачи (например, сложность, приоритет).

Результат выполнения всех задач Y можно, например, выразить как:

$$Y = \prod (X_j R_j T_j S_j).$$

Анализ содержания матричной процессно-функциональной модели и концептуального описания математических моделей процессного и проектного подхода к управлению образовательной организацией предоставил возможность сформировать интегрированную процессно-проектную модель функционирования образовательной организации, основываясь на парадигме синтеза взаимоувязанных разнотипных моделей, каждая из которых описывает отдельные аспекты функционирования образовательной организации, системно образующие интегрированное, комплексное и полное представление о функционировании организации. Данное авторское определение интегрированной процессно-проектной модели опирается на определение Kaplan R.S., Garrison, D.R.: «Матричное представление стратегии объединяет финансовые, процессные и проектные аспекты управления» [25, 26]. Аналогичный подход использует Mintzberg, H. (1983): «Гибридные структуры требуют интеграции процессных и проектных механизмов» [27].

Базовые компоненты модели включают: комплекс матричных моделей, предусматривающий матрицу процессно-проектного управления, матрицу процессно-проектных ресурсов, матрицу взаимовлияния проектов, а также математические модели процессного и проектного управления. Данный модельный комплекс реализуется в рамках функций управления образовательной организацией: планирования, контроля, координации.

Формальная структура интегральной модели представлена матрицей процессов и проектов и функцией интеграции управления проектами и процессами.

В матрице процессов и проектов (табл. 4):

$P = \{P_1 \dots P_m\}$ – множество процессов (учебный процесс, администрирование);

$J = \{J_1 \dots J_n\}$ – множество проектов (например, цифровизация, новая программа).

$A_{m \times n}$ – матрица взаимодействий, где:

$a_{ij} = \begin{cases} 1, & \text{если проект } J_j \text{ влияет на процесс } P_i; \\ 0, & \text{если влияние отсутствует.} \end{cases}$

Таблица 4. Матрица взаимодействий процессов и проектов

Table 4. Matrix of interactions of processes and projects

Процесс / Проект	Цифровизация (J_1)	Новая программа (J_2)
Учебный (P_1)	1	1
Администрирование (P_2)	1	0

В функции интеграции подходов каждый процесс и проект описывается вектором параметров:

Для процессов: $v_i = (t_i, r_i, q_i)$, где t_i – время, r_i – ресурсы, q_i – качество.

Для проектов: $w_j = (c_j, k_j, s_j)$, где c_j – стоимость, k_j – KPI, s_j – синергия.

Интегральный показатель эффективности для всей системы:

$$E = \sum_{i=1}^m a_i q_i + \sum_{i=1}^n \beta_i k_i + \sum_{i=1}^m \gamma_{ij} \alpha_{ij} \cdot (q_i + k_j),$$

где $\alpha_{ij}, \beta_j, \gamma_{ij}$ – весовые коэффициенты.

Данная формула объединяет три выделенных авторами аспекта функционирования образовательной организации:

- эффективность регулярных процессов (стабильность);
- результативность проектов (инновации);
- синергию между процессами и проектами (взаимовлияние).

q_i – показатель качества процесса P_i (например, успеваемость студентов для учебного процесса);

α_i – вес процесса (его важность для организации).

В результативности проектов: $\sum_{i=1}^n \beta_i k_i$; k_i – KPI проекта i (например, % внедрения цифровых инструментов);

β_j – вес проекта (его приоритет).

В синергии процессов и проектов

$$(\sum_{i=1}^m \gamma_{ij} \alpha_{ij} (q_i + k_j))$$

α_{ij} – связь между процессом P_i и проектом J_j (1 – есть влияние, 0 – нет);

γ_{ij} – вес взаимодействия (насколько сильно они усиливают друг друга);

$(q_i + k_j)$ – совместный эффект.

Интегральный показатель эффективности – это «цифровой двойник» образовательной организации, который позволяет: переводить качественные показатели в количественные; показывает, где «вкладываться» (процессы, проекты или их интеграцию); помогает избежать перекоса в сторону рутинны или хаотичных инноваций. Для практического применения интегральной модели целесообразно использование: системы сбора данных (LMS, CRM, опросы); регламента регулярного пересчет весов; визуализации (датчики по ходу выполнения проектов на «пульте» менеджера).

Обсуждение и заключение. При формировании интегрированной модели необходимо основываться на системе положений, определяющих основные условия ее построения:

– внедрение модели не должно отразиться на устойчивости образовательной организации по отношению к требованиям внешней среды (субъектов управления образованием высших уровней управления);

– концептуально модель должна состоять из взаимосвязанных компонентов, обеспечивающих управление образовательным учреждением по его основным направлениям деятельности;

– в рамках модели может быть сформирована временная управляющая конструкция, сосредоточенная на управлении укрупненными проектными направлениями или портфелями проектов;

– функциональное множество модели должно предусматривать повышение роли социально-общественной и культурной составляющей в управлении образовательной организацией.

Данная модель может быть реализована в образовательном учреждении в виде процессно-проектного офиса. Основные задачи проектного офиса состоят в следующем:

– формирование и реализация организационной процессно-проектной стратегии развития;

– управление ресурсным обеспечением и осуществление контроля результатов реализации процессов и программ;

– формирование проектных команд и коллективов преподавателей, занятых в процессно-проектной деятельности.

Управление процессно-проектной деятельностью в современной образовательной организации должно основываться на синтезе стандартных и оригинальных методов и стратегий, учитывая конкретные условия функционирования. Особую актуальность для практического использования в работе образовательных организаций приобретает задача регламентации функционирования процессно-проектного офиса, связанная с концепцией интеграции процессного и проектного подходов. Интеграция подходов позволяет не только повысить эффективность проектов и процессов, но и усилить гибкость и адаптивность учебного процесса при изучении отдельных дисциплин, повысить эффективность управления образовательной организацией.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The authors declare no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Титов С.А., Титова Н. В. Гибридные методологии управления проектами как проявление организационной амбидекстрии. Управленческие науки. 2022;12(2):55-67. DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-2-55-67.
2. Антонов А.А. Тенденции использования Agile-методологий в современной России [Электронный ресурс] // Экономика и парадигма нового времени. 2023. № 3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-ispolzovaniya-agile-metodologiy-v-sovremennoy-rossii/viewer>. [дата обращения: 10.04.2025].
3. Прокопенко С.Е. Современные модели управления в образовательных организациях: сборник трудов конференции // Вопросы науки и образования: новые подходы и актуальные исследования: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 11 окт. 2023 г.). Чебоксары: Интерактив плюс, 2023. С. 95-97.
4. Комзолов П.В. Подходы к управлению многопрофильными образовательными комплексами [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2016. № 3 (107). С. 859-861. URL: <https://moluch.ru/archive/107/25631/> (дата обращения: 21.04.2025).
5. Покосовская О.В. Многофункциональная образовательная организация: модель эффективного управления ресурсами в условиях информационно-образовательной среды (Стратегия образования) // Стандарты и мониторинг в образовании. 2015. № 3. С. 3-8.
6. Вихман В.В., Ромм М.В. «Цифровые двойники» в образовании: перспективы и реальность // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 2. С. 22-32. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-2-22-32.
7. Скопина И.В. Цифровая трансформация административного управления в школах и вузах // Современные технологии управления. 2025. №1. Дата публикации: 08.01.2025. Режим доступа: sovman.ru. (Дата обращения: 21.04.2025)

8. Жерегеля А.В. Особенности управления современной организацией при реализации стратегии цифровой трансформации // Вестник университета. 2023 № 1 С. 5-13. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-1-5-13.
9. Кромптон Х., Берк Д. Искусственный интеллект в высшем образовании: состояние отрасли // Int. J. Educ Technol High Educ. 2023. No. 22. DOI: doi.org.
10. Воробьева С.В. Управление образовательными системами: учебник и практикум для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 491 с. (Высшее образование).
11. Попов В.Н., Касьянов В.С., Савченко И.П. Системный анализ в менеджменте: учебное пособие. М.: КноРус, 2023. 297 с. book.ru (дата обращения: 29.04.2025).
12. Петров М.Н. Эволюция и направления развития парадигмы управления проектами // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2017. Т. 7. № 2А. С. 210-221. ISSN: 2222-9167.
13. Эфендиев Б.А. Разработка и функционирование адаптивных систем управления организациями [Электронный ресурс] // Российское предпринимательство. 2008. Т. 9, № 11. С. 21-<https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-i-funktsionirovanie-adaptivnyh-sistem-pravleniya-organizatsiy> (дата обращения: 29.04.2025).
14. Крикушенко М.В. Значение гибридного управления в области эффективной проектной деятельности органов исполнительной власти // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 4. С. 261-268. DOI: 10.36871/ek.up.r.2025.02.09.004
15. Погосян И. PRINCE2 Agile и его практическая реализация на компании «Х» [Electronic resuorse]. PM WorldJournal, Т. XII, вып. XI, ноябрь. Режим доступа: <https://pmworldlibrary.net/wp-content/uploads/2023/11/pmwj135-Nov2023-Poghosyan-Prince2-Agile-and-its-practical-implementation-on-company-X>.
16. Харламов И.В., Буткевич А.С. Системный подход: синергия процессного и проектного подходов // ИННОВАЦИИ И ИНВЕСТИЦИИ. 2023. № 7. С. 68-71. DOI 10.18334/ide.4.3.119237
17. Барабанская А.Н. Процессный и проектный подходы в стратегическом управлении организациями инновационной экономики [Электронный ресурс] // Креативная экономика. 2010. Т. 4, № 12. С. 130-135. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15341426> (дата обращения: 21.04.2025).
18. Sharp J.H., Lang G. Agile in Teaching and Learning: Conceptual Framework and Research Agenda [Electronic resuorse] // JournalofInformationSystemsEducation. 2018. Vol. 29. No. 2. P. 45-52. URL: jise.org. (дата обращения: 21.04.2025).
19. Petersen K. Is lean agile and agile lean?: a comparison between two softwaredevelopment paradigms. In A. Dogru& V. Biçer (Eds.), Modern [Electronic resuorse] // Software EngineeringConcepts and Practices: Advanced Approaches. 2011. P. 19-46. IGI Global. URL: igi-global.com. (дата обращения: 21.04.2025).
20. Starkey L. Teaching and Learning in the Digital Age. Abingdon, Oxon: Routledge, 2012. DOI: 10.4324/9780203117422.
21. Graham C.R. Emerging practice and research in blended learning // Handbook of Distance Education. 2019. P. 261-276. https://doi.org/10.1007/978-981-19-2080-6_68. (дата обращения: 21.04.2025).
22. Bush T. Hybrid leadership in education: Conceptual and empirical challenges [Electronic resuorse] // Educational Management Administration & Leadership, 2020. Vol. 48, No. 1. P. 6-20. URL: scispace.com. (дата обращения: 21.04.2025).
23. Harris A., Jones M. COVID-19, school leadership, and hybrid management // School Leadership & Management. 2020. Vol. 40, No. 4. P. 363-377. DOI: 10.1080/13632434.2020.1811479.
24. Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education / Zawacki-Richter O. [et al.] // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2019. Vol. 16, No. 1. P. 39. DOI: 10.1186/s41239-019-0171-0
25. Bates A.W. Teaching in a Digital Age: Guidelines for Designing Teaching and Learning [Electronic resuorse]. URL: <https://www.irrodl.org/index.php/irrodl/article/view/7063/5857> (дата обращения: 21.04.2025).

26. Kaplan R.S., Norton D.P. The Strategy-Focused Organization: How Balanced Scorecard Companies Thrive in the New Business Environment. ISBN 1578512506, 9781578512508.
27. Garrison D.R., Kanuka H. Blended learning: Uncovering its transformative potential in higher education. DOI: 10.1016/j.iheduc.2004.02.001.
28. Mintzberg H. Structure in Fives: Designing Effective Organizations. Prentice-Hall, 1983. 312 p. ISBN 100138543496.

REFERENCES

1. Titov S.A., Titova N.V. Hybrid project management methodologies as a manifestation of organizational ambidexterity. Management Sciences. 2022;12(2):55-67. DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-2-55-67. [In Russ.]
2. Antonov A.A. Trends in the Use of Agile Methodologies in Modern Russia [Electronic resource] // Economy and Paradigm of the New Time. 2023. No. 3. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentssi-ispolzovaniya-agile-metodologiy-v-sovremennoy-rossii/viewer>. [access date: 10.04.2025]. [In Russ.]
3. Prokopenko S.E. Modern models of management in educational organizations: conference proceedings // Issues of science and education: new approaches and current research: materials of the II All-Russian scientific and practical conference (Cheboksary, October 11, 2023). Cheboksary: Interactive plus, 2023. P. 95-97. [In Russ.]
4. Komzolov P.V. Approaches to the management of multidisciplinary educational complexes [Electronic resource] // Young scientist. 2016. No. 3 (107). Pp. 859-861. URL: <https://moluch.ru/archive/107/25631/> (access date: 04/21/2025). [In Russ.]
5. Pokosovskaya O.V. Multifunctional educational organization: a model of effective resource management in the conditions of the information and educational environment (Education Strategy) // Standards and monitoring in education. 2015. No. 3. P. 3-8. [In Russ.]
6. Vikhman V.V., Romm M.V. "Digital Twins" in Education: Prospects and Reality // Higher Education in Russia. 2021. Vol. 30, No. 2. P. 22-32. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-2-22-32. [In Russ.]
7. Skopina I.V. Digital Transformation of Administrative Management in Schools and Universities // Modern Management Technologies. 2025. No. 1. Publication date: 08.01.2025. Access mode: sovman.ru. (date of access: 21.04.2025) [In Russ.]
8. Zheregelya A.V. Features of Managing a Modern Organization in the Implementation of a Digital Transformation Strategy // University Bulletin. 2023 No. 1 P. 5-13. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-1-5-13. [In Russ.]
9. Crompton H., Burke D. Artificial Intelligence in Higher Education: State of the Industry // Int. J. Educ Technol High Educ. 2023. No. 22. DOI: doi.org.
10. Vorobyova S.V. Management of Educational Systems: Textbook and Workshop for Universities. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait, 2025. 491 p. (Higher education). [In Russ.]
11. Popov V.N., Kasyanov V.S., Savchenko I.P. Systems Analysis in Management: Study Guide. Moscow: KnoRus, 2023. 297 p. book.ru (date of access: 29.04.2025). [In Russ.]
12. Petrov M.N. Evolution and directions of development of the project management paradigm // Economy: yesterday, today, tomorrow. 2017. Vol. 7. No. 2A. P. 210-221. ISSN: 2222-9167. [In Russ.]
13. Efendiev B.A. Development and functioning of adaptive management systems of the organization [Electronic resource] // Russian entrepreneurship. 2008. Vol. 9, No. 11. P. 21-<https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-i-funktzionirovanie-adaptivnyh-sistem-pravleniya-organizatsiey> (date of access: 29.04.2025). [In Russ.]
14. Krikushenko M.V. The Importance of Hybrid Management in the Field of Effective Project Activities of Executive Authorities // State and Municipal Administration. Scientific Notes. 2023. No. 4. P. 261-268. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.02.09.004 [In Russ.]

15. Poghosyan I. PRINCE2 Agile and its Practical Implementation at Company “X” [Electronic resource]. PM World Journal, Vol. XII, issue XI, November. Access mode: <https://pmworldlibrary.net/wp-content/uploads/2023/11/pmwj135-Nov2023-Poghosyan-Prince2-Agile-and-its-practical-implementation-on-company-X>. [In Russ.]
16. Kharlamov I.V., Butkevich A.S. Systems approach: synergy of process and project approaches // INNOVATIONS AND INVESTMENTS. 2023. No. 7. P. 68-71. DOI 10.18334/ide.4.3.119237 [In Russ.]
17. Baranskaya A.N. Process and project approaches in strategic management of organizations of the innovative economy [Electronic resource] // Creative economy. 2010. Vol. 4, No. 12. P. 130-135. Access mode: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15341426> (date of access: 21.04.2025). [In Russ.]
18. Sharp J.H., Lang G. Agile in Teaching and Learning: Conceptual Framework and Research Agenda [Electronic resuorse] // Journal of Information Systems Education. 2018. Vol. 29.No. 2. P. 45-52. URL: jise.org. (date of access: 21.04.2025).
19. Petersen K. Is lean agile and agile lean?: a comparison between two software development paradigms. In A. Dogru & V. Biçer (Eds.), Modern [Electronic resuorse] // Software Engineering Concepts and Practices: Advanced Approaches. 2011. P. 19-46. IGI Global. URL: igi-global.com. (date of access: 21.04.2025).
20. Starkey L. Teaching and Learning in the Digital Age. Abingdon, Oxon: Routledge, 2012. DOI: 10.4324/9780203117422.
21. Graham C.R. Emerging practice and research in blended learning // Handbook of Distance Education. 2019. P. 261-276. https://doi.org/10.1007/978-981-19-2080-6_68. (date of access: 21.04.2025).
22. Bush T. Hybrid leadership in education: Conceptual and empirical challenges [Electronic resuorse] // Educational Management Administration & Leadership, 2020. Vol. 48, No. 1. P. 6-20. URL: scispace.com. (date of access: 21.04.2025).
23. Harris A., Jones M. COVID-19, school leadership, and hybrid management // School Leadership & Management. 2020. Vol. 40, No. 4. P. 363-377. DOI: 10.1080/13632434.2020.1811479.
24. Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education / Zawacki-Richter O. [et al.] // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2019. Vol. 16, No. 1. P. 39. DOI: 10.1186/s41239-019-0171-0
25. Bates A.W. Teaching in a Digital Age: Guidelines for Designing Teaching and Learning [Electronic resuorse]. URL: <https://www.irrodl.org/index.php/irrodl/article/view/7063/5857> (date of access: 21.04.2025).
26. Kaplan R.S., Norton D.P. The Strategy-Focused Organization: How Balanced Scorecard Companies Thrive in the New Business Environment. ISBN 1578512506, 9781578512508.
27. Garrison D.R., Kanuka H. Blended learning: Uncovering its transformative potential in higher education. DOI: 10.1016/j.iheduc.2004.02.001.
28. Mintzberg H. Structure in Fives: Designing Effective Organizations. Prentice-Hall, 1983. 312 p. ISBN 100138543496.

Информация об авторах / Information about the authors

Владимир Иванович Зарубин, доктор экономических наук, профессор. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет», 385000, Российская Федерация, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 191, e-mail: zarubin.vi18@yandex.ru

Ирина Витальевна Андреева, директор, Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Майкопская гимназия № 22», 385018, Российская Федерация, г. Майкоп, ул. Депутатская, 10, e-mail: School2211@yandex.ru

Vladimir I. Zarubin, Dr Sci. (Econ.), Professor, Maykop State Technological University, 385000, the Russian Federation, Maikop, 191 Pervomayskaya St., e-mail: zarubin.vi18@yandex.ru

Irina V. Andreeva, Director, Maikop Gymnasium No. 22, 385000, the Russian Federation, Maikop, 10 Deputatskaya St., e-mail: Scool2211@yandex.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 12.04.2025

Received 12.04.2025

Поступила после рецензирования 20.05.2025

Revised 20.05.2025

Принята к публикации 23.05.2025

Accepted 23.05.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-99-110>
УДК 378.14:004.896

Методика применения технологий искусственного интеллекта для создания студенческих письменных работ в российских вузах

С.В. Трусов

Университет «Синергия», г. Москва, Российская Федерация
 blazingfire@mail.ru

Аннотация. Введение. В связи с нарастанием значения технологии искусственного интеллекта в высшем образовании актуализируется необходимость разработки методики применения преподавателями технологий ИИ в подготовке студенческих письменных работ, отвечающих всем установленным нормативным требованиям и правилам академической этики.

Материалы и методы. В июле 2024 г. автор на условиях конфиденциальности и анонимности провел групповое фокусированное интервью с семью экспертами из числа коллег в возрасте от 35 до 60 лет, работающих по социально-гуманитарному профилю не менее пяти лет в вузах г. Москвы и г. Уфы, а также педагогический эксперимент и онлайн-опрос 46 студентов-выпускников различных направлений обучения Башкирского государственного медицинского университета и Башкирского государственного педагогического университета в социальной сети «ВКонтакте» в возрасте от 22 до 25 лет, из которых 57,25% – женщины, 42,75% – мужчины, 93% составляют уроженцы Башкортостана.

Результаты исследования. Разработанная в ходе исследования авторская методика включает в себя следующие основные составляющие. Вначале научный руководитель определяет общее направление работы, перечень конкретных инструментов ИИ, ограничения использования ИИ, ответственность обучающегося и пр. В свою очередь обучающийся с помощью инструментов ИИ создает первую редакцию письменной работы с учетом того, что высока вероятность придумывания искусственной нейросетью фактов и источников. На заключительном этапе научный руководитель делает общую оценку содержания и формы письменной работы, вместе с обучающимся обсуждают достигнутый результат.

Обсуждение и заключение. В целом авторская методика позволяет интегрировать инструменты ИИ в классические аудиторные и внеаудиторные занятия при обязательном научном руководстве преподавателем-человеком.

Ключевые слова: высшее образование, искусственный интеллект, образовательный процесс, методика создания письменных работ, Россия

Для цитирования: Трусов С.В. Методика применения технологий искусственного интеллекта для создания студенческих письменных работ в российских вузах. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2025;17(2):99–110. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-99-110>

© Трусов С.В., 2025

Methodology of using artificial intelligence technologies to create student written works in Russian universities

S.V. Trusov

Synergy University, Moscow, the Russian Federation
 blazingfire@mail.ru

Abstract. Introduction. Due to the growing importance of artificial intelligence technologies in higher education, there is a growing need to develop a methodology for teachers to use AI technologies in preparing student written works that meet all established regulatory requirements and rules of academic ethics.

The Materials and methods. In July 2024, the author conducted confidentiality and anonymously, a group interview with seven experts – colleagues aged 35 to 60 years, working in social and humanitarian fields for at least five years in universities in Moscow and Ufa. A pedagogical experiment, as well as an online survey of 46 graduate students of various fields of study of the Bashkir State Medical University and the Bashkir State Pedagogical University in the social network «Vkontakte» aged 22 to 25 years, of which 57.25% were women, 42.75% were men, 93%, natives of Bashkortostan, were conducted.

The Research results. The author's methodology developed during the research includes the following main components. First, the supervisor determines the general direction of the research, the list of specific AI tools, limitations on the use of AI, the responsibility of a student, etc. In turn, the student, using AI tools, creates the first version of the written work, taking into account the high probability of the artificial neural network inventing facts and sources. At the final stage, the supervisor makes a general assessment of the content and form of the written work, and discusses the achieved result with the student.

Discussion and conclusion. In general, the author's methodology allows integrating AI tools into classical classroom and extracurricular activities with the mandatory scientific supervision of a human teacher.

Keywords: higher education, artificial intelligence, educational process, methodology for creating written works, Russia

For citation: Trusov S.V. Methodology of using artificial intelligence technologies to create student written works in Russian universities. Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2025;17(2):99–110. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-99-110>

Введение. В российской педагогической среде все шире обсуждается проблематика применения искусственного интеллекта (ИИ) в высшем образовании – за период 2019–2024 гг. на портале eLibrary опубликовано 518 соответствующих статей (на 24.12.2024). По наблюдению автора взрывной рост научных и публицистических публикаций по этой тематике в отечественных СМИ произошел во второй половине 2023 г., что, видимо, связано с получившей широкий общественный резонанс защитой шестидесятистраничной

выпускной квалификационной работы (БКР) в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ), которая, напомню, была написана за 23 часа с использованием искусственной нейронной сети (большой языковой модели) ChatGPT, при этом оригинальность текста составила 70%¹. Примечательно, что ответом адми-

¹ РГГУ предложил ограничить доступ к написавшему диплом чат-боту ChatGPT 2023. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/01/02/2023/63da66c19a7947f79e7c2d54 (дата обращения: 24.03.2025).

нистрации РГГУ на это использование технологий ИИ стал призыв к запрету в доступе к ChatGPT в российских вузах², а компания «М.Видео», напротив, именно по причине этого «суперуспешного кейса» пригласила автора ВКР на специально созданную для него должность нейросетолога³. В этих реакциях проявились и заметный разрыв между высшим образованием и рынком труда (это тема отдельного исследования), и различие в отношении к тем инновациям, которые уже стали неотъемлемой частью нашей реальности и все более активно используются студентами в учебном процессе пока, увы, без должной регламентации и очень часто без участия преподавателей. Последнее обстоятельство особенно актуализирует тему исследования.

Как показывает мировой опыт, в высшем образовании технологии ИИ становятся одним из ведущих факторов его трансформации с целью придания большей гибкости, динамичности, адаптивности к новым реалиям, отзывчивости на индивидуальные потребности обучающихся. В нашей стране также нарастает уверенность в позитивном потенциале ИИ, расширяется практика его использования в высшем образовании, что наглядно проявилось, например, в запуске в Томском государственном университете специально разработанных учебных курсов с программными продуктами, включающими ИИ (правда, некоторые из них свернуты из-за нехватки финансирования), все более активном внедрении ИИ в обучение иностранным языка [5] и т. д. Как видно, к настоящему времени накоплен достаточный опыт использования ИИ в учебном процессе. Вместе с тем остается неопределенность как с подходом к тако-

му их использованию, так и со способами их конкретного использования, особенно в социально-гуманитарном сегменте – в процессе создания студенческих письменных работ (эссе, рефераты, курсовые работы, выпускные квалификационные работы).

В связи с изложенным цель настоящей статьи – разработать и обосновать методику применения преподавателями технологий ИИ в подготовке студенческих письменных работ, отвечающих всем установленным нормативным требованиям и правилам академической этики в российских вузах.

Обзор литературы

Анализ зарубежной литературы и академической практики показывает, что преподаватели-исследователи иностранных вузов положительно оценивают применение технологий ИИ при создании студенческих письменных работ, которые открывают возможности для повышения эффективности обучения навыкам письма и владения знаний, необходимых для раскрытия темы. Так, оказывается позитивная роль ChatGPT, Grammarly, Zotero и др. инструментов в формировании научного стиля [12, 13, 19, 22], в культуре творческого мышления [11], в улучшении грамматики [9, 21], в повышении культуры цитирования и оформления ссылок [16] у студентов вузов. Описываются возможности чат-ботов и других технологий в содействии преподавателям в обеспечении быстрой обратной связи со студентами и в предварительном редактировании текста перед отправкой на проверку преподавателям [18]. Представляется потенциал средств автоматизированного оценивания письменных работ и их рецензирования [21]. Раскрываются значение научного руководства и ценность вклада преподавателя в развитии творческих способностей и критического мышления у студентов в ходе использования технологий ИИ [24]. Одновременно с ролью преподавателей подчеркивается и специфическое влияние

² Там же.

³ «М.Видео» взяла на работу написавшего диплом с помощью ChatGPT студента. 2023. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/642595009a794766fd87683e> (дата обращения: 24.03.2025).

технологий ИИ на приобщение к академической и авторской этике, на развитие критического мышления и самостоятельной рефлексии, на повышение степени ясности и логичности текста, на улучшение его структуры, а также в целом на повышение компетентности студентов [14, 23]. Особое внимание обращается на содействие технологий ИИ в приближении учебного процесса к индивидуальным особенностям студентов, их гендерной специфике, уровню сознательности, ценностным ориентациям, soft skills, характеру социализации и т. д., что является одним из наиболее актуальных трендов в высшем образовании [16]. Демонстрируется значимость наставнической работы преподавателей со студентами по вопросам заимствований и академической этики, возникающих при работе с ИИ [15]. Определяется помочь технологий ИИ в обнаружении плагиата, а также ставится вопрос об ограничениях и допустимых способах использования ИИ в академической среде [10].

В последнее время в России также публикуется все больше работ, в которых исследуется положительное влияние ИИ на образовательный процесс. Так, Г.А. Паршутина и С.М. Камалетдинова, констатируя неизбежность интеграции ИИ в систему высшего образования, указывают на необходимость адаптации к новым технологиям традиционной модели аудиторной работы, на необходимость мотивирующего содействия студентами в добросовестном и эффективном использовании ИИ [4]. Д.Ю. Агальцова и Ю.Е. Валькова перечисляют возможности и технологии ИИ в высшем образовании, с помощью которых совершенствуется работа педагогов и достигается эффективность учебного процесса, показывают функционал, позволяющий оптимизировать большое количество различных учебных процедур, указывают на имеющиеся проблемы [1]. Ряд статей посвящен непосредственно использованию инструментов ИИ в создании письменных работ. Например,

П.В. Сысоев и Е.М. Филатов предлагают методику обучения студентов написанию творческих работ на иностранном языке, в которой на ИИ возлагаются функции по оценке письменных работ, предоставлению обратной связи с рекомендациями по необходимой доработке с непосредственным участием преподавателя [6]. Т.А. Безуглый и М.Е. Ершова обосновывают полезность искусственных нейросетей при написании теоретических разделов студенческих письменных работ, предостерегают от поручения инструментами ИИ создания практических разделов (приравнивают это к фальсификации результатов) и выявляют недостатки инструментов ИИ, возникающие в ходе создания текста [2]. А.А. Паскова анализирует потенциал ChatGPT в создании учебных материалов, предоставлении обратной связи обучающимся, организации интерактивного обучения, вовлечении студентов в дискуссию [3]. Специфику коммерческого применения ИИ в высшем образовании исследуют Э.Р. Бурангулов, Э.С. Гареев и др. [26]. Риски и угрозы, связанные с использованием интернет-технологий, охарактеризовал М.В. Яковлев [8].

Материалы и методы

Для достижения цели исследования и для ответа на исследовательские вопросы в июле 2024 г. автор на условиях конфиденциальности и анонимности провел, согласно рекомендациям ведущих отечественных специалистов [7], два исследования:

– онлайн-опрос 46 студентов-выпускников различных направлений обучения Башкирского государственного медицинского университета и Башкирского государственного педагогического университета в социальной сети «ВКонтакте» в возрасте от 22 до 25 лет, из которых 57,25% – женщины, 42,75% – мужчины, 93% составляют уроженцы Башкортостана;

– рекомендованное при изучении компактных специализированных социальных общностей групповое фокусированное

интервью с семью экспертами из числа коллег автора статьи в возрасте от 35 до 60 лет, работающих по социально-гуманитарному профилю не менее пяти лет в вузах г. Москвы и г. Уфы, которые согласно заранее подготовленным плану обсуждения и вопросам рассказали о личном опыте использования ИИ в учебном процессе и высказали свои оценки и точки зрения на этот опыт.

Авторские опросники для обоих исследований были тщательно проверены для получения гарантии надежности и обеспечения внутренней согласованности, для достижения достоверности результатов и отражения истинных суждений участников опроса. Они включали в себя два раздела: демографическая характеристика опрошенных (пол, возраст, направление подготовки/должность с указанием преподаваемых дисциплин, вуз), а также вопросы о конкретных случаях применения технологий ИИ, об их типах, об оценке своего опыта и др. Предварительно подготовленные опросники позволили стандартизировать результаты и провести сравнительный анализ при последующей обработке. Кроме того, экспертам была предоставлена возможность высказаться в ходе свободной беседы, в которой задавались спонтанные вопросы, нацеленные на расширение теоретического горизонта и раскрытие того, что важным считают сами респонденты. Для снижения помех, реактивности и повышения уровня релевантности каждый участник был подробно проинструктирован.

Для проверки эффективности предлагаемой методики автор провел педагогический эксперимент: 5 случайным образом выбранных студентов в тождественных группах написали эссе, затем участники экспериментальной группы прошли курс авторской методики (с использованием YandexGPT 4), после этого участники обеих групп снова написали эссе.

Также автор исследовал зарубежный опыт использования технологий ИИ при создании студенческих письменных работ, представленный в научных публикациях.

Результаты исследования

Анализ и обобщение полученных в ходе опросов данных показал, что все и студенты, и преподаватели в целом положительно воспринимают технологии ИИ в рамках учебного процесса и, в частности, при создании письменных работ. При этом большинство студентов (77% опрошенных) уже активно используют эти инструменты самостоятельно. В свою очередь, преподаватели не подтвердили, что целенаправленно внедряют эти инструменты в учебный процесс, объясняя это отсутствием единого подхода, программы использования ИИ, соответствующей инструкции от администрации вузов, а также рисками, возникающими вследствие несознательного отношения обучающихся к технологическим новациям (плагиат и т. д.). Вместе с тем в собственной практике, для своих нужд все опрошенные преподаватели применяют инструменты ИИ – наиболее часто системы машинного перевода Яндекс и Google для составления аннотаций научных статей на английском языке и для перевода зарубежной научной и учебной литературы. Студенты (83% опрошенных) при выполнении письменных заданий, в которых требуется перевод, также чаще всего пользуются указанными сервисами, а также ChatGPT4, главным образом, для переформулирования заимствованных фраз с целью повышения степени оригинальности (75% опрошенных). Преподаватели почти не используют ChatGPT4 в русскоязычной практике, объясняя это высокой степенью недостоверности создаваемых им текстов, наличием в них фактических ошибок, очень бедным лексиконом, слабой грамматикой. Поэтому применительно к русскоязычным текстам ChatGPT4 вряд ли может выполнять те функции улучшения навыков академического письма у студентов, которые он

выполняет для англоязычных текстов. Вместе с тем этот инструмент востребован и имеет большой потенциал в процессе обучения иностранным языкам, прежде всего, английскому. Примечательно, что только 17% опрошенных студентов знают о сервисах, которые позволяют оформлять цитаты и ссылки, извлекать из баз данных Интернета списки литературы по теме письменной работы, составлять программу и план исследования; воспользовались им только 12% респондентов из числа студентов. Большинство преподавателей также не пользуется этими сервисами. Причиной называется также их англоязычная ориентация и недостаточные возможности в русскоязычном сегменте.

Действительно, подавляющее большинство инструментов ИИ, применимых при создании письменных работ, рассчитаны, прежде всего, на англоязычную аудиторию: Copy.ai, Essay Writer, Grammarly, Jasper, Turnitin, Peppertype.ai, QIULLbot, Surfer SEO и др. Арсенал русскоязычных средств гораздо меньше, среди них стоит отметить, в первую очередь, представленный общественности 24 октября 2024 г. и пока малоизученный Яндекс GPT 4. Кстати, специалисты из Томского государственного университета разработали целый ряд инструментов ИИ: чат-бот U-me, который функционирует в «ВКонтакте» и «Телеграмме» и находит информацию на ресурсах университета по запросам пользователей; сервис «Plario», который повышает знания по физике и математике у первокурсников; сервис «Актру», который обеспечивает одновременное проведение занятий в очной и удаленной формах; «CODE Hedgehog» – сервис самостоятельного обучения программированию и др.

Именно по причине относительной малочисленности русскоязычных инструментов ИИ, полагают опрошенные эксперты, не наблюдается масштабное использование преподавателями этих технологий при создании письменных работ в российских вузах (за исключением, как

отмечалось, обучения иностранным языкам) с целью укрепления академической и авторской этики, развития критического мышления и рефлексии, повышения компетентности, степени ясности и логичности текста, улучшение его структуры. При этом многие российские студенты уже освоили имеющиеся в доступе технологии и применяют их самостоятельно для решения поставленных перед ними учебных задач. И очень часто вследствие недостатка знаний об академической этике возникают разного рода осознанные злоупотребления либо несознательно допущенные ошибки (некорректные заимствования, дезинформация, фактические неточности, недостоверность результатов и пр.). Так, показательны ответы студентов на серию вопросов, касающихся академической этики:

– 64% опрошенных не смогли точно назвать ответственного за достоверность и подлинность выводов, полученных в письменной работе, подготовленной с участием ИИ;

– эти же 64% опрошенных затруднились с ответом на вопрос о том, обязаны ли авторы-люди самостоятельно проверять тексты, подготовленные с участием ИИ, и лежит ли на них обязанность гарантировать их качество, несут ли они полную ответственность за возможные нарушения.

По мнению проинтервьюированных экспертов, эти цифры показывают, прежде всего, неподготовленность студентов к применению даже небольшого доступного им числа технологий ИИ в образовательном процессе, которая порождает многие широко распространившиеся сегодня проблемы, связанные с некорректными заимствованиями, низкой мотивацией к самостоятельной, основанной на критическом мышлении работе и т. д. Еще одной причиной эксперты назвали отсутствие в российских вузах официально утвержденного общего порядка использования инструментов ИИ и обусловленную этим неопределенность их статуса. Последнее

представляется очень серьезным проблемой и упущением, ведь сейчас уже трудно представить процесс обучения без систем машинного перевода, поисковых машин, программ проверки стиля и грамматики, чат-ботов, генеративных искусственных нейросетей и др. инструментов.

Изложенное указывает, во-первых, на необходимость выведения технологий ИИ из серой зоны и создание общего регламента их использования в учебном процессе российских вузов. Во-вторых, налицо необходимость внедрения в учебный процесс обязательного специального курса по правилам добросовестного использования технологий ИИ при подготовке письменных (и других) заданий и началам авторской этики в российских вузах. Такая просветительская и разъяснительная работа, как считают опрошенные эксперты, поможет значительно сократить некомпетентность и повысить киберкультуру и ответственность обучающихся, что приведет и заметному сокращению проблем с некорректными заимствованиями, позволит повысить мотивацию к самостоятельному критическому мышлению. Наконец, в-третьих, необходима масштабная работа по созданию русскоязычных инструментов ИИ, аналогичных существующим и желательно превосходящим их по своим возможностям. Без этого российское высшее образование не сможет поддерживать текущий темп инновационного развития, не выдержит конкуренцию с зарубежными высокотехнологичными системами высшего образования, которые сейчас привлекают все больше абитуриентов, в т. ч. из России.

Перечисленные мероприятия видятся наиболее общей рамкой институционализации использования инструментов ИИ в российской высшей школе. Установление этой рамки является компетенцией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. В свою очередь, в обязанности педагогического сообщества входит разработка конкретной методики

работы научного руководителя с обучающимся при создании письменной работы с использованием ИИ в вузе.

На основе собственной практики, опросов и анализа литературы автор предлагает следующие общие черты такой методики. Исходной ее посылкой является интеграция инструментов ИИ в классические аудиторные и внеаудиторные занятия, а основным обязательным условием выступает прямое научное руководство преподавателем-человеком. Иными словами, предполагается, что обучающийся должен работать с ИИ под началом научного руководителя во время специально выделенных консультаций (очных и/или удаленных).

На первом этапе научный руководитель определяет общее направление работы, дает теоретические сведения и практические советы по созданию конкретной формы письменной работы (по цели, задачам, структуре и т. д. эссе, реферата, курсовой работы, выпускной квалификационной работы). Также научный руководитель определяет перечень конкретных инструментов ИИ, на основе упомянутого выше общего курса по правилам добросовестного использования технологий ИИ и началам авторской этики знакомит обучающегося с конкретными принципами, процедурами, приемами работы с инструментами ИИ (техника составления промптов и пр.) в рамках данной исследовательской программы, сообщает об ограничениях использования ИИ, ответственности обучающегося и о предусмотренных мерах в случаях нарушений.

На втором этапе обучающийся в рамках своих научных интересов с помощью инструментов ИИ ставит исследовательский вопрос (проблему), формулирует тему и план работы, составляет источниковую базу.

На третьем этапе научный руководитель проверяет и оценивает работу обучающегося и дает рекомендации по ее улучшению.

На четвертом этапе обучающийся самостоятельно создает первую редакцию письменной работы, с помощью ИИ проверяет грамматику, делает оценку стиля, структуры, запрашивает у ИИ рекомендации по улучшению аргументации и обоснованности, а также предварительную автоматизированную оценку работы с учетом того, что высока вероятность придумывания искусственной нейросетью фактов и источников.

На пятом этапе научный руководитель проводит оценку качества содержания и стиля подготовленной письменной работы в целом (логика, единство, цельность, средства выразительности, достоверность, соответствие теме), вместе с обучающимся обсуждают достигнутый результат, проверяют достоверность данных и оригинальность текста, планируют дальнейшее исследование.

Апробация данной методики в ходе авторского эксперимента подтвердила авторскую гипотезу о том, что контролируемое использование ИИ повышает качество учебного процесса и уровень письменных работ. Участники эксперимента положительно восприняли возможность санкционированного и регламентированного применения ИИ в учебном процессе и активно его поддерживают. По их отзывам, такое применение разнообразило их работу, позволило ввести элементы геймификации, мотивировало к самостоятельным исследованиями и учебной работе, повысило их значение, показало их практическую пользу. Отдельно было отмечено, что при проверке результатов работы ИИ появилась возможность поставить себя на место преподавателя, что сблизило научного руководителя и обучающегося, улучшило коммуникацию и взаимопонимание между ними. Отрицательные последствия эксперимента пока не выявлены.

В целом использование инструментов ИИ позволило участникам эксперимента улучшить грамматику, повысить культуру цитирования и оформления ссылок, избе-

жать некорректных заимствований, привлечь дополнительные источники, усилить критический взгляд. Вместе с тем ясно, что проделанный эксперимент ограничен ввиду небольшого числа участников и наличия только одной контрольной группы. В дальнейшем автор планирует увеличить число участников и контрольных групп.

Обсуждение и заключение

Хотя в российском педагогическом сообществе продолжается дискуссия о преимуществах и недостатках технологий ИИ в сфере высшего образования, а их статус официально не определен, эти технологии все более активно и широко внедряются в учебный процесс либо сами студентами (чаще всего без согласования с преподавателями), либо отдельными преподавателями. При этом во всем мире эти технологии становятся ведущим фактором развития высшего образования. Таким образом, сложились предпосылки и возникла объективная необходимость институционализации практики использования ИИ в системе высшего образования России. Автор полагает, что такая институционализация возможна путем создания общего регламента применения ИИ в учебном процессе российских вузов и внедрения в учебный процесс обязательного специального курса по правилам добросовестного использования технологий ИИ при подготовке письменных (и других) заданий и началам авторской этики.

Материалы исследования показали, что на сегодня технологии ИИ имеют заметный потенциал (который станет еще шире в ближайшей перспективе) при создании студенческих письменных работ. Авторский опыт и полученные данные позволили в первом приближении сформулировать методику работы научного руководителя с обучающимся при создании письменной работы с использованием ИИ в вузе, которая состоит в интеграции инструментов ИИ в классические аудиторные и внеаудиторные занятия при обязательном научном руководстве. В рамках этой

методики преподаватель определяет общее направление работы, перечень конкретных инструментов ИИ, сообщает об ограничениях использования ИИ и ответственности обучающегося и о предусмотренных мерах в случаях нарушений, проводит оценку качества содержания и стиля подготовленной письменной работы в целом (логика, единство, цельность, средства выразительности, достоверность, соответствие теме), вместе с обучающимся обсуждают достигнутый результат, проверяют достоверность данных и оригинальность текста, планируют дальнейшее исследование. В свою очередь обучающийся в контексте своих научных интересов с помощью инструментов ИИ ставит исследовательский вопрос (проблему), формулирует тему и план работы, составляет источниковую базу, самостоятельно создает первую ре-

дакцию письменной работы, с помощью ИИ проверяет грамматику, делает оценку стиля, структуры, запрашивает у ИИ рекомендации по улучшению аргументации и обоснованности, а также предварительную автоматизированную оценку работы с учетом того, что высока вероятность придумывания искусственной нейросетью фактов и источников.

Хотя в ходе исследования были получены положительные результаты, однако, стоит иметь в виду и негативные эффекты ИИ, которые возникают преимущественно вследствие их недобросовестного и некомпетентного применения, в меньшей степени – ввиду их несовершенства. Перспективой дальнейшего исследования автор видит определение способов нивелирования этих негативных эффектов.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Агальцова Д.В., Валькова Ю.Е. Технологии искусственного интеллекта для преподавателя вуза // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 2. С. 5-7.
2. Безуглый Т.А., Ершова М.Е. Использование текстовых нейросетей и искусственного интеллекта в учебных работах студентов // Проблемы современного образования. 2023. № 5. С. 206-216.
3. Паскова А.А. Практические аспекты применения ChatGPT в высшем образовании // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Т. 15, № 3. С. 67-74.
4. Парштина Г.А., Камалетдинова С.М. Искусственный интеллект глазами студентов вузов: преимущества, опасения и возможные сложности // Вопросы прикладной лингвистики. 2023. № 55. С. 98-124.
5. Программа развития ТГУ [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://priority2030.ru/analytics/j8wbik3emg/about/program> (дата обращения: 25.12.2024)
6. Сысоев П.В., Филатов Е.М. Методика обучения учащихся и студентов написанию эссе в триаде «обучающийся – преподаватель – искусственный интеллект» // Вестник Московского университета. Серия, 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27, № 2. С. 38-54.
7. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 2000. 596 с.
8. Яковлев М.В. Даркнет и политическое // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. № 3. С. 408-418.
9. Almusharraf N., Alotaibi H. An error-analysis study from an EFL writing context: Human and automated essay scoring approaches // Technology, Knowledge and Learning, 2023. Vol. 28, No. 3. P. 1015-1031. <https://doi.org/10.1007/s10758-022-09592-z>

10. Time to revisit existing student's performance evaluation approach in higher education sector in a new era of ChatGPT – A case study / Chaudhry I.S. [et al.] // Cogent Education. 2023. Vol. 10, No. 1. Article 2210461. <https://doi.org/10.1080/2331186X.2023.2210461>
11. Opinion Paper: «So what if ChatGPT wrote it?» Multidisciplinary perspectives on opportunities, challenges and implications of generative conversational AI for research, practice and policy / Dwivedi Y.K. [et al.] // International Journal of Information Management. 2023. No., Article 102642. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2023.102642>
12. A SWOT analysis of ChatGPT: Implications for educational practice and research / Farrokhnia M. [et al.] // Innovations in Education and Teaching International. 2023. No. 1-15. <https://doi.org/10.1080/14703297.2023.2195846>
13. Exploring an AI-based writing Assistant's impact on English language learners / Gaye, J.M. [et al.] // Computers and Education: Artificial Intelligence. 2022. No. 3. Article 100055. <https://doi.org/10.1016/j.caear.2022.100055>
14. Hapsari I.P., Wu T.T. AI Chatbots learning model in English speaking skill: Alleviating speaking anxiety, boosting enjoyment, and fostering critical thinking // Proceedings of the International Conference on Innovative Technologies and Learning. 2022. P. 444–453. Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-031-15273-3_49
15. Ethics of AI in education: Towards a community-wide framework / Holmes W. [et al.] // International Journal of Artificial Intelligence in Education. 2022. Vol. 32, No. 3. P. 504-526. <https://doi.org/10.1007/s40593-021-00239-1>
16. Online peer feedback patterns of success and failure in argumentative essay writing / Kerman N.T. [et al.] // Interactive Learning Environments. 2022. P. 1-13. <https://doi.org/10.1080/10494820.2022.2093914>
17. Kreps S., McCain R.M., Brundage M. All the news that's fit to fabricate: AI-generated text as a tool of media misinformation // Journal of Experimental Political Science. 2022. No. 9 (1). P. 104-117. <https://doi.org/10.1017/XPS.2020.37>
18. Lameras P., Arnab S. Power to the teachers: An exploratory review on artificial intelligence in education // In Information. 2022. No. 13 (1). P. 14. <https://doi.org/10.3390/info13010014>
19. Latifi S., Noroozi O., Talaee E. Worked example or scripting? Fostering students' online argumentative peer feedback, essay writing and learning // Interactive Learning Environments. 2023. Vol., No. 31 (2). P. 655-669. <https://doi.org/10.1080/10494820.2020.1799032>
20. Li A.W. Using Peerceptiv to support AI-based online writing assessment across the disciplines // Assessing Writing. 2023. No. 57. Article 100746. <https://doi.org/10.1016/j.asw.2023.100746>
21. Exploring Artificial Intelligence in Academic Essay: Higher Education Student's Perspective / Malik A.R. [et al.] // International Journal of Educational Research Open, 2023. No. 5. P. 100296. <https://doi.org/10.1016/j.ijedro.2023.100296>
22. Mazzone M., Elgammal A. Art, creativity, and the potential of artificial intelligence // In Arts. 2019. No. 8(1). P. 26. <https://doi.org/10.3390/arts8010026>
23. Miranty D., Widiati U. An automated writing evaluation (AWE) in higher education // Pegem Journal of Education and Instruction. 2021. No. 11(4 SE-Article). P. 126-137. <https://doi.org/10.47750/pegegog.11.04.12>
24. Rospigliosi, P. Artificial intelligence in teaching and learning: What questions should we ask of ChatGPT? // Interactive Learning Environments. 2022. No. 31(1). P. 1-3. <https://doi.org/10.1080/10494820.2023.2180191>
25. Storey V.A. AI technology and academic writing: knowing and mastering the «Craft Skills» // International Journal of Adult Education and Technology (IJAET). 2023. No. 14(1). P. 1-15. <https://doi.org/10.4018/IJAET.325795>
26. Su J., Zhong Y., Ng D.T.K. A meta-review of literature on educational approaches for teaching AI at the K-12 levels in the Asia-Pacific region // Computers and Education: Artificial Intelligence. 2022. No. 3. Article 100065. <https://doi.org/10.1016/j.caear.2022.100065>

27. Argumentation competence: Students' argumentation knowledge, behavior and attitude and their relationships with domain-specific knowledge acquisition / Valero Haro A. [et al.] // Journal of Constructivist Psychology. 2022. No. 35(1). P. 123-145. <https://doi.org/10.1080/10720537.2020.1734995>

28. Yakovlev M.V., Gareev E.S., Burangulov E.R. Commercial Use of Distance Learning Technologies in the Digital Knowledge Economy: Trends and Prospects // Education in the Asia-Pacific Region: Issues, Concerns and Prospects, 2022. No. 65. P. 391-396. https://doi.org/10.1007/978-981-16-9069-3_43

REFERENCES

1. Agaltsova D.V., Valkova Yu.E. Artificial intelligence technologies for a university teacher // The world of science, culture, education. 2023. No. 2. P. 5-7. [In Russ.]
2. Bezugly T.A., Ershova M.E. Using text neural networks and artificial intelligence in students' academic work // Problems of modern education. 2023. No. 5. P. 206-216. [In Russ.]
3. Paskova A.A. Practical aspects of using ChatGPT in higher education // Bulletin of Maikop State Technological University. 2023. Vol. 15, No. 3. P. 67-74. [In Russ.]
4. Parshutina G.A., Kamaletdinova S.M. Artificial intelligence through the eyes of university students: advantages, concerns and possible difficulties // Issues of applied linguistics. 2023. No. 55. P. 98-124. [In Russ.]
5. TSU Development Program [Electronic resource]. Access mode <https://priority2030.ru/analytics/j8wbik3emg/about/program> (date of access: 25.12.2024). [In Russ.]
6. Sysoev P.V., Filatov E.M. Methodology of teaching pupils and students to write essays in the triad «a student – a teacher – artificial intelligence» // Bulletin of Moscow University. Series, 19: Linguistics and intercultural communication. 2024. Vol. 27, No. 2. P. 38-54. [In Russ.]
7. Yadov V.A. Strategy of sociological research. Description, explanation, understanding of social reality. M.: Dobrosvet, 2000. 596 p.
8. Yakovlev M.V. Darknet and political issues // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2022. No. 3. P. 408-418.
9. Almusharraf N., Alotaibi H. An error-analysis study from an EFL writing context: Human and automated essay scoring approaches // Technology, Knowledge and Learning, 2023. Vol. 28, No. 3. P. 1015-1031. <https://doi.org/10.1007/s10758-022-09592-z>
10. Time to revisit existing student's performance evaluation approach in higher education sector in a new era of ChatGPT – A case study / Chaudhry I.S. [et al.] // Cogent Education. 2023. Vol. 10, No. 1. Article 2210461. <https://doi.org/10.1080/2331186X.2023.2210461>
11. Opinion Paper: «So what if ChatGPT wrote it?» Multidisciplinary perspectives on opportunities, challenges and implications of generative conversational AI for research, practice and policy / Dwivedi Y.K. [et al.] // International Journal of Information Management. 2023. No., Article 102642. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2023.102642>
12. A SWOT analysis of ChatGPT: Implications for educational practice and research / Farrokhnia M. [et al.] // Innovations in Education and Teaching International. 2023. No. 1-15. <https://doi.org/10.1080/14703297.2023.2195846>
13. Exploring an AI-based writing Assistant's impact on English language learners / Gaye, J.M. [et al.] // Computers and Education: Artificial Intelligence. 2022. No. 3. Article 100055. <https://doi.org/10.1016/j.caai.2022.100055>
14. Hapsari I.P., Wu T.T. AI Chatbots learning model in English speaking skill: Alleviating speaking anxiety, boosting enjoyment, and fostering critical thinking // Proceedings of the International Conference on Innovative Technologies and Learning. 2022. P. 444–453. Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-031-15273-3_49
15. Ethics of AI in education: Towards a community-wide framework / Holmes W. [et al.] // International Journal of Artificial Intelligence in Education. 2022. Vol. 32, No. 3. P. 504-526. <https://doi.org/10.1007/s40593-021-00239-1>

16. Online peer feedback patterns of success and failure in argumentative essay writing / Kerman N.T. [et al.] // Interactive Learning Environments. 2022. P. 1-13. <https://doi.org/10.1080/10494820.2022.2093914>
17. Kreps S., McCain R.M., Brundage M. All the news that's fit to fabricate: AI-generated text as a tool of media misinformation // Journal of Experimental Political Science. 2022. No. 9 (1). P. 104-117. <https://doi.org/10.1017/XPS.2020.37>
18. Lameras P., Arnab S. Power to the teachers: An exploratory review on artificial intelligence in education // In Information. 2022. No. 13 (1). P. 14. <https://doi.org/10.3390/info13010014>
19. Latifi S., Noroozi O., Talaee E. Worked example or scripting? Fostering students' online argumentative peer feedback, essay writing and learning // Interactive Learning Environments. 2023. Vol., No. 31 (2). P. 655-669. <https://doi.org/10.1080/10494820.2020.1799032>
20. Li A.W. Using Peerceptiv to support AI-based online writing assessment across the disciplines // Assessing Writing. 2023. No. 57. Article 100746. <https://doi.org/10.1016/j.asw.2023.100746>
21. Exploring Artificial Intelligence in Academic Essay: Higher Education Student's Perspective / Malik A.R. [et al.] // International Journal of Educational Research Open, 2023. No. 5. P. 100296. <https://doi.org/10.1016/j.ijedro.2023.100296>
22. Mazzzone M., Elgammal A. Art, creativity, and the potential of artificial intelligence // In Arts. 2019. No. 8(1). P. 26. <https://doi.org/10.3390/arts8010026>
23. Miranty D., Widiati U. An automated writing evaluation (AWE) in higher education // Pegem Journal of Education and Instruction. 2021. No. 11(4 SE-Article). P. 126-137. <https://doi.org/10.47750/pegegog.11.04.12>
24. Rospigliosi, P. Artificial intelligence in teaching and learning: What questions should we ask of ChatGPT? // Interactive Learning Environments. 2022. No. 31(1). P. 1-3. <https://doi.org/10.1080/10494820.2023.2180191>
25. Storey V.A. AI technology and academic writing: knowing and mastering the «Craft Skills» // International Journal of Adult Education and Technology (IJAET). 2023. No. 14(1). P. 1-15. <https://doi.org/10.4018/IJAET.325795>
26. Su J., Zhong Y., Ng D.T.K. A meta-review of literature on educational approaches for teaching AI at the K-12 levels in the Asia-Pacific region // Computers and Education: Artificial Intelligence. 2022. No. 3. Article 100065. <https://doi.org/10.1016/j.caai.2022.100065>
27. Argumentation competence: Students' argumentation knowledge, behavior and attitude and their relationships with domain-specific knowledge acquisition / Valero Haro A. [et al.] // Journal of Constructivist Psychology. 2022. No. 35(1). P. 123-145. <https://doi.org/10.1080/10720537.2020.1734995>
28. Yakovlev M.V., Gareev E.S., Burangulov E.R. Commercial Use of Distance Learning Technologies in the Digital Knowledge Economy: Trends and Prospects // Education in the Asia-Pacific Region: Issues, Concerns and Prospects, 2022. No. 65. P. 391-396. https://doi.org/10.1007/978-981-16-9069-3_43

Информация об авторе / Information about the author

Сергей Викторович Трусов, доцент кафедры общественного здоровья и медико-социальных дисциплин. Университет «Синергия», 125315, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 80Б, корп. 5, e-mail: blazingfire@mail.ru

Sergey V. Trusov, Associate professor, Department of Public Health and Medical and Social Disciplines, Synergy University, Moscow, the Russian Federation, e-mail: blazingfire@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 19.02.2025

Received 19.02.2025

Поступила после рецензирования 23.03.2025

Revised 23.03.2025

Принята к публикации 24.03.2025

Accepted 24.03.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-111-124>
УДК 378.016:811.1

Обучение второму иностранному языку на базе русского языка и английского языка как первого иностранного студентов программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» в неязыковом вузе (начальный этап)

А.А. Христолюбова М.В. Золотова, Н.В. Ваганова

*Нижегородский национальный исследовательский университет
им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация*
 alinakristolyubova@yandex.ru

Аннотация. Введение. Актуальность данного исследования заключается в том, что в современных условиях наблюдается востребованность специалистов, владеющих несколькими иностранными языками. Вузовская программа «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» готовит специалистов, отвечающих подобным запросам на рынке труда. При обучении второму иностранному языку на данной программе возникает ряд проблем в методике преподавания.

Постановка проблемы исследования определяется недостатком учебно-методического обеспечения преподавания данной дисциплины, сжатыми временными рамками освоения второго иностранного языка.

Цели исследования заключаются в выявлении трудностей обучаемых на занятиях по практике второго иностранного языка, французского, в условиях неязыкового вуза по дополнительной профессиональной образовательной программе повышения квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» на начальном этапе, описании методических способов и приемов обучения французскому языку на занятиях по практике второго иностранного языка в рамках коммуникативно-когнитивного подхода, направленных на решение проблем студентов.

Материалы и методы. Методами исследования являются метод наблюдения и системного анализа, методический эксперимент.

Результаты исследования. В качестве результата исследования представлена возможность использования описанных в статье мотивирующих методических способов и приемов для разработки методики обучения второму иностранному языку, французскому, на базе русского языка и английского как первого иностранного в условиях переводческой программы в неязыковом вузе на начальном этапе обучения.

© Христолюбова А.А., Золотова М.В., Ваганова Н.В., 2025

Обсуждение и заключение. Сделаны ключевые выводы о том, что обучение второму иностранному языку на базе русского языка и первого иностранного языка, английского, с использованием коммуникативно-когнитивного подхода, описанного в исследовании мотивирующих методических приемов и способов обучения, выявленных и апробированных в ходе обучения на переводческой программе, способствует достижению цели обучения – формированию лингвистической и коммуникативной компетенции на втором иностранном языке.

Ключевые слова: обучение второму иностранному языку, лингвистическая и коммуникативная компетенции, трудности обучаемых, способы и приемы обучения, учебная мотивация

Для цитирования: Христолюбова А.А., Золотова М.В., Ваганова Н.В. Обучение второму иностранному языку на базе русского языка и английского языка как первого иностранного студентов программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» в неязыковом вузе (начальный этап). *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2025;17(2):111–124. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-111-124>

Teaching a second foreign language based on Russian and English as the first foreign language to students of the program «Interpreter/translator in the field of professional communication» at a non-linguistic university (initial stage)

A.A. Khristolyubova ✉, M.V. Zolotova, N.V. Vaganova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhny Novgorod,
the Russian Federation

✉ alinakhristolyubova@yandex.ru

Abstract. Introduction. The relevance of the research lies in the fact that in modern conditions there is a demand for specialists who speak several foreign languages. The university program «Translator in the field of professional communication» trains specialists who meet such demands in the labor market. When teaching a second foreign language within this program, a number of methodical problems arise.

The formulation of the research problem is determined by the lack of educational and methodological support for teaching this discipline, the tight time frame for mastering a second foreign language.

The goals of the research include identifying difficulties of students in the second foreign language (French) classes in the conditions of a non-linguistic university within the additional professional educational program for advanced training «Translator in the field of professional communication» at the initial stage, describing the methodological methods and techniques of teaching French as the second foreign language within the framework of the communicative-cognitive approach aimed at solving students' problems.

The Materials and methods. The methods of the research used are the observation and system analysis method, the methodical experiment.

The Research results. As a result of the research, the possibility of using the motivating methodological methods and techniques described in the article for developing a methodology

for teaching a second foreign language (French), on the basis of Russian and English as the first foreign language in the context of a translation program in a non-linguistic university at the initial stage of training has been presented.

Discussion and conclusion. Key conclusions have been made that teaching a second foreign language on the basis of Russian and the first foreign language English using the communicative-cognitive approach, the motivating methodological methods and teaching methods described in the study, identified and tested during training in the translation program, contributes to the achievement of the learning goal – the formation of linguistic and communicative competence in the second foreign language.

Keywords: teaching a second foreign language, linguistic and communicative competence, difficulties of learners, teaching methods and techniques, educational motivation

For citation: Khristolyubova A.A., Zolotova M.V., Vaganova N.V. Teaching a second foreign language based on Russian and English as the first foreign language to students of the program «Interpreter/translator in the field of professional communication» at a non-linguistic university (initial stage). *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2025;17(2):111–124. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-111-124>

Введение. В современных условиях на рынке труда от специалистов в различных сферах деятельности требуется знание иностранных языков. Этим обусловлена популярность образовательной программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», осуществляющейся на базе высшего образования (бакалавриата и специалитета) и пользующейся спросом в неязыковых вузах страны. После окончания данной программы обучающиеся получают диплом о дополнительном высшем образовании, в результате чего владеют на уровне не ниже Intermediate первым иностранным языком, которым традиционно является английский, навыками перевода в сфере своей специальности, а также студенты проходят обучение второму иностранному языку.

Материалы и методы исследования. Объектом данной статьи является обучение студентов второму иностранному языку, французскому, на базе родного русского языка и английского языка как первого иностранного в рамках коммуникативно-когнитивного подхода на начальном этапе обучения (2-й курс, 3-й семестр) программы дополнительного высшего образования «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

Методами исследования являются метод наблюдения и системного анализа,

используемые в ходе обучения по вышеуказанной программе. Методический эксперимент применен для проверки предлагаемой методики обучения.

Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что разработана система мотивирующих методических способов и приемов обучения 2-му иностранному языку, применимая к условиям программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», реализуемой в условиях неязыкового вуза ННГУ им. Н.И. Лобачевского, и направленная на повышение учебной мотивации обучаемых и, как следствие, способствующая более высоким результатам обучения, формированию лингвистической и коммуникативной компетенций на 2-м иностранном языке.

Результаты исследования. В Нижегородском национальном исследовательском университете им. Н.И. Лобачевского обучение по переводческой программе второму иностранному языку (в нашем случае французскому) проходит на 2-м и 3-м курсах. Слушателями могут быть студенты, как изучавшие ранее французский, так и не изучавшие данный язык.

Целью реализации программы на 2-м курсе обучения является получение базовой лингвистической компетенции

на французском языке, дальнейшее совершенствование коммуникативной компетенции, владение культурой письменной и устной (диалогической и монологической) речи на базовом уровне с учетом специфики особенностей преподавания второго иностранного языка.

В соответствии с программой обучения по дисциплине «Французский язык», разработанной для студентов факультета повышения квалификации ННГУ им. Н.И. Лобачевского, слушатели, освоившие программу, должны:

1. обладать профессиональными компетенциями, включающими в себя:

ПК 1. Способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия;

ПК 2. Осознание степени значимости своей будущей профессии;

ПК 3. Способность интерпретировать смысл и содержание сообщения в зависимости от конкретного стилистического, pragматического и культурно обусловленного контекста, соблюдать этику межкультурного общения.

2. знать:

– фонетический минимум: восприятие на слух и овладение всеми звуками французского языка, ударением в слове и фразе, интонационными моделями утвердительного, отрицательного, вопросительного, восклицательного предложений;

– орфографический минимум: написание заглавных и прописных букв французского алфавита, написание букв с диакритическими знаками, владение техникой чтения (чтением вслух) диалогических и монологических текстов;

– грамматический минимум: спряжение в настоящем времени глаголов 1-й, 2-й, 3-й групп, артикли, существительные (мужской и женский род, единственное и множественное число, числительные (количественные, порядковые), прилагательные (указательные, притяжательные,

мужской и женский род), местоимения (личные прилагольные, прямые, косвенные дополнения), наречия.

3. уметь:

– применять полученные теоретические знания на практике в ситуациях повседневного устного общения, письменных контактов на французском языке.

4. владеть:

– культурой чтения и анализа адаптированных и аутентичных текстов на французском языке;

– стратегиями аудирования простых информационных сообщений в типичных ситуациях;

– устными высказываниями (монологами и диалогами) на минимально достаточном уровне для осуществления контактов в ситуациях повседневного общения.

Полученные профессиональные лингвистические компетенции, умения и знания слушатели смогут применить в необходимых стандартных ситуациях бытового общения, а также приобретенные компетенции необходимы для дальнейшего успешного освоения дисциплины «Французский язык» на третьем курсе указанной программы дополнительного образования.

Проблемой обучения второму иностранному языку на базе русского языка и английского как 1-го иностранного в нашей стране занимались Н.В. Барышников, И.Л. Бим, Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез, Б.А. Лапидус, С.Ф. Шатилов, А.В. Щепилова.

Для достижения целей, заявленных в программе обучения, один из соавторов статьи, следуя концепции А.В. Щепиловой [1], использует коммуникативно-когнитивный подход к обучению французскому языку как 2-му иностранному с учетом психолингвистических закономерностей овладения французским языком после изучения английского языка, в частности, особенности осуществления переноса и учебного опыта обучающихся в овладении первым иностранным языком и их познавательный опыт, сформировавшиеся

индивидуальные когнитивные характеристики личности обучаемых. Как следствие, разработан научный методологический подход к развитию мотивации обучающихся к изучению второго иностранного языка и способствующий достижению поставленных целей обучения – формированию лингвистической и коммуникативной компетенций на втором иностранном языке в условиях обучения по программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» в ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

В данной статье мы опишем опыт преподавания французского языка на начальном этапе, т. е. на втором курсе третьего семестра программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». На протяжении периода с 2017 по 2023 г. в ННГУ в рамках переводческой программы проводилось обучение 2-му иностранному языку с использованием вышеописанного подхода. Для определения успешности его применения была выдвинута гипотеза, что применение данного подхода положительно влияет на освоение лингвистической и коммуникативной компетенций обучаемых, благодаря повышению их учебной мотивации к овладению французским языком как 2-м иностранным. В зависимости от учебного года количество студентов, обучающихся в группе, составляло от 15 до 20 человек.

В соответствии с программой на занятия по практике второго иностранного языка отведено 2 часа в неделю. Итоговый контроль освоения слушателями дисциплины «Французский язык» осуществляется в виде зачета по окончании 3-го семестра и в виде устного экзамена по окончании 4-го семестра. На зачет и экзамен выносятся следующие виды заданий:

- 1) Монологическое высказывание по изученной тематике.
- 2) Диалогическое высказывание по заданной ситуации.

На зачете по окончании 3-го семестра предлагается также прочтение небольшо-

го текста и грамматическое задание на спряжение изученных глаголов (в устной и письменной форме). Ответы устных заданий (диалога и монолога) студентов на зачете представляют собой своего рода «репетицию», подготовку к экзамену в летнюю сессию.

В конце 3-го семестра результатом обучения студентов является изучение алфавита французского языка, ознакомление с основными фонетическими явлениями языка, овладение основными фонетическими, лексическими и грамматическими навыками, чтение простых текстов на французском языке, составление элементарных диалогов знакомства, небольшой монолог.

3-й семестр, начальный этап обучения данной дисциплине, представляется наиболее значимым, т. к. помимо заявленных в программе результатов, освоения основных знаний и умений по французскому языку, необходимо создать мотивацию студентам и заложить основы и принципы обучения на весь курс.

На данном этапе обучения можно выделить несколько трудностей, с которыми сталкиваются обучающиеся и на которые преподавателю приходится обращать особое внимание: недостаточная мотивация студентов к изучению второго иностранного языка; особые трудности освоения фонетическим, грамматическими навыками нового иностранного языка; отсутствие методических разработок, отвечающих условиям реализации программы.

Под трудностями, вслед за И.А. Зимней, мы понимаем «переживание субъектом учебной деятельности некоторой сложности, необычности, противоречивости ситуации» [2, с. 346].

Обучение 2-му иностранному языку, в нашем случае французскому, по данной программе строится с использованием двух основных учебников: традиционный для вузов учебник «Французский язык» авторов Попова, Казакова, Ковалчук [3] и французский учебник «Alter Ego +» издательства «Hachette» [4]. По русско-

язычному учебнику проходит обучение фонетике, правилам чтения, вводится основная грамматика и лексика. Для более увлекательного обучения грамматике также используется французский учебник «*La grammaire des premier temps*» [5]. На материале французского учебника идет обучение таким видам речевой деятельности, как говорение (монологическая и диалогическая речь), аудирование, письмо, поскольку в нем содержатся аутентичные материалы, служащие моделями для построения тематических диалогов и монологов, письменных заданий (поздравительных открыток, деловой и дружеской переписки). В дополнение преподаватель может использовать учебники «*Alter Ego + Cahier d'activités*» [6], где широко представлены тренировочные лексические и грамматические упражнения по каждому изучаемому разделу, и пособие «*Projets. Alter Ego+*» [7], где даны разнообразные сюжеты для проектов и презентаций по изучаемой тематике, которые студенты готовят в группах, из комплекта французского учебника «*Alter Ego +*».

Опишем подробнее 1-е занятие по французскому языку – именно на нем преподаватель стремится задать тон, настрой и создать мотивацию всему курсу обучения новому иностранному языку. Приходя на 1-е занятие, преподаватель знакомится со студентами и выявляет их уровень французского. Традиционно в группе оказываются 2-3 студента, когда-то давно учившие французский в школе как 2-й иностранный. Все остальные студенты группы приходят с «нулевым» уровнем владения французским языком. И та, и другая категория слушателей, в основной массе, боятся нового иностранного языка, всегда сбиваются и переходят на английский, поскольку чувствуют себя в нем уверенно. Большая часть обучающихся «не горят желанием» изучать 2-й иностранный язык, а просто обязаны это делать т. к. это включено в программу и является обязательной дисциплиной для получения

заветного диплома, т. е. в начале обучения для них значима лишь внешняя мотивация. Задача преподавателя захватить внимание, замотивировать и вдохновить каждого студента на весь курс обучения с 1-го же занятия. С этой целью сразу же вводится активная разговорная речь: студенты должны «почувствовать вкус» к французскому. Преподаватель представляется сам: «*Je m'appelle...*». Студенты, имитируя произношение преподавателя, под его руководством, по заданной модели начинают представляться сами и поочереди задавать друг другу вопрос «*Comment t'appelles-tu?*», отвечая «*Je m'appelle...*». Следующим этапом вводится вопрос «Как дела? – ça va?» и ответ – «Дела хорошо. – ça va». Начинается работа над французским произношением, которое большинству студентов всегдадается сложно, поскольку артикуляция речевого аппарата во французском языке отличается и от родного русского языка, и от 1-го иностранного языка, английского, который студенты воспринимают как «родной», т. к. изучают его уже много лет со 2-го класса школы, и во время всего курса обучения французский воспринимается как чужой, гораздо более трудный. Здесь на помощь приходят песни и интернет-ресурсы [8]. Преподаватель включает видеоролики песен по теме «Знакомство» на французском языке. Традиционно на 1-м занятии преподаватель предлагает песню «*Salut*» Джо Дассена, представляющей классический репертуар французского шансона, и более современную песню «ça va» Клаудио Капео. Происходит разбор лексики. Студентам, знакомым с языком, предлагается ознакомиться с материалом и повторять все слова, студентам же, вновь изучающим язык, предлагается освоить основную лексику по теме «Знакомство». Слушая музыку, подпевая, смотря на экран монитора, демонстрирующий не только певца, но и элементы иностранной культуры в выбранном видеоклипе, студенты оживляются и приступают к изучению

нового для них французского языка с воодушевлением, не замечая трудностей произношения. Аутентичные видеоматериалы представляют собой ценный аспект в работе над новым иностранным языком, они дают возможность отвлечься от учебной атмосферы в аудитории и наблюдать за языком в его практической реализации с учетом мимики, жестов, аспектов поведения носителей культуры французского языка [9, 10]. В результате студенты начинают говорить с 1-го же занятия и это заряжает их оптимизмом, что подтверждает эффективность данного приема повышения мотивации студентов к изучению 2-го иностранного языка.

Еще одним приемом мотивации студентов на 1-м занятии является ознакомление с французскими словами, имеющими сходства с английским языком (значение слов, орфография, произношение). Преподаватель пишет на доске французские слова: *chocolat*, *musique*, *géographie*, *photo*, *histoire* и др., обращает внимание на разницу в написании и произношении. Далее студенты повторяют эти слова за преподавателем на французском языке, но при этом понимают их значение самостоятельно, без помощи преподавателя, что придает им уверенность. Данный методический прием сопоставлений с использованием лингвистических знаний английского языка [11, с. 253] дает студентам осознание того, что французский язык не такой и сложный, можно находить сходства как в родном языке, так и в английском. Донести именно эту мотивирующую идею до обучающихся и является главной целью преподавателя на начальном этапе обучения.

«Заряд мотивации (оптимизма)», который, благодаря усилиям преподавателя, получают студенты на 1-м занятии, преподавателю приходится удерживать (назовем это ощущение «необходимым уровнем мотивации к изучению 2-го иностранного языка») в течение всего срока обучения, поскольку далее начинается рутинная работа над приобретением фонетических,

лексических, грамматических навыков нового иностранного языка, а это совсем непросто для обучаемых. Таким образом преподаватель постоянно удерживает баланс между мотивирующими приемами и учебной деятельностью. В этом случае студенты показывают гораздо более высокие результаты обучения.

В соответствии с заявленными целями и результатами, которые должны продемонстрировать студенты по окончании 1-го года обучения французскому (2-го курса программы), и находясь в сжатых временных рамках данной программы (2 часа практических занятий в неделю), преподавателю часто приходится подавать фонетический, лексический, грамматический материал с опережением и приучать студентов не бояться новых звуков, слов и грамматических форм без тщательного их разбора и анализа, строя работу на имитации. Занятия проходят максимально наполненными. Например, на 1-м уроке вводится и тщательно разбирается произношение, правила чтения гласного звука [а] и основных согласных звуков по 1-му уроку русскоязычного учебника авторов Попова И.Н., Казакова Ж.А., Ковальчук Г.М. [3]. Во время этого же урока на материале песен разбираются слова, содержащие не только 1-й изучаемый гласный звук, но и другие гласные звуки, в том числе и носовые, представляющие особую трудность. Студенты повторяют новые звуки, имитируя преподавателя. Прием использования французских песен и видеоклипов играет большую роль в освоении фонетики и облегчении работы с трудной, значительно отличающейся от английского языка артикуляцией, работой речевого аппарата. Также это мощный способ мотивации студентов, поскольку данная возрастная категория всегда увлечена современной музыкой, ее различными жанрами и стилями. Подобное увлечение молодежи современной музыкой удачно используется для обучения, при «подборе репертуара для пения»

всегда учитываются пожелания студентов. Обычно каждый новый месяц на занятии разбираются и поются 2 новые песни, чем больше времени проходит обучение, тем более детально и подробно разбирается лексический и грамматический материал песен. Такой подход дает возможность студентам использовать новую лексику и грамматические конструкции из песен в построении монологов и диалогов. Далее преподаватель просит студентов предлагать те песни, которые их интересуют, обычно бывает несколько вариантов и выбор происходит путем голосования в виде игры с проговариванием основных слов на французском. «Il y a 3 variantes de chansons. Allons voter. Qui vote pour la 1-ère chanson? Qui est pour la 2-ème? Qui aime plus la 3-ème variante?» – так поддерживается интерес и мотивация студентов. Таким образом, пение помогает освоить фонетику и правила чтения французского языка – основные результаты обучения, которые должны продемонстрировать студенты на зачете по окончании 3-го семестра. В течение 3-го семестра по учебнику авторов Попова И.Н., Казакова Ж.А., Ковальчук Г.М. [3] проходят 16 уроков, содержащие весь фонетический строй и правила чтения. На зачете студентам предлагается прочтение небольшого текста, с этим заданием они успешно справляются. Положительная динамика овладения чтением на 2-м иностранном языке отмечена авторами статьи на протяжении периода экспериментальной проверки разработанного методологического подхода с 2017 по 2023 г.

Среди грамматических трудностей первое, с чем сталкиваются студенты – это спряжение глаголов трех групп, т. к. в английском нет подобной категории. По окончании 3-го семестра студенты сдают зачет по спряжению изученных глаголов, включение такого задания в зачет является элементом внешней мотивации и стимулирует студентов к заучиванию глагольных форм. Также непривычна категория рода имен существительных, поскольку во

французском языке все существительные подразделяются на женский и мужской род – студентам приходится заучивать новые слова с запоминанием рода. Пение песен также способствует проговариванию спряжений и запоминанию спряжений новых глаголов, рода новых имен существительных.

Перейдем к описанию работы над диалогической и монологической речью. Эта часть работы в аудитории наиболее приятна как для преподавателя, так и для студентов. Во время изучения модуля № 1, «*Découverte de la langue française*» (Знакомство с французским языком), когда студентами осваиваются первые правила чтения и основы грамматики, обучение разговорной речи основано главным образом лишь на имитации речи преподавателя, повторении за ним разговорных фраз и выражений. На изучение данного модуля отводится 1,5-2 месяца в зависимости от интеллектуального уровня группы. Далее обучение говорению студентов проходит более эффективно по сравнению с начальными занятиями, поскольку изучение модуля № 2 «*Faire connaissance*» (Знакомство) позволяет слушателям продолжить овладевать фонетическими, лексическими и грамматическими навыками, начать строить монологические высказывания на французском языке, рассказывая о себе, своих вкусах и предпочтениях, составлять более сложные диалоги знакомства. Диалоги студенты всегда составляют и проигрывают с удовольствием. В сентябре обучающиеся составляют простейшие диалоги по первой ситуации знакомства «*Vous faites connaissance avec une personne. Présentez-vous, demandez le nom, le prénom*» (Познакомьтесь. Представьтесь, спросите имя и фамилию). После прослушивания аудиоматериалов французского учебника «*Alter Ego+*», использования грамматических конструкций и лексики учебников, современных песен, проигрывания небольших диалогов на занятиях, ответов на вопросы преподавателя

по изучаемой теме студенты отвечают усложненные, по сравнению с 1-м модулем, диалоги по теме «*Faire connaissance*». По предложенной ситуации «*Vous êtes au coctail international. Vous faites connaissance avec les personnes*» (Знакомство с гостями на международной вечеринке) необходимо не просто познакомиться, а использовать названия различных национальностей, иностранных языков, не забывая о категориях мужского и женского рода прилагательных. Опыт построения диалогов, владение коммуникативной компетенцией на английском языке в значительной степени являются опорой овладения студентами диалогической речью на французском языке. Преподаватель, также владеющий английским языком, всегда призывает на помощь знания студентов по английскому. Обучающиеся готовят и отвечают диалоги легко и непринужденно, что подтверждает эффективность использования коммуникативно-когнитивного подхода и разработанных мотивирующих методических способов и приемов.

В декабре, в конце 3-го семестра студенты выходят на финальную стадию обучения 2-му иностранному языку на начальном этапе и начинается работа над 1-м монологом, который им предстоит отвечать на зачете: «*Présentez-vous à vos amis français*» (Представьтесь своим французским друзьям). После проработки основных фраз и лексики, наполняющих монолог, студенты готовят в качестве домашнего задания свой монолог. Ответ же происходит на занятии в виде ролевой игры.

Использование ролевой игры как методического приема на занятиях по практике иностранного языка является инновационным подходом к развитию коммуникативных навыков в современной методике обучения иностранным языкам. Игровые технологии представляют собой эффективный способ мотивации студентов, а также стимулируют образовательный процесс. В процессе ролевой игры студенты имеют

возможность нарабатывать умения в устной и письменной речи на французском языке, навыки невербального общения, демонстрируя при этом свои актерские способности [12, с. 93–94].

Хотелось бы отметить важность невербального общения в межкультурной коммуникации, при которой возникает необходимость использования интонации, мимики, жестов, присущих другой культуре. В процессе ролевой игры студенты с удовольствием перенимают культуру общения Франции. Улыбка, дружелюбие, позитивный настрой, любезность – это та система невербальных знаков, которую необходимо усвоить, общаясь на французском языке [13, с. 207–208].

Все эти аспекты ролевой игры положительно влияют на мотивацию студентов.

Рассмотрим основные компоненты ролевой игры [14, с. 39–40]. Тема студентам известна – «Знакомство». Ролевая ситуация следующая: это ситуация знакомства в языковой школе Франции на 1-м занятии обучения французскому, где, согласно традиции обучения, в группу с определенным уровнем французского языка попадают студенты из разных стран.

Роли студентов [14, с. 41] вытекают из определения ролевой ситуации – каждый студент выбирает себе страну, из которой он приехал, чтобы изучать и повышать свой уровень французского: США, Англия, Канада, Бразилия, Испания, Италия и др. Но в момент рассказа монолога студент играет привычную для него роль русского студента, т. е. рассказывает о себе: «*Bonjour à tous! Permettez-moi de me présenter. Je m'appelle Ivan. Je suis étudiant de l'Université Lobatchevsky. J'ai 19 ans. Je fais mes études à l'Institut de l'économie. Aussi j'étudie les langues étrangères: l'anglais et le français. Je m'intéresse à la littérature russe et étrangère. J'ai beaucoup d'amis, on aime passer ensemble le temps libre. Si vous avez des questions, je suis prêt à les répondre*». Объем монолога составляет от 15 до 20 предложений, в зависимости

от уровня студента. После рассказа все остальные студенты, играющие роли иностранных студентов разных стран, с мест представляются и задают вопросы русскому студенту, обучающемуся в этой же группе.

Задание (установка) у каждого студента, которое они готовят как домашнее задание и предварительно проговаривают на уроке с преподавателем, – подготовить монолог русского студента о себе, а также подготовить другую роль – роль иностранного студента, где необходимо представиться и подготовить вопросы, при этом стараясь завязать разговор с русским студентом, а не формально задать вопрос и получить ответ. Соответственно студенту, играющему роль русского студента, нужно стремиться не только ответить свой подготовленный монолог, но и реагировать на вопросы, отвечать наиболее полно: так тренируется неподготовленная речь. Также во время ролевой игры студенты могут тренировать не только утвердительные предложения, но и вопросительные.

Приведем пример разговора отличных студентов, обладающих внутренней мотивацией при изучении французского языка, после рассказа монолога «русского студента»: «Bonjour, je m'appelle Clara. Je viens d'Italie. Je suis étudiante de l'université à Rome. J'étudie la psychologie. Je m'intéresse à la littérature russe. Ivan (обращаясь к русскому студенту), ça va?» – Иван отвечает: «Ça va, merci et toi?» Clara: «ça va bien, merci. Ravie de faire ta connaissance. Je voudrais te poser une question». – Иван: «Pas de problème». – Clara: «Quel est ton écrivain préféré dans ton pays?» – Иван: «Merci pour ta question, Clara. Je la réponds avec plaisir. J'adore la littérature russe et je lis les livres de Dostoevsky souvent car il touche des problèmes psychologiques». – Clara: «Oh, merci pour ton conseil». Иван: «Clara, tu sais, on peut aller au café après notre cours de français pour y continuer notre conversation sur Dostoevski, et la littérature russe en générale». Clara: «Okey, Ivan. C'est

entendu. C'est très gentil de ton côté de m'inviter». Таких разговоров может быть несколько у одного «русского» студента. В сильных группах такая ролевая игра может растянуться на несколько занятий. К разговорам могут подключаться и давать свои ремарки и комментарии другие студенты, им нравиться такой неформальный стиль занятия, и обычно большинство охотно включается в игру. Также на подобных занятиях развивается навык аудирования.

Условием ролевой игры, которое оговаривается заранее, является использование только французского языка, поскольку студенты разных стран говорят на разных языках и могут понять друг друга только на французском. В случае необходимости во время ролевой игры студенты всегда могут обратиться к преподавателю за подсказкой, если не знают какое-то слово или их нужно направить в используемой грамматической конструкции.

Таким образом, ответы самого сложного устного задания, которое необходимо отвечать на зачете по окончании 3-го семестра и далее на экзамене в летнюю сессию, проходят в игровой форме, интересно и весело благодаря ролевой игре. И главная установка преподавателя – интерес и мотивация – поддерживаются на хорошем уровне, что подтверждает мотивирующий аспект использования педагогической технологии ролевой игры на учебных занятиях по 2-му иностранному языку на переводческой программе. А главная цель обучения – формирование лингвистической и коммуникативной компетенций обучаемых на французском языке проходит более продуктивно, что показывают результаты устных ответов и письменных тестов студентов на зачете в ходе периода экспериментальной проверки разработанной методики с 2017 по 2023 год.

Обсуждение и заключение.

В заключение можно сделать вывод о том, что обучение французскому на базе родного языка и 1-го иностранного языка, английского, в рамках коммуникативно-

когнитивного подхода, с учетом лингвистического опыта студентов при обучении английскому, их возрастных и индивидуальных характеристик, дает положительные результаты обучения 2-му иностранному языку, французскому, на начальном этапе после 3-го семестра обучения на переводческой программе. Все описанные в статье методические мотивирующие приемы и способы обучения студентов (пение песен и просмотр видеоклипов на французском языке, прием имитации речевых образцов и подача материала с опережением, прием сопоставления иностранных слов в английском и французском языках, педагогическая технология ролевой игры), сложившиеся в методику обучения, способствуют главной цели – формированию базовых лингвистической и коммуникативной компетенций на французском языке в условиях программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» в ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Основой создания внутренней мотивации студентов во время всего курса обучения французскому языку как 2-му иностранному на переводческой программе является опора на лингвистическую и коммуникативную компетенции английского языка студентов, постоянное обращение к грамматическому и лексическому материалу на английском языке, на предмет нахождения в нем параллелей и сходств. Подчеркнем, использование песенного материала, с учетом одного из главных интересов обучаемых данной возрастной категории, способствует тому, чтобы французский становился более «род-

ным» и привычным языком, а также уходил страх при обучении – что является главной проблемой на начальном этапе обучения французскому на переводческой программе. На занятиях необходимо поддерживать живой интерес к французскому языку и культуре для достижения заявленных в программе результатов обучения. Поэтому поиск путей мотивирования студентов на занятиях по 2-му иностранному языку в условиях обучения на переводческой программе всегда актуален для преподавателя и представляет интерес для дальнейших исследований.

Выдвинутая гипотеза о положительной динамике учебной мотивации обучаемых при использовании предлагаемой методики обучения 2-му иностранному языку, французскому, в условиях реализации переводческой программы в неязыковом вузе подтверждена во время экспериментального обучения в период с 2017 по 2023 г. в ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Получены успешные результаты обучения студентов – формирование лингвистической и коммуникативной компетенций на 2-м иностранном языке, французском.

Практическая значимость исследования в реальной жизни заключается в очевидности того факта, что выпускники, владеющие двумя иностранными языками, будут более конкурентоспособными на рынке труда и, как следствие, быстрее найдут более престижную, высокооплачиваемую работу по сравнению со специалистами, владеющими одним иностранным языком.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The authors declare no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Щепилова А.В. Коммуникативно-когнитивный подход к обучению французскому языку как второму иностранному. Теоретические основы: автореф. дис. ... на соиск уч. степ. д-ра пед. наук. М., 2003. 56 с.

2. Зимняя И.А. Педагогическая психология. М: Университетская книга; Логос, 2009. 384 с.
3. Попова И.Н., Казакова Ж.А., Ковалчук Г.М. Французский язык: учебник для I курса институтов и факультетов иностранных языков. М.: Нестор Академик, 2016. 576 с.
4. Alter ego + A1 / Berthet A. [и др.]. Paris: Hachette, 2012. 224 p.
5. Abry D, Chalaron M-L. La grammaire des premier temps. Grenoble.: Presses universitaires de Grenoble. 2014. 288 p.
6. Alter ego + A1. Cahier d'activité / Berthet A. [и др.]. Paris: Hachette, 2006. 128 p.
7. Hugot C., Waendendries M. Projets. Alter ego + A1. Paris: Hachette, 2013. 57 p.
8. Христолюбова А.А., Рукомина А.С., Белорукова М.В. Подготовка студентов дополнительной образовательной программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» // Проблемы современного педагогического образования. 2022. Т. 3, № 74. С. 276-279.
9. Белорукова М.В., Золотова М.В. Использование видеоматериалов TED Talks при обучении устному последовательному переводу в неязыковом вузе. // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2020. Вып. 3 (46). С. 44-50.
10. Anderson C. TED Talks: the official TED guide to public speaking. Tips and tricks for giving unforgettable speeches and presentations. Hachette UK, 2016. 208 p.
11. Леонтьева Л.Л. Формирование мотивации обучающихся к изучению французского как второго языка через использование коммуникативно-когнитивного подхода // Мигалкинские чтения (в рамках Северного форума по устойчивому развитию (Якутск, 1 дек. 2022 г.); Язык и культурное наследие в контексте современных исследований (памяти В.П. Артамонова) (Якутск, 30 марта 2022 г.): сборник материалов научно-практических конференций, посвященных 30-летию становления внешних связей Республики Саха (Якутия). Якутск: СВФУ, 2023. С. 250-256.
12. Власова К.А. Использование ролевой игры на занятиях по практическому курсу английского языка // Вариативность и стандартизация языкового образования в неязыковом вузе: сборник статей по материалам VII Международной научно-практической конференции (23_24 апреля 2024 г.) / науч. ред. М.В. Золотова. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2024. С. 93-96.
13. Набилкина Л.Н. Роль неверbalной коммуникации в построении диалога культур // Вариативность и стандартизация языкового образования в неязыковом вузе: сборник статей по материалам V Международной научно-практической конференции, (19_20 апр. 2022 г.) / под ред. М.В. Золотовой. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2022. С. 205-208.
14. Ариян М.А. Педагогические технологии обучения иностранным языкам в школе: учебное пособие. М: Флинта, 2016. 112 с.

REFERENCES

1. Shchepilova A.V. Communicative-cognitive approach to teaching French as a second foreign language. Theoretical foundations: abstract of dis. for the degree of DR Sci. (Pedag.). Moscow, 2003. 56 p. [In Russ.]
2. Zimnyaya I.A. Pedagogical Psychology. Moscow: University Book; Logos, 2009. 384 p. [In Russ.]
3. Popova I.N., Kazakova Zh.A., Kovalchuk G.M. French: a textbook for the 1st year of institutes and faculties of foreign languages. Moscow: Nestor Academician, 2016. 576 p. [In Russ.]
4. Alter ego + A1 / Berthet A. [et al.]. Paris: Hachette, 2012. 224 p.
5. Abry D, Chalaron M-L. The primer on temps. Grenoble: Grenoble University Press. 2014. 288 p.
6. Alter ego + A1. Activity guide / Berthet A. [et al.]. Paris: Hachette, 2006. 128 p.
7. Hugot C., Waendendries M. Projects. Alter ego + A1. Paris: Hachette, 2013. 57 p.

8. Khristolyubova A.A., Rukomina A.S., Belorukova M.V. Training of students of the additional educational program «Translator in the field of professional communication»// Problems of modern pedagogical education. 2022. Vol. 3, No. 74. P. 276-279.
9. Belorukova M.V., Zolotova M.V. Using TED Talks video materials in teaching consecutive interpretation at a non-linguistic university. // Bulletin of Maikop State Technological University. 2020. Issue. 3 (46). P. 44-50. [In Russ.]
10. Anderson C. TED Talks: the official TED guide to public speaking. Tips and tricks for giving unforgettable speeches and presentations. Hachette UK, 2016. 208 p.
11. Leontyeva L.L. Formation of students' motivation to study French as a second language through the use of a communicative-cognitive approach // Migalkin readings (within the framework of the Northern Forum on Sustainable Development (Yakutsk, December 1, 2022); Language and cultural heritage in the context of modern research (in memory of V.P. Artamonov) (Yakutsk, March 30, 2022): collection of materials from scientific and practical conferences dedicated to the 30th anniversary of the formation of external relations of the Republic of Sakha (Yakutia). Yakutsk: NEFU, 2023. P. 250-256. [In Russ.]
12. Vlasova K.A. Use of role games in the classroom on a practical course of the English language // Variability and standardization of language education in a non-linguistic university: collection of articles based on the materials of the VII International scientific and practical conference (April 23–24, 2024) / ed. by M.V. Zolotova. N. Novgorod: Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2024. P. 93-96. [In Russ.]
13. Nabilkina L.N. The role of non-verbal communication in building a dialogue of cultures // Variability and standardization of language education in a non-linguistic university: a collection of articles based on the materials of the V International scientific and practical conference, (April 19–20, 2022) / edited by M.V. Zolotov. N. Novgorod: Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2022. P. 205-208. [In Russ.]
14. Ariyan M.A. Pedagogical technologies for teaching foreign languages at school: a teaching aid. M: Flinta, 2016. 112 p. [In Russ.]

Информация об авторах / Information about the authors

Алина Александровна Христолюбова, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английского языка для гуманитарных специальностей. Институт филологии и журналистики Нижегородского национального исследовательского университета им. Н.И. Лобачевского, 603022, Российская Федерация, Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37, e-mail: alinakhristolyubova@yandex.ru

Марина Вианоровна Золотова, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка для гуманитарных специальностей. Институт филологии и журналистики Нижегородского национального исследовательского университета им. Н.И. Лобачевского, 603022, Российская Федерация, Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37, e-mail: mviazolotova@gmail.com

Наталья Вячеславовна Ваганова, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для гуманитарных специальностей. Институт филологии и журналистики Нижегородского национального исследовательского университета им. Н.И. Лобачевского, 603022, Российская Федерация, Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37, e-mail: nataljavaganova@yandex.ru

Alina A. Khristolyubova, Ph D (Pedagogics), Associate professor, the Department of English for Humanities, Institute of Philology and Journalism, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, e-mail alinakhristolyubova@yandex.ru

Marina V. Zolotova, PhD (Philology), Associate professor, Head of the Department of English for Humanities, Institute of Philology and Journalism, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, e-mail mviazolotova@gmail.com

Natalia V. Vaganova, PhD (Philology), Associate professor, the Department of English for Humanities, Institute of Philology and Journalism, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, e-mail nataljavaganova@yandex.ru

Вклад соавторов в выполненную работу:

Автор Христолюбова Алина Александровна – замысел и дизайн исследования, сбор данных, анализ и интерпретация данных, подготовка статьи, окончательное одобрение варианта статьи для опубликования.

Соавтор Золотова Марина Вианоровна – существенный вклад в замысел и дизайн исследования, окончательное одобрение варианта статьи для опубликования.

Соавтор Ваганова Наталья Вячеславовна, критический пересмотр статьи в части значимого интеллектуального содержания, окончательное одобрение варианта статьи для опубликования.

Contribution of co-authors to the research:

The author Khristolyubova Alina Aleksandrovna – concept and design of the research, data collection, data analysis and interpretation, article preparation, final approval of the article version for publication.

The co-author Zolotova Marina Vianorovna – significant contribution to the concept and design of the research, final approval of the article version for publication.

The co-author Vaganova Natalia Vyacheslavovna – critical revision of the article for significant intellectual content, final approval of the article version for publication.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 12.03.2025

Received 12.03.2025

Поступила после рецензирования 20.05.2025

Revised 20.05.2025

Принята к публикации 23.05.2025

Accepted 23.05.2025

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-125-138>
УДК 351/354:004

Цифровизация в государственном и муниципальном управлении: анализ эффективности информационно-коммуникационных площадок органов власти в предоставлении услуг населению

М.С. Нахушева, С.А. Киржинова

*Майкопский государственный технологический университет,
г. Майкоп, Российская Федерация
 kirzhinova.svetlana@yandex.ru*

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются вопросы эффективности информационно-коммуникационных площадок (ИКП) органов власти в предоставлении услуг населению. Актуальность обосновывается тем, что ИКП становятся неотъемлемой частью управленческих процессов, позволяя не только упрощать доступ граждан к государственным и муниципальным услугам, но и обеспечивать прозрачность принятия решений, оперативность обратной связи и укрепление доверия к институтам власти.

Методами и материалами исследования были избраны структурно-функциональный анализ, контент-анализ – исследование интернет-сайтов органов власти различного уровня, а также метод сравнения при их сопоставлении по различным критериям.

Результаты исследования. В отличие от коммерческого сектора, где цифровая трансформация ориентирована преимущественно на экономический эффект, в государственном управлении на первый план выходят такие аспекты, как обеспечение равного доступа к услугам, повышение прозрачности власти, учета региональной специфики и дифференцированного подхода к различным группам населения.

Обсуждение и заключение. Для анализа эффективности ИКП были рассмотрены три уровня управления в Российской Федерации: федеральный, региональный и муниципальный. Такой подход позволил выявить общие черты и различия в реализации цифровых решений на разных уровнях власти. Анализ показал, что цифровые платформы федерального уровня превосходят региональные и муниципальные по функционалу, удобству

и актуальности, но уступают в ориентации на повседневные нужды граждан. Региональные платформы занимают промежуточное положение, сочетая информирование и базовые сервисы, тогда как муниципальные фокусируются на локальных задачах, но ограничены техническими и ресурсными возможностями.

Ключевые слова: государственное и муниципальное управление, цифровизация, информационно-коммуникационные площадки, сайт Правительства Российской Федерации, сайт Правительства Республики Адыгея, сайт органов власти Муниципального образования «Город Майкоп»

Для цитирования: Нахушева М.С., Киржинова С.А. Цифровизация в государственном и муниципальном управлении: анализ эффективности информационно-коммуникационных площадок органов власти в предоставлении услуг населению. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2025;17(2):125–138. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-125-138>

Digitalization in public service: effectiveness analysis of information and communication platforms of government bodies in providing services to the population

M.S. Nakhusheva, S.A. Kirzhinova

Maykop State Technological University, Maikop, the Russian Federation

 kirzhinova.svetlana@yandex.ru

Abstract. Introduction. The article considers the issues of the effectiveness of information and communication platforms (ICP) of government bodies in providing services to the population. The relevance is substantiated by the fact that ICPs are becoming an integral part of management processes, allowing not only to simplify citizens' access to state and municipal services, but also to ensure transparency of decision-making, prompt feedback and strengthening trust in government institutions.

The methods and materials used in the research are structural and functional analysis, content analysis – a study of Internet sites of government bodies at various levels, as well as a comparison method when comparing them according to various criteria.

The Research results. Unlike the commercial sector, where digital transformation is focused primarily on economic benefits, in public service such aspects as ensuring equal access to services, increasing government transparency, taking into account regional specifics and a differentiated approach to different groups of the population come to the fore.

Discussion and conclusion. To analyze the effectiveness of the ICP, three levels of government in the Russian Federation have been considered: federal, regional and municipal ones. This approach allowed us to identify common features and differences in the implementation of digital solutions at different levels of government. The analysis has shown that federal-level digital platforms are superior to regional and municipal ones in functionality, convenience and relevance, but are inferior in their focus on the daily needs of citizens. Regional platforms occupy an intermediate position, combining information and basic services, while municipal ones focus on local tasks, but are limited by technical and resource capabilities.

Keywords: public service, digitalization, information and communication platforms, website of the Government of the Russian Federation, website of the Government of the Republic of Adygea, Website of the authorities of the Municipality «City of Maikop»

For citation: Nakhusheva M.S., Kirzhinova S.A. Digitalization in public service: effectiveness analysis of information and communication platforms of government bodies in providing services to the population. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2025;17(2):125–138. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-125-138>

Введение. В современном мире, где цифровые технологии стремительно проникают во все сферы жизни, цифровизация государственного и муниципального управления приобретает особое значение как инструмент повышения эффективности взаимодействия органов власти с населением. Информационно-коммуникационные площадки (ИКП), такие как порталы госуслуг, сайты ведомств и мобильные приложения, становятся неотъемлемой частью управлеченческих процессов, позволяя не только упрощать доступ граждан к государственным и муниципальным услугам, но и обеспечивать прозрачность принятия решений, оперативность обратной связи и укрепление доверия к институтам власти. Согласно данным Росстата, в 2022 году более 80% жителей России активно использовали интернет для получения информации, обращения за услугами и решения повседневных задач, что свидетельствует о высокой востребованности цифровых решений в обществе. Вместе с тем процесс цифровизации сталкивается с рядом препятствий, которые необходимо учитывать для полноценной реализации ее потенциала. Среди них – неравномерный уровень доступа к интернету и цифровым технологиям в различных регионах страны, недостаточная адаптация существующих платформ к потребностям отдельных категорий населения, таких как пожилые люди или жители сельских территорий, а также различия в эффективности применения ИКП на общегосударственном и региональном уровнях управления.

Актуальность данной темы усиливается и тем, что цифровизация управления не только отражает глобальные тенденции перехода к информационному обществу, но и является стратегическим

направлением государственной политики в Российской Федерации. Национальные проекты, такие как «Цифровая экономика», подчеркивают важность развития цифровой инфраструктуры и повышения качества предоставления услуг населению через онлайн-платформы. Однако, несмотря на значительные достижения в этой области, остаются пробелы, требующие глубокого анализа: как эффективно использовать ИКП для решения реальных проблем граждан, какие барьеры мешают полноценному внедрению технологий и каковы различия в подходах к цифровизации между федеральным центром и регионами. Таким образом, изучение эффективности информационно-коммуникационных площадок в контексте предоставления услуг населению представляет собой задачу, имеющую как теоретическую ценность для понимания трансформации управлеченческих процессов, так и практическую значимость для совершенствования механизмов взаимодействия власти и общества в условиях цифровой эпохи.

Обзор литературы. Актуальность проблемы внедрения инновационных цифровых технологий в сферу управления обусловила повышенный научный интерес к данной теме многих авторов. В исследовании Д.Н. Богомолова анализируется нормативно-правовая база, регулирующая внедрение инновационных технологий в государственном и муниципальном управлении. Автор отмечает, что в России отсутствует единый федеральный закон об инновационной деятельности, что создает терминологические и нормативные проблемы, а также преобладание регионального регулирования над федеральным. Поэтому в качестве рекомендаций предлагается разработка федерального закона об инно-

вационной деятельности, где и создаётся унификация стандартов и терминологии [1].

В работе К.А. Мурадяна и Г.Н. Май-Бороды рассматриваются ключевые принципы внедрения цифровых технологий в систему государственного и муниципального управления. Авторы выделяют 12 основополагающих принципов, среди которых главную роль занимают: стратегическое планирование, интеграция существующих систем, прозрачность данных, кибербезопасность и гражданское участие. Особое внимание уделяется необходимости сочетания технических решений с социальными и этическими аспектами, включая обучение персонала, обеспечение равного доступа к технологиям и соблюдение принципов социальной ответственности. В качестве важного условия успешной цифровизации авторы отмечают необходимость сотрудничества с научными организациями и частным сектором [2].

Д.У. Далабаева, Т.Ю. Кяжкина, Н.С. Огурцова исследуют проблемы внедрения инновационных технологий в систему государственного и муниципального управления. Авторы анализируют современную парадигму административной реформы, базирующуюся на принципах «нового публичного управления», предполагающую переход от бюрократии к рыночным механизмам и управлению по результатам. В работе представлена новая классификация инновационных технологий, где особый акцент сделан на информационной прозрачности и обратной связи с населением. Исследователи отмечают, что их внедрение способствует повышению эффективности госуправления, однако подчеркивают отсутствие системных подходов к их реализации в российской практике [3].

В коллективной монографии Е.Н. Бабиной, Д.С. Богданова, Е.А. Величенко и др. анализируются современные тенденции цифровизации кадровых процессов

в государственном управлении. Авторы рассматривают применение искусственного интеллекта, облачных HR-систем и дистанционных форматов работы, показывая это на примере адаптации к условиям пандемии COVID-19. На примере портала «Госуслуги» демонстрируются результаты цифровой трансформации: к 2022 году зарегистрировано 93 млн пользователей при ежедневной аудитории 20 млн посещений. Исследователи отмечают, что внедрение онлайн-сервисов привело к сокращению сроков оказания услуг, уменьшению документооборота и повышению доступности госуслуг. В заключении подчеркивается необходимость дальнейшего развития цифровых компетенций госслужащих в рамках программы «Цифровая экономика» [4].

В исследовании А.А. Долговой и И.С. Грузиновой анализируется развитие инновационных технологий в системе государственного и муниципального управления Российской Федерации. Основное внимание уделяется оценке эффективности цифровых платформ, в частности портала государственных услуг и многофункциональных центров (МФЦ). В работе выделены наиболее востребованные электронные сервисы: запись на прием к врачу; проверка состояния пенсионного счета; регистрация транспортных средств; запись детей в дошкольные учреждения. Авторы отмечают, что российский портал госуслуг по уровню посещаемости занимает второе место в мире после британского аналога, что свидетельствует об успешности цифровой трансформации в данной сфере [5].

Авторами Т.Г. Гриненко и Е.А. Медеевой анализируется влияние инновационных управленческих технологий на оптимизацию структуры государственных и муниципальных органов. Они рассматривают современные подходы к реформированию системы управления, включая аутсорсинг административных процессов, государственно-частное парт-

нерство и делегирование полномочий. Исследование показывает, что использование инновационных технологий управления способствует повышению эффективности работы органов власти, хотя и требует тщательного правового регулирования [6].

В аналитической статье Е.Н. Бабиной, О.И. Шаталовой и О.А. Мухорьяновой (2022) рассматривается роль инновационных технологий в повышении качества государственного и муниципального управления. Авторы отмечают значительный прогресс в доступности государственных услуг, что подтверждается ростом пользователей электронных порталов, однако выделяют сохраняющиеся проблемы межведомственного взаимодействия и электронного документооборота. Исследование также выявляет основные проблемы цифровизации, среди которых киберпреступность и защита данных; несоответствие системы образования современным требованиям; дефицит квалифицированных кадров; цифровое неравенство между уровнями власти; низкая цифровая грамотность госслужащих [7].

В исследовании А.А. Синкиной рассматривается роль инновационных, информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в повышении эффективности государственного и муниципального управления (ГМУ) и качестве предоставления услуг населению. Автор акцентирует внимание на ключевых инициативах, таких как создание электронного правительства, системы «Электронный бюджет» и Единого портала бюджетной системы РФ. Работа А.А. Синкиной подтверждает важность ИКТ для повышения эффективности ГМУ, но также выявляет проблему неравномерного развития цифровых платформ в регионах [8].

В статье С.И. Петросяна (2015) исследуется влияние информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на трансформацию политического управления, особенно в контексте предоставле-

ния государственных и муниципальных услуг. Автор анализирует концепцию электронного правительства как инструмента повышения открытости и доступности государственных услуг, а также выявляет ключевые проблемы его внедрения в России. Работа С.И. Петросяна дополняет анализ цифровизации ГМУ, подчеркивая важность обратной связи между государством и обществом. Выявленные проблемы, такие как низкая эффективность межведомственного взаимодействия, коррелируют с данными других исследований, что подтверждает необходимость комплексного подхода к оценке ИКТ-платформ [9].

В работе Я.Я. Кайля, В.С. Епининой и Е.В. Зудиной (2020) анализируется трансформация российской системы публичного управления под влиянием цифровых технологий. Авторы оценивают эффективность внедрения инструментов электронного администрирования, таких как Единый портал госуслуг (ЕПГУ), Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА) и Система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) в контексте реализации Стратегии развития информационного общества на 2017–2030 гг. Я.Я. Кайль и соавторы отмечают, что, несмотря на рост числа пользователей ЕПГУ (свыше 50% населения к 2018 г.), ключевой проблемой остается неравномерное развитие цифровой инфраструктуры [10].

В исследовании А.А. Козловой и С.В. Гориновой анализируется влияние информационных и цифровых технологий на региональное управление, с акцентом на проблемы и перспективы их внедрения. Авторы выделяют макро и микро-инфосреду как ключевые элементы цифровой трансформации, а также подчеркивают необходимость комплексного подхода для повышения эффективности управления. Среди проблем внедрения ИКТ авторы выделяют: высокие финансовые затраты на реализацию цифровых проектов; отсут-

ствие единой системы использования информационных ресурсов; низкий уровень цифровой грамотности среди населения и госслужащих; технические и организационные барьеры, такие как устаревшая инфраструктура и недостаточная подготовка кадров [11].

В статье Г.В. Носковой (2022) исследуется роль информационных технологий как инновационного инструмента в государственном и муниципальном управлении. Автор анализирует стратегические документы, включая Стратегию развития информационного общества на 2017–2030 гг., и выделяет ключевые задачи цифровизации, направленные на повышение эффективности управления и качества услуг для населения. Стратегия 2017 – 2030 гг. определяет приоритеты: развитие человеческого потенциала, безопасность, цифровая экономика и повышение эффективности госуправления. Внедрение ИКТ рассматривается как способ трансформации взаимодействия государства и граждан, включая проекты в здравоохранении, образовании и финансовых услугах. Основными же задачами остаются: создание электронного правительства; упрощение административных процедур и снижение бюрократической нагрузки; повышение открытости органов власти через цифровые платформы; борьба с коррупцией за счет прозрачности процессов [12].

Авторы Н.Е. Продилюх и М.А. Болокова (2023) рассматривают роль инноваций в государственном и муниципальном управлении как ключевого фактора социально-экономического развития России. Авторы анализируют влияние цифровых технологий на взаимодействие между государством, бизнесом и гражданами, а также предлагают меры для повышения эффективности публичного управления. Также в исследовании подчеркиваются, что цифровые технологии упрощают административные процедуры, повышают прозрачность и снижают коррупционные риски за счет открытости данных; ограни-

чения дисcretionных полномочий чиновников; минимизации личных контактов при оказании услуг. На муниципальном уровне инновации улучшают доступ граждан к информации и участие в местном самоуправлении, а бизнес получает возможности для упрощенного взаимодействия с властями [13].

В статье компании БФТ проанализированы практические аспекты цифровизации государственного управления в России, основанные на 20-летнем опыте внедрения ИТ-решений в субъектах РФ. Авторы выделяют ключевые направления трансформации, включая внедрение технологий нового уклада (искусственный интеллект, блокчейн, машинное обучение), переход на отечественное ПО в рамках импортозамещения, применение Agile-методологий в проектном управлении, создание региональных проектных офисов для координации нацпроектов, полный переход на электронный документооборот (включая межбюджетные трансферты и госзакупки), а также централизацию обеспечивающих функций (бухучет, кадры) через специализированные центры. Реализация предложенной модели «цифрового региона» направлена на повышение прозрачности и скорости принятия решений, снижение административной нагрузки на учреждения и создание основы для управления на основе данных [14].

Материал и методы. Методами социологического исследования были избраны структурно-функциональный анализ, контент-анализ – исследование Интернет-сайтов органов власти различного уровня, а также метод сравнения при их сопоставлении по различным критериям. Основными материалами стали интернет-сайты правительственные организаций общегосударственного, регионального и местного уровней.

Результаты исследования. На основании изучения представленных научных материалов можно сформулировать понятие цифровизации в государственном и

муниципальном управлении. Современная цифровизация государственного и муниципального управления представляет собой качественно новый этап трансформации публичного администрирования, основанный на комплексном внедрении цифровых технологий во все сферы управленческой деятельности. В отличие от простой автоматизации процессов, цифровизация предполагает фундаментальное переосмысление принципов взаимодействия власти и общества через призму цифровых решений. В научном дискурсе сложилось понимание цифровизации как многоаспектного явления, сочетающего технологические, организационные и социальные компоненты. С технологической точки зрения цифровизация управления охватывает широкий спектр решений – от базовых информационных систем до сложных платформ на основе искусственного интеллекта и блокчейн-технологий. При этом ключевое значение приобретает не столько техническая составляющая, сколько ее интеграция в управленческие процессы. Как показывают исследования, эффективная цифровизация требует параллельной трансформации организационных структур и процедур, включая пересмотр регламентов, оптимизацию документооборота и создание новых цифровых институтов. Особую значимость приобретает социальное измерение цифровизации. В отличие от коммерческого сектора, где цифровая трансформация ориентирована преимущественно на экономический эффект, в государственном управлении на первый план выходят такие аспекты, как обеспечение равного доступа к услугам, повышение прозрачности власти, учета региональной специфики и дифференцированного подхода к различным группам населения.

При этом важно понимать, что цифровизация управления – это не технический, а в первую очередь управленческий вызов. Как отмечают эксперты, основные барьеры

на пути цифровой трансформации связаны не с технологиями, а с необходимостью изменения управленческой культуры, преодоления институциональной инерции и формирования новых компетенций у государственных служащих. Именно этот комплексный характер цифровизации делает ее одновременно мощным инструментом модернизации и сложной управленческой задачей, требующей сбалансированного подхода.

Рассмотрим *основные формы цифрового взаимодействия* органов власти и населения. Современная практика цифрового взаимодействия между органами власти и населением сформировала разнообразные форматы коммуникации, каждый из которых решает конкретные задачи в системе государственного управления. Эти формы можно классифицировать по нескольким ключевым критериям, отражающим их функциональное назначение и технологические особенности. Наиболее распространенной формой взаимодействия стали порталы государственных услуг, представляющие собой единые точки доступа к цифровым сервисам. Российский опыт портала «Госуслуги» демонстрирует эволюцию от простого каталога услуг к комплексной платформе, объединяющей более 300 сервисов федерального и регионального уровней. Особенностью таких порталов является их двойственная природа: с одной стороны, они обеспечивают техническую возможность получения услуг, с другой – формируют новый стандарт взаимодействия гражданина и государства. Значительную роль в системе цифровых коммуникаций играют официальные сайты органов власти. При этом наблюдается существенная дифференциация качества и функциональности таких ресурсов между федеральным, региональным и муниципальным уровнями. Отдельного внимания заслуживает развитие мобильных приложений как канала взаимодействия. Их преимущество заключается в воз-

можности предоставления персонализированных сервисов и push-уведомлений. Однако, как показывают исследования, внедрение мобильных решений часто сталкивается с проблемами цифрового неравенства.

Особую категорию составляют платформы общественного участия и краудсорсинга, такие как «Российская общественная инициатива» или региональные платформы электронных петиций. Эти инструменты формально расширяют возможности гражданского участия, но их реальная эффективность зависит от степени влияния на принятие управленческих решений. Практика последних лет демонстрирует, что наиболее успешными становятся те платформы, которые обеспечивают не только сбор мнений, но и прозрачную обратную связь о результатах их рассмотрения.

Современным трендом стало развитие суперсервисов – комплексных цифровых решений для жизненных ситуаций. В отличие от традиционных электронных услуг, суперсервисы объединяют межведомственные данные и процедуры, позволяя гражданину решать проблему без необходимости взаимодействия с несколькими инстанциями. Примером может служить сервис «Рождение ребенка», автоматизирующий оформление 10 различных документов и выплат.

Социальные медиа заняли особое место в системе цифровых коммуникаций власти и общества. Их преимущество – в неформальном характере взаимодействия и возможности оперативного реагирования. Однако этот канал требует особых компетенций от государственных служащих и четких регламентов работы, чтобы избежать рисков дезинформации и манипуляций.

Важно отметить, что эффективность цифрового взаимодействия определяется не столько количеством каналов, сколько их интеграцией в единую экосистему. Передовые регионы России уже демон-

стрируют примеры такой интеграции, когда обращение гражданина через любой канал (портал, мобильное приложение или МФЦ) попадает в единую систему обработки и отслеживания. Такой подход позволяет преодолеть фрагментарность цифровых сервисов и создать по-настоящему удобную среду для взаимодействия граждан с государством.

Анализ структуры и функций информационно-коммуникационных площадок органов власти. Информационно-коммуникационные площадки (ИКП) органов власти играют первостепенную роль в обеспечении цифрового взаимодействия между государством и обществом. Их структура и функциональность определяют степень доступности услуг, прозрачности управленческих процессов и вовлеченности граждан в принятие решений. Для анализа эффективности ИКП рассмотрим три уровня управления в Российской Федерации: федеральный (сайт Правительства РФ), региональный (сайт Правительства Республики Адыгея) и муниципальный (сайт муниципального образования «Город Майкоп»). Такой подход позволит выявить общие черты и различия в реализации цифровых решений на разных уровнях власти.

Сайт Правительства Российской Федерации (government.ru). Сайт Правительства РФ – центральная ИКП федерального уровня, структурированная для доступа к деятельности исполнительной власти. Основные разделы: «Новости», «Документы», «Заседания и совещания», «Обращения граждан», «Открытые данные» и «Правительство в медиа». Главная страница выделяет ключевые события (новые законы, заявления премьер-министра и пр.), а навигация упрощена панелью меню и строкой поиска. Функционал сочетает информирование и коммуникацию. В разделе «Документы» доступны нормативные акты, постановления и проекты законов. Раздел «Заседания» публикует протоколы, стенограммы и

видео, повышая прозрачность деятельности правительства. «Обращения граждан» позволяет отправлять запросы через электронную форму. Мультимедиа включают фотоотчеты, видеоролики, инфографику. Адаптивный дизайн удобен для мобильных устройств, поиск поддерживает фильтры по дате и тематике. Англоязычная версия ориентирована на международную аудиторию, но сложная структура и терминология могут затруднить навигацию для пользователей с низкой цифровой грамотностью.

Сайт Правительства Республики Адыгея (adygheya.ru). Региональная ИКП адаптирована к задачам субъекта РФ и включает разделы: «Новости», «Органы власти», «Документы», «Услуги», «Обращения граждан», «Регион» и «Туризм». Главная страница освещает местные события – экономические инициативы, культурные мероприятия. Раздел «Документы» содержит региональные законы, постановления и отчеты. «Услуги» предлагает перечень сервисов – запись в школы, получение субсидий, регистрация недвижимости – с инструкциями и ссылками на «Госуслуги», но без прямого оформления. «Обращения граждан» поддерживает электронную форму, но без системы отслеживания. Разделы «Регион» и «Туризм» продвигают культуру и достопримечательности Адыгеи. Сайт адаптирован для мобильных устройств, хотя скорость загрузки снижается из-за графики.

Сайт муниципального образования «Город Майкоп» (maikop.ru). Муниципальная ИКП ориентирована на жителей и включает разделы: «Новости», «Администрация», «Документы», «Услуги», «Обращения» и «Город». На главной странице кратко освещаются локальные вопросы сегодняшнего дня – ремонт дорог, благоустройство, графики коммунальных служб. Раздел «Документы» публикует постановления, решения думы и отчеты в текстовом формате. «Услуги» описывает порядок получения разрешений или

подключения к сетям, но требует личного визита в администрацию или МФЦ. «Обращения» поддерживает электронную форму, но без проверки статуса. Раздел «Город» информирует об истории, инфраструктуре и транспорте. Мультимедиа минимален – фото новостей, редкие видео. Технически сайт уступает федеральному: дизайн устарел, мобильная адаптация ограничена, поиск медленный. Тем не менее он обеспечивает базовое информирование для жителей.

Сравнение способов взаимодействия власти и населения на цифровых платформах государственного и регионального уровней показало, что функционал, удобство использования, востребованность и доступность цифровых платформ, как мы уже поняли, различаются в зависимости от уровня управления и задач, которые они решают. Поэтому перейдем к сравнению представленных выше сайтов по содержательным критериям.

Способы взаимодействия власти и населения. На федеральном уровне (government.ru) взаимодействие с населением строится вокруг информирования о стратегических решениях и обеспечения прозрачности работы Правительства. Основной акцент делается на публикации нормативных актов, отчетов о заседаниях и мультимедийных материалов, таких как видео и фото с официальных мероприятий. Граждане могут направлять обращения через электронную форму, однако этот процесс носит формальный характер: отсутствует интеграция с порталом «Госуслуги» и возможность отслеживания статуса запроса. Платформа ориентирована на пассивное потребление информации, а не на активное участие граждан в управлении.

На региональном уровне (adygheya.ru) взаимодействие более разнообразно и включает как информирование, так и элементы сервисного подхода. Помимо новостей и нормативных документов, сайт предлагает перечень услуг с ин-

струкциями и ссылками на «Госуслуги», что делает его ближе к повседневным нуждам населения. Электронные обращения также доступны, но их обработка остается базовой, без прозрачного механизма обратной связи. Дополнительно используются ссылки на социальные сети, что усиливает неформальное общение с жителями региона.

На муниципальном уровне (maikop.ru) взаимодействие сосредоточено на решении локальных задач. Сайт предоставляет информацию о коммунальных услугах, благоустройстве и графике работы транспорта, что делает его практически ориентированным. Возможность подачи обращений присутствует, но функционал ограничен отсутствием отслеживания статуса. В отличие от федерального и регионального уровней, здесь меньше внимания уделяется мультимедиа и стратегическим вопросам, а больше – конкретным аспектам жизни города.

Сравнение ИКП по функционалу показало следующее. Сайт Правительства РФ обладает наиболее широким набором функций: публикация нормативных актов, стенограмм, отчетов, мультимедийного контента и раздел открытых данных. Однако сервисные возможности ограничены: услуги напрямую не предоставляются, а обращения требуют перехода на другие платформы, такие как «Госуслуги». Сайт Правительства Республики Адыгея сочетает информационные и сервисные функции: помимо документов и новостей, есть раздел услуг с инструкциями, хотя их оформление требует внешних ресурсов. Сайт МО «Город Майкоп» имеет минимальный функционал: основное внимание уделено информации, а сервисные возможности сводятся к описанию порядка получения услуг онлайн.

Нами были проанализированы также вопросы *удобства использования ИКП*. [Government.ru](http://government.ru) отличается современным адаптивным дизайном, оптимизированным для мобильных устройств, и эффек-

тивной поисковой системой с фильтрами по дате и тематике. Однако сложная структура и профессиональная терминология могут затруднять навигацию для пользователей без опыта. [Adygheya.ru](http://adygheya.ru) также адаптирован для мобильных устройств, но скорость загрузки снижена из-за обилия графики, а поиск менее функционален, что усложняет быстрый доступ к данным. [Maikop.ru](http://maikop.ru) уступает по удобству: устаревший дизайн, ограниченная мобильная адаптация и медленная поисковая система делают его менее комфортным для использования, особенно на смартфонах.

Востребованность населением является одним из показателей эффективности ИКП. Федеральный сайт (government.ru) востребован среди тех, кто интересуется государственной политикой, нормативными актами и деятельностью ведомств – это преимущественно профессиональная аудитория, журналисты и исследователи. Его посещаемость высока благодаря значимости публикуемой информации, хотя точные данные о трафике публично не раскрываются. Региональный сайт (adygheya.ru) привлекает жителей Адыгеи, нуждающихся в местных новостях и услугах, а также туристов благодаря разделу «Туризм». Его востребованность ниже федерального уровня, но выше муниципального за счет более широкого охвата тем. [Maikop.ru](http://maikop.ru) ориентирован на узкую аудиторию – жителей города, интересующихся локальными вопросами, что ограничивает его популярность и делает его менее посещаемым.

Доступность актуальной информации представляется еще одним критерием показателя эффективности ИКП. На government.ru информация обновляется регулярно: новости публикуются ежедневно, нормативные акты – по мере принятия, а мультимедийные материалы появляются после ключевых событий. Это обеспечивает высокую актуальность данных. [Adygheya.ru](http://adygheya.ru) также поддерживает

актуальность: новости выходят несколько раз в неделю, документы публикуются своевременно, но обновление разделов вроде «Услуги» происходит реже, что может снижать их полезность. Maikop.ru обновляется неравномерно: новости появляются с задержками, а информация о документах и услугах часто устаревает, что делает сайт менее надежным источником текущих данных.

Следует также выделить некоторые *дополнительные аспекты* деятельности ИКП разных уровней. С точки зрения интеграции с другими платформами government.ru предлагает ссылки на «Госуслуги» и сайты ведомств, но не обеспечивает единую авторизацию. Adygheya.ru частично интегрирован с «Госуслугами» через ссылки, но не использует их потенциал полностью. Maikop.ru практически не интегрирован с внешними сервисами, что ограничивает его возможности. По доступности для людей с ограниченными возможностями government.ru и adygheya.ru имеют версии для слабовидящих, тогда как maikop.ru такой функции не предоставляет, что снижает его инклюзивность.

Таким образом, цифровые платформы федерального уровня превосходят региональные и муниципальные по функционалу, удобству и актуальности, но уступают в ориентации на повседневные нужды граждан. Региональные платформы занимают промежуточное положение, сочетая информирование и базовые сервисы, тогда как муниципальные фокусируются на локальных задачах, но ограничены техническими и ресурсными возможностями.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование цифровизации государственного и муниципального управления в России позволило выявить как значительные успехи, так и системные проблемы внедрения информационно-коммуникационных площадок (ИКП). Анализ федерального, регионального и муниципального уровней показал, что

развитие цифровых платформ идет неравномерно: если на уровне Правительства РФ созданы технологически продвинутые решения с широким функционалом, то муниципальные сайты зачастую ограничиваются базовым информированием, не обеспечивая полноценного сервисного взаимодействия. Ключевым барьером остается разрыв между декларируемыми возможностями цифровизации и реальной практикой их применения – несмотря на рост числа пользователей портала «Госуслуги», многие граждане, особенно в сельских территориях и среди старшего поколения, сталкиваются с трудностями доступа или недоверием к электронным сервисам.

При этом исследование подтвердило, что цифровые технологии уже трансформируют управленические процессы, сокращая бюрократическую нагрузку и повышая прозрачность. Примеры успешных кейсов, таких как суперсервисы или краудсорсинговые платформы, демонстрируют потенциал ИКП для решения повседневных задач населения. Однако для полноценной реализации этого потенциала требуется не только техническая модернизация, но и изменение управленической культуры – преодоление ведомственной разобщенности, внедрение гибких регламентов и обучение госслужащих. Важным направлением остается устранение регионального цифрового неравенства через стандартизацию платформ и адресную поддержку отстающих территорий.

Таким образом, цифровизация управления – это не просто внедрение технологий, а сложный процесс перестройки взаимодействия власти и общества. Его дальнейшее развитие должно основываться на балансе между инновациями и инклюзивностью, чтобы цифровые решения стали не дополнительным каналом, а естественной средой для предоставления услуг и участия граждан в принятии решений.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов
CONFLICT OF INTERESTS

The authors declare no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомолов Д.Н. Нормативно-правовая основа инновационных технологий в государственном и муниципальном управлении // Форум. Серия: Современное состояние и тенденции развития гуманитарных и экономических наук. 2024. № S1 (31). С. 98-101.
2. Мурадян К.А., Май-Борода Г.Н. Основные принципы внедрения инновационных технологий в сферу государственного и муниципального управления // Сборник научных статей XVIII Международной научной конференции. М., 2023. С. 152-154.
3. Дадабаева Д.У., Кяжкина Т.Ю., Огурцова Н.С. Проблемы внедрения инновационных управляемых технологий в системе государственного и муниципального управления // Социально-гуманистические проблемы образования и профессиональной самореализации «Социальный инженер-2017»: материалы Всероссийской конференции молодых исследователей. М., 2017. С. 52-57.
4. Бабина Е.Н., Мухорьянова О.А., Шмыгалева П.В. Инновационные технологии в системе государственного и муниципального управления // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2022. № 4 (91). С. 7-13.
5. Долгова А.А., Грузинова И.С. Инновационные технологии в государственном и муниципальном управлении // International scientific and practical conference. 2020. С. 32-34.
6. Гриненко Т.Г., Меледеева Е. А. Влияние инновационных технологий управления на оптимизацию структуры государственных и муниципальных органов // Научные труды СЗИУ РАНХиГС. 2013. Т. 4, вып. 5 (12). С. 23-42.
7. Бабина Е.Н., Мухорьянова О.А., Шаталова О.И. Инновационные технологии как инструмент повышения качества государственного и муниципального управления // Вопросы современной науки: проблемы, тенденции и перспективы: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. Нефтекамск, 2022. С. 37-41.
8. Синкина А.А. Роль инновационных, информационных и коммуникационных технологий в обеспечении качества предоставления услуг и повышения эффективности государственного (муниципального) управления // Сибирская академия финансов и банковского дела. 2014. С. 153-165.
9. Петросян С.И. Политическое управление и информационные технологии в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг // Издательство Грамота: в 3 ч. Ч. II. № 3 (53). 2015. С. 140-144.
10. Кайль Я.Я., Епинина Е.В., Зудина Е.В. Развитие инструментов электронного публичного администрирования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. С. 25-28.
11. Козлова А.А, Горинова С.В. Исследование влияния информационных и цифровых технологий на региональное управление // Сборник научных трудов. 2020. Вып. 5. С. 33-37.
12. Носкова Г.В. Информационные технологии как инновации в государственном и муниципальном управлении // Инновационный потенциал развития науки в современном мире: достижения и инновации: материалы Международной научно-практической конференции. Уфа, 2022. С. 59-65.
13. Продиблох Н.Е., Болокова М.А. Инновации в государственном и муниципальном управлении как необходимое условие социально-экономического развития страны // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Т. 15, № 1. С. 141-148.
14. Зейтениди Н.Ю. Новый этап реформирования: цифровизация системы госуправления в России // Бюджет. 2018. № 9. С. 40-41.

REFERENCES

1. Bogomolov D.N. Regulatory framework for innovative technologies in public service // Forum. Series: Current state and development trends in humanitarian and economic sciences. 2024. No. S1 (31). P. 98-101. [In Russ.]
2. Muradyan K.A., Mai-Boroda G.N. Basic principles of introducing innovative technologies in the sphere of public and municipal administration // Collection of scientific articles of the XVIII International Scientific Conference. Moscow, 2023. P. 152-154. [In Russ.]
3. Dadabaeva D.U., Kyazhkina T.Yu., Ogurtsova N.S. Problems of introducing innovative management technologies in the system of public and municipal administration // Social and humanitarian problems of education and professional self-realization «Social Engineer-2017»: materials of the All-Russian conference of young researchers. M., 2017. P. 52-57. [In Russ.]
4. Babina E.N., Mukhoryanova O.A., Shmygaleva P.V. Innovative technologies in the system of public service // Bulletin of the North Caucasus Federal University. 2022. No. 4 (91). P. 7-13. [In Russ.]
5. Dolgova A.A., Gruzinova I.S. Innovative technologies in public service // International scientific and practical conference. 2020. P. 32-34. [In Russ.]
6. Grinenko T.G., Meledeeva E.A. The influence of innovative management technologies on the optimization of the structure of state and municipal bodies // Scientific works of the North-West Management University of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 2013. Vol. 4, issue. 5 (12). P. 23-42. [In Russ.]
7. Babina E.N., Mukhoryanova O.A., Shatalova O.I. Innovative technologies as a tool for improving the quality of public service // Issues of modern science: problems, trends and prospects: materials of the International (correspondence) scientific and practical conference. Neftekamsk, 2022. P. 37-41. [In Russ.]
8. Sinkina A.A. The role of innovative, information and communication technologies in ensuring the quality of services and improving the efficiency of public (municipal) service // Siberian Academy of Finance and Banking. 2014. P. 153-165. [In Russ.]
9. Petrosyan S.I. Political management and information technologies in the field of providing public and municipal services // Gramota Publishing House: in 3 parts. Part II. No. 3 (53). 2015. P. 140-144. [In Russ.]
10. Kail Ya.Ya., Epinina E.V., Zudina E.V. Development of electronic public administration tools // Public service. Scientific notes. 2020. P. 25-28. [In Russ.]
11. Kozlova A.A., Gorinova S.V. Study of the influence of information and digital technologies on regional administration // Collection of scientific papers. 2020. Issue. 5. Pp. 33-37. [In Russ.]
12. Noskova G.V. Information technologies as innovations in public service // Innovative potential for science development in the modern world: achievements and innovations: materials of the International scientific and practical conference. Ufa, 2022. P. 59-65. [In Russ.]
13. Prodiblokh N.E., Bolokova M.A. Innovations in public and municipal administration as a necessary condition for the socio-economic development of a state // Bulletin of Maikop State Technological University. 2023. Vol. 15, No. 1. P. 141-148. [In Russ.]
14. Zeitenidy N.Yu. New stage of reform: digitalization of the public administration system in Russia // Budget. 2018. No. 9. P. 40-41. [In Russ.]

Информация об авторах / Information about the authors

Марина Сафарбиевна Нахушева, кандидат философских наук, доцент кафедры конституционного строительства и государственного муниципального управления. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет», 385000, Российская Федерация, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 191, e-mail: nahusheva.marina@yandex.ru

Светлана Аслановна Киржинова, кандидат филологических наук, доцент кафедры конституционного строительства и государственного муниципального управления. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет», 385000, Российская Федерация, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 191, e-mail: kirzhinova.svetlana@yandex.ru

Marina S. Nakhusheva, PhD (Philosophy), Associate Professor, the Department of Constitutional Construction and Public Service. Maykop State Technological University, 385000, the Russian Federation, Maikop, 191 Pervomayskaya St., e-mail: nahusheva.marina@yandex.ru

Svetlana A. Kirzhinova, PhD (Philology), Associate Professor, the Department of Constitutional Construction and Public Service. Maykop State Technological University, 385000, the Russian Federation, Maikop, 191 Pervomayskaya St., e-mail: kirzhinova.svetlana@yandex.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 22.03.2025

Received 22.03.2025

Поступила после рецензирования 20.04.2025

Revised 20.04.2025

Принята к публикации 23.04.2025

Accepted 23.04.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-139-151>
УДК 378.091.212:001.8

Роль научно-исследовательской работы студенческой молодежи в образовательном процессе вуза

Л.В. Рожкова, А.Ш. Дубина , Е.Б. Тепляков

Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Российская Федерация
 misurin@bk.ru

Аннотация. Введение. Сегодня общественные трансформации задевают все аспекты жизни общества. Стремительные изменения в социуме, экономике, культуре, политике и других областях приводят к смене ценностных ориентиров. Технологический прогресс, активное применение искусственного интеллекта неизбежно приводят к пересмотру традиционных требований к профессии, что в свою очередь создает современные тренды в системе подготовки студентов в высших учебных заведениях. Таким образом, внедрение новых технологий и трансформации в обществе сменяют привычные компетенции, ожидая от работников навыков, соответствующих веяниям современного мира, тем самым создаются перспективы для развития общества.

Материалы и методы. В статье используются результаты социологических исследований отечественных ученых, а также авторами были проведены фокус-групповая дискуссия среди студентов Пензенского государственного университета и глубинное интервью с потенциальными работодателями Пензенской области.

Результаты исследования. В статье представлены основания необходимости внедрения научно-исследовательской работы в образовательный процесс студентов в университете. Особое внимание уделено изучению соответствия потребностей работодателей к компетенциям соискателей и ожиданиям выпускников о предъявляемых требованиях для успешного трудоустройства. Социологические исследования показали, что взгляды на необходимость внедрения научной и творческой работы у современной российской молодежи расходятся с мнением работодателей. Так как не все студенты поддерживают решение включить в обучение дополнительные занятия, связанные с научными исследованиями и творческой работой, поскольку не видят ее пользы для себя в настоящее время и в будущем. При этом работодатели выражают потребность в выпускниках с навыками в области научной и творческой деятельности.

Обсуждение и заключение. Авторы пришли к выводу, что от привлечения студентов к НИР следует ожидать положительного эффекта, но при условии их постоянного включения в течение всего периода обучения. В высшей школе следует создать благоприятные условия для научной деятельности учащихся: организовать работу научных групп по ин-

© Рожкова Л.В., Дубина А.Ш., Тепляков Е.Б., 2025

тересам, предоставить необходимое материально-техническое оснащение, предоставить научно-методический материал и стимулировать работу, поощряя морально и материально. Ключевые слова: молодежь, ценности, научно-исследовательская работа, молодой специалист, студенты, работодатели, потребности рынка труда.

Для цитирования: Рожкова Л.В., Дубина А.Ш., Тепляков Е.Б. Роль научно-исследовательской работы студенческой молодежи в образовательном процессе вуза. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2025;17(2):139–151. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-139-151>

The role of research work of students in the educational process of a university

L.V. Rozhkova, A.Sh. Dubina , E.B. Teplyakov

Penza State University, Penza, the Russian Federation

 misurin@bk.ru

Abstract. Introduction. Today social transformations affect all aspects of society. Rapid changes in society, economy, culture, politics and other areas lead to changes in value orientations. Technological progress and the active use of artificial intelligence inevitably lead to a revision of the traditional requirements for the profession, which in turn creates modern trends in the system of student training in higher education institutions. Thus, the introduction of new technologies and transformations in society replace the usual competencies, expecting employees to have skills that correspond to the trends of the modern world, thereby creating prospects for the development of society.

The Materials and Methods. The article uses the results of sociological research by Russian scientists, and the authors conducted a focus group discussion among students of Penza State University and in-depth interviews with potential employers of the Penza region.

The Results. The article presents the reasons for the need to introduce research work into the educational process of students at the university. Special attention is paid to the study of the correspondence of employers' needs to the competencies of applicants and the expectations of graduates about the requirements for successful employment. Sociological research has shown that the views of modern Russian youth on the need to introduce scientific and creative work differ from those of employers. Since not all students support the decision to include additional classes related to scientific research and creative work in their studies, since they do not see its benefits for themselves at the present time and in the future. At the same time, employers express the need for graduates with scientific and creative skills.

Discussion and Conclusion. It has been concluded that a positive effect should be expected from attracting students to research, but on condition that they are constantly included throughout the entire period of study. In higher education it is necessary to create favorable conditions for the scientific activity of students: to organize the work of scientific interest groups, to provide the necessary material and technical equipment, to provide scientific and methodological material and to stimulate work by encouraging morally and financially.

Keywords: youth, values, research work, young specialist, students, employers, labor market needs

For citation: Rozhkova L.V., Dubina A.Sh., Teplyakov E.B. The role of research work of students in the educational process of the University. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2025;17(2):139–151. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-139-151>

Введение. Структурные изменения в системе образования привели к формированию высших учебных заведений нового образца. Согласно требованиям утвержденных образовательных стандартов научно-педагогическому составу необходимо внести корректиды в организацию самостоятельной работы студентов, кроме того, усилить вовлеченность молодежи в научно-исследовательскую деятельность. Поскольку доступ к учебной информации у студентов, как правило, не ограничен, а современные информационные базы позволяют студентам быстрее находить научную информацию, то происходит усложнение учебного процесса из-за сложности и роста объема информации. Например, почти во всех вузах страны лекции преподавателей доступны для студентов на специальных образовательных платформах, студенты могут изучать информацию в удобное время. Помимо этого, вузы открывают доступ для своих слушателей к справочно-правовым системам и электронным библиотекам [3]. Для студентов, не имеющих личный доступ вне образовательной организации, также доступны компьютеры с выходом во всемирную сеть на территории вуза [2, с. 98].

Ввиду расширения информационных и учебных возможностей образовательные организации внедряют в работу современные методические механизмы обучения [12, с. 5]. У студента, отдающего больше времени на самостоятельную подготовку, формируется повышенная ответственность, претерпевает изменение система контроля знаний. Уделяется особое внимание организации научно-исследовательской деятельности студентов.

Занятие научной деятельностью позволяет студентам расширять свои знания, раскрывать свой научный потенциал и пользоваться им в практической деятельности. При этом не столь важно, какую отрасль науки избрал студент, в процессе обучения индивид не только осваивает академическую науку, при этом он также прокачивает аналитические возможности мозга, отвечающие за критическое мышление и за способность самостоятельно выходить из сложных ситуаций.

Понятие науки можно рассматривать с разных сторон: форма духовной деятельности, творческая деятельность, социальный аспект науки, информационный аспект науки. Подходы к понятию науки приведены на рисунке 1.

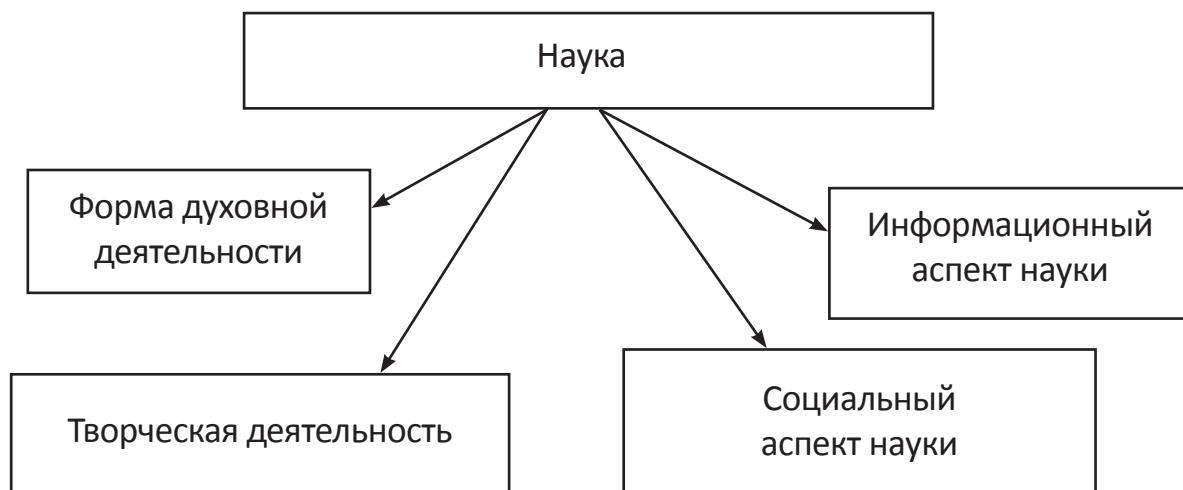

Рис 1. Подходы к понятию наука [составлено автором]
Fig. 1. Approaches to the concept of science [compiled by the author]

Базовой ролью науки для студенчества выступает, безусловно, накопление знаний, углубление в них. Благодаря методам научного познания, таким как исследование, опыты, эксперименты, апробация полученных данных, студенты получают колossalный опыт, расширяя свой кругозор и получая экспертные навыки, которые в дальнейшем помогут в освоении профессии.

Кроме полученных знаний и опыта в результате научной деятельности, студенты развиваются творческие способности. Порой сложные задачи возможно решить лишь применяя смекалку и находчивость. В таких ситуациях рождаются инновации, новые идеи и научные открытия.

Помимо прочего, занятие в научных кружках позволяет формировать полезные навыки командной, коллективной работы и улучшает коммуникативные компетенции и лидерские качества, без которых не строится ни один рабочий коллектив или проектная группа.

Определенно, любые успехи в научной деятельности мотивируют студента на достижение высоких результатов, повышают его самооценку, уверенность в своих силах и приводят к личному росту.

Опираясь на столь благотворный эффект от научной деятельности, в Пензенском государственном университете создали условия для занятия студентов наукой. Существуют различные студенческие научные кружки, студенческие научные общества, позволяющие обучающимся заняться научными исследованиями. На помощь студентам приходят преподаватели либо такие же студенты-исследователи. В университете проводятся научные семинары, конференции и мастер-классы. Студенты могут принимать участие в обсуждениях актуальных тем, слушать доклады экспертов и делиться своими научными открытиями и исследованиями через публикации в Вестнике ПГУ и других научных сборниках. Это возможность пройти важный этап на пути к профес-

сиональному росту, расширению знаний и обрести практический опыт научных исследований.

Сейчас большое внимание в университете уделяется студенческим научным объединением, или СНО, – это внутривузовские сообщества, которые помогают молодым ученым: организуют для них мероприятия и проекты, придумывают меры поддержки и повышают престиж профессии ученого.

СНО объединяет ребят из лабораторий и научных центров. Это первое окно входа в науку для студентов: там подскажут, как написать первую научную статью и провести исследование, помогут определиться с направлением научного пути.

Стать частью СНО может любой студент. В тех вузах, где есть большой конкурс на вступление в СНО, проводят собеседования, устраивают конкурсные испытания. Это самоуправляемая организация, поэтому с новыми членами научного сообщества проводят собеседование уже более опытные участники СНО. Чтобы студенческие научные объединения развивались, раз в год проходит Школа СНО.

Впервые Школу провели в 2021 году на базе Университета науки и технологий МИСИС. Тогда организаторы создали телеграм-канал для общения участников Школы. Его продолжают вести, чтобы рассказывать членам СНО о конкурсах и мерах поддержки, дать им возможность постоянно общаться, планировать междисциплинарные проекты, договариваться о совместных исследованиях. Через канал можно оставить заявку на участие в мероприятиях или в социальных исследованиях, которые иногда проводятся на базе Школы. Сейчас большинство высших учебных заведений подхватили и используют данную практику. Часть объединений, которые участвуют в проектах СНО, выигрывают гранты Минобрнауки. Механизм устроен так: когда объединение выигрывает грант, то получает его вуз, так как СНО не является юридическим лицом,

способным получать финансирование. Но расходование средств гранта осуществляется университетом под цели СНО.

Например, МГУ на средства гранта провел Международную научную конференцию, Университет МИСИС организовал студенческий экологический фестиваль, РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина – Всероссийский конкурс «Лучшее студенческое научное общество нефтегазовой отрасли». Вторая Школа СНО проводилась в рамках гранта, который получило СНО Университета МИСИС.

Последние несколько лет Минобрнауки России поддерживает такие студенческие объединения, а начиная с прошлого года, разыгрывает среди СНО по всей России 40 грантов в сумме на 100 миллионов рублей. Средства можно потратить на собственные научные мероприятия, временный переход в другой вуз и дополнительное образование.

Под научно-исследовательской работой студента принято понимать особый вид работы, связанной с обработкой теоретического и практического материала, контролируемой научным советником, в результате которой формируется новое научное знание или продукт, позволяющий развивать профессиональные и творческие способности будущего соискателя на должность [10].

Современные реалии формируют острую необходимость в специалистах, способных быстро адаптироваться к изменяющимся условиям, приспособливаться к стрессовым ситуациям. Кандидат на должность сегодня должен обладать умением объективно оценить ситуацию, грамотно обработать информацию и применить креативный подход к выходу из сложных процессов. Эти навыки как раз и присущи исследователю, умело применяющему полученные навыки, использующему свой интеллектуальный и творческий потенциал [9].

Основная задача по формированию исследовательских навыков у студенческой молодежи ложится на высшие учебные

заведения. Вузы привлекают молодежь в науку посредством привлечения к исследованиям и разработкам, доказывая высокую ценность полученных знаний и навыков, которые смогут повысить конкурентоспособность выпускников на рынке труда.

Процедура внедрения обучающихся вузов в науку описана в федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) и считается неотъемлемым компонентом высшего профессионального образования (ВПО) [5, с. 45].

Обзор литературы. Рассматриваемая проблема не является новой. Организации исследовательской деятельности студентов в вузе и ее методическому обеспечению посвящены работы отечественных и зарубежных ученых. Так, например, Е.Г. Бушканец, Н.Е. Варламова изучали вопрос с позиции формирования исследовательских умений у студентов. В.И. Гинецинский, И.А. Зимний, А.М. Новикова и др. рассматривали исследовательскую деятельность как средство развития личности. В.П. Кваша, А.И. Цесник и др. изучали проблему формирования исследовательских умений у молодежи. Г.А. Посадова, Д.М. Рухлядева, П.М. Якобсона и др. выявили, что определяющей стороной эффективности НИРС является ее организация и управление. Таким образом, успех формирования исследовательских навыков зависит от симбиоза науки и обучения.

Научно-исследовательская работа студентов (НИРС) – неотъемлемая часть образовательного процесса в вузах, направленная на развитие исследовательской культуры, критического мышления и творческого потенциала. По мнению Н.В. Дмитриевой, НИРС способствует интеграции образования, науки и практики, помогает студентам приобрести как профессиональные, так и межфункциональные компетенции.

Цель НИРС – научить студентов самостоятельно ставить исследовательские задачи, анализировать данные, форму-

лировать выводы, работать с научной литературой, представлять результаты исследования.

Согласно исследованиям Т.А. Марковой, формы СРС разнообразны: участие в студенческих научных конференциях, конкурсах, грантах, публикация научных статей, выполнение курсовых и выпускных квалификационных работ с исследовательской направленностью, работа в научных кружках и лабораториях.

Интерактивные методы, как отмечает С.Ю. Иванова, такие как проектная деятельность, кейс-метод, групповая исследовательская работа, делают НИРС более эффективной и увлекательной для студентов.

Научно-исследовательская работа студентов в вузе положительно влияет на профессиональное самоопределение, учебную мотивацию и карьерный рост выпускников. Так, согласно данным исследований С.А. Смирнова, студенты, активно участвующие в НИРС, быстрее адаптируются на рынке труда, проявляют инициативу и склонны к инновациям.

Кроме того, как отмечает Е.В. Морозова, участие в НИРС способствует развитию «soft skills». К сожалению, при этом, по мнению Л. И. Петрова, несмотря на признанную важность НИР, многие студенты не вовлечены в нее. Причины – отсутствие мотивации, нехватка времени, слабая методическая поддержка, ограниченный доступ к ресурсам и научным руководителям.

М.Г. Кузьмина подчеркивает важную роль профессорско-преподавательского состава. Отмечается, что заинтересованность и профессионализм научных руководителей напрямую влияют на качество и эффективность студенческих исследований.

С появлением цифровых технологий НИРС становится все более доступной. Онлайн-конференции, электронные базы данных и платформы для совместной работы (например, Miro, Notion) упрощают организацию исследований. Особое вни-

мание уделяется междисциплинарным и практико-ориентированным проектам.

В долгосрочной перспективе, по мнению А.А. Беляева, необходимо создавать университетские экосистемы, в которых НИРС будет интегрировано с образовательным процессом и реальными потребностями бизнеса, науки и общества навыков», включая коммуникацию, работу в команде и тайм-менеджмент.

Многие исследователи подчеркивают, что НИРС выполняет двойную функцию: образовательную и исследовательскую. По мнению В.И. Загвязинского, вовлечение студентов в научную работу развивает системное мышление, способность решать нестандартные задачи, способствует профессиональной самореализации.

В.П. Беспалько отмечает, что научно-исследовательская деятельность студентов способствует интеграции теоретических знаний и практических навыков, укрепляя компетентностный подход в образовании.

П.И. Третьяков подчеркивает важность активных методов вовлечения студентов в НИРС, в том числе проектной и проблемно-ориентированной деятельности. Интеграция с реальными деловыми и научными задачами повышает мотивацию студентов.

Ключевая роль в организации НИРС принадлежит преподавателю, который выступает в роли научного руководителя, наставника и организатора исследовательского процесса. В.Г. Коновалова подчеркивает необходимость создания научно-образовательной среды, в которой студенты чувствуют поддержку и имеют доступ к ресурсам и научному сообществу. Также важна институциональная поддержка: наличие исследовательских центров, лабораторий, грантовых программ, возможностей академической мобильности.

По мнению Л.Н. Фоминой, студенты, активно занимающиеся НИРС, с большей вероятностью поступят в аспирантуру и быстрее адаптируются к профессиональной среде.

Несмотря на положительное влияние НИРС, ряд проблем препятствует ее эффективной реализации. По мнению М.Ю. Фролова, к таким проблемам можно отнести нехватку средств на обучение в вузе. Кроме того, это отсутствие мотивации студентов, нехватка научных руководителей, перегруженность учебных планов и ограниченность ресурсов. Также отмечается несоответствие между требованиями к НИРС и реальными условиями ее проведения.

С развитием цифровых технологий наблюдается тенденция перехода НИРС в онлайн-среду. Как отмечает Н.Н. Новикова, использование платформ совместной работы, электронных библиотек и научных баз данных значительно расширяет возможности студентов по проведению исследований. Однако это порождает и новые вызовы – необходимость цифровой грамотности и умения работать с большими объемами информации.

Материалы и методы. С целью изучения отношения молодых россиян к внедрению НИРС авторами были проведены фокус-групповая дискуссия среди студентов Пензенского государственного университета и глубинное интервью с потенциальными работодателями (2025 г.; число участников в фокус-группе – 8 чел. 2025 г.; и глубинное интервью, число участников – 5 человек).

Результаты исследования. Данный запрос актуален, поскольку возникла проблема, связанная с недостаточностью научно-исследовательских студенческих работ и незначительной заинтересованностью участия их в научной деятельности. Дефицит вызван сокращением финансирования научной деятельности, устареванию материально-технической базы и другими факторами. Из-за этого наблюдается тенденция к сокращению НИРС в вузах. При этом потребность в специалистах с компетенциями, получаемыми в рамках научно-исследовательской работы, растет. Согласно профессиограмме к специалистам разных направлений в большей части выдвигаются

запросы по демонстрации умений формулирования и решения проблем, системного анализа, абстрагирования, формализации и др. Поэтому возникла потребность создания формы НИР в высшей школе на базе обучения креативному подходу к практическому применению приобретенных образовательных, научных и технических знаний и навыков [1].

Анализ данных показал, что взгляды на необходимость внедрения научной и творческой работы у современной российской молодежи расходятся с мнением работодателей. Так, часть респондентов скептически относится к включению в обучение научных исследований и творческой работы, а часть – позитивно оценивает работу в научных кружках. При этом работодатели выражают потребность в выпускниках с навыками в области научной и творческой деятельности.

Руководитель отдела кадров, Ж., муж., 40 лет

«...Если раньше от сотрудника требовалось лишь овладеть определенным набором навыков и можно было всю жизнь выполнять одну и туже операцию, то в новейшее время специалист должен постоянно повышать уровень своей квалификации, идти в ногу со временем, обучаться новым компетенциям, быстро внедряться в процесс и применять творческое и инновационное мышление при решении технических задач».

Руководитель предприятия, М., муж., 38 лет

«...Мы поощряем самостоятельность и инициативу наших сотрудников, способность трудиться во временных группах и высокую мотивацию к обучению. Работник должен быть адаптивным, гибким и готовым самообучению».

Студент, А., жен., 20 лет

«...наверное, работодатели нуждаются в исполнительных сотрудниках, которые добросовестно выполняют свои обязанности. Также важны как теоре-

тические, так и практические знания специфики работы».

Студент, П., муж., 19 лет

«...я считаю, что прежде всего работодатели оценивают знания соискателей, коммуникативные способности, возможность управления людьми и высокую дисциплину».

Так, отвечая на вопрос модератора о пользе занятий наукой в вузе для студентов и о возможных привилегиях, об их заинтересованности, чаще всего респонденты отзывались положительно, что подтверждают результаты фокус-группового исследования.

Студент, Н., жен., 20 лет

«Такая работа, накапливаясь, вырастает в материал для курсовых и дипломной работы. И будет замечательно, если она лежит в русле научных интересов руководителей ведущих кафедр твоего факультета. В дальнейшем это принесет и неплохие материальные дивиденды – экономика востребована и хорошо поощряется грантовыми вознаграждениями. Насчет времени, думаю, особо не стоит беспокоиться: опыт подобной работы приобретается довольно быстро, а с ним и умение управлять временем. Ну а практически, я думаю, что ни один из преподавателей, безусловно, не откажется побеседовать по текущей научной тематике исследований кафедр. Вот надо этим воспользоваться и выведать перспективы, подумать, почтить по этим темам. И выбрать то, что интересно и перспективно. А выбрав интересные темы, изучить научные публикации сотрудников кафедры по этой тематике».

Тем не менее, по мнению респондентов, все же успех трудоустройства и карьерного роста зависит не только от номинального занятия наукой «для галочки», но от личности и умений самого соискателя.

Студент, А., жен., 19 лет

«Поскольку я студентка медицинского института, то для меня полезность СНО зависит от того, кто им руководит. А руководит, как правило, профессор, ну, или доцент. Только сам он на заседаниях появляется крайне редко, фактически руководством, то бишь проведением заседаний, занимается аспирант или ординатор с кафедры. По идеи, заседание кружка состоит из осмотра интересных больных (как правило, по теме заседания или просто интересных), разбора их историй и чтения докладов. Еще некоторые кружки практикуют дежурства в отделении. Но это, в основном, хирургические. Фактически, заседание подавляющего большинства кружков сводится к пресловутому чтению докладов. Разумеется, порой тема бывает достаточно интересной. Кому-то нравится этим заниматься, кому-то – нет. Все зависит от цели. Хочешь идти «в науку» – тогда это твое. Кружковцы выступают на всяких конференциях и т. д. Отсюда и до диссертации рукой подать. Для приобретения же мануальных навыков незаменимым является кружок хирургический. Да и то далеко не всякий. На первом месте стоит кружок госпитальной хирургии. Но это серьезная организация, первокурсник, в принципе, может быть в нем слушателем. Вот только стоит ли? Неплохой кружок оперативной хирургии и топографической анатомии, если он еще есть, кружок факультетской хирургии.

Что касается планов на ординатуру, то там играет значение только средний балл диплома. Никакие заслуги в научно-исследовательской деятельности не гарантируют бесплатного места. Скажу больше, некоторые руководители ординатуры берут к себе только проверенных в работе студентов. Поэтому, если уже расположены к какой-то специальности, устройся в соответствующее отделение в качестве среднего медперсонала или просто приходи на дежурства. Доктора,

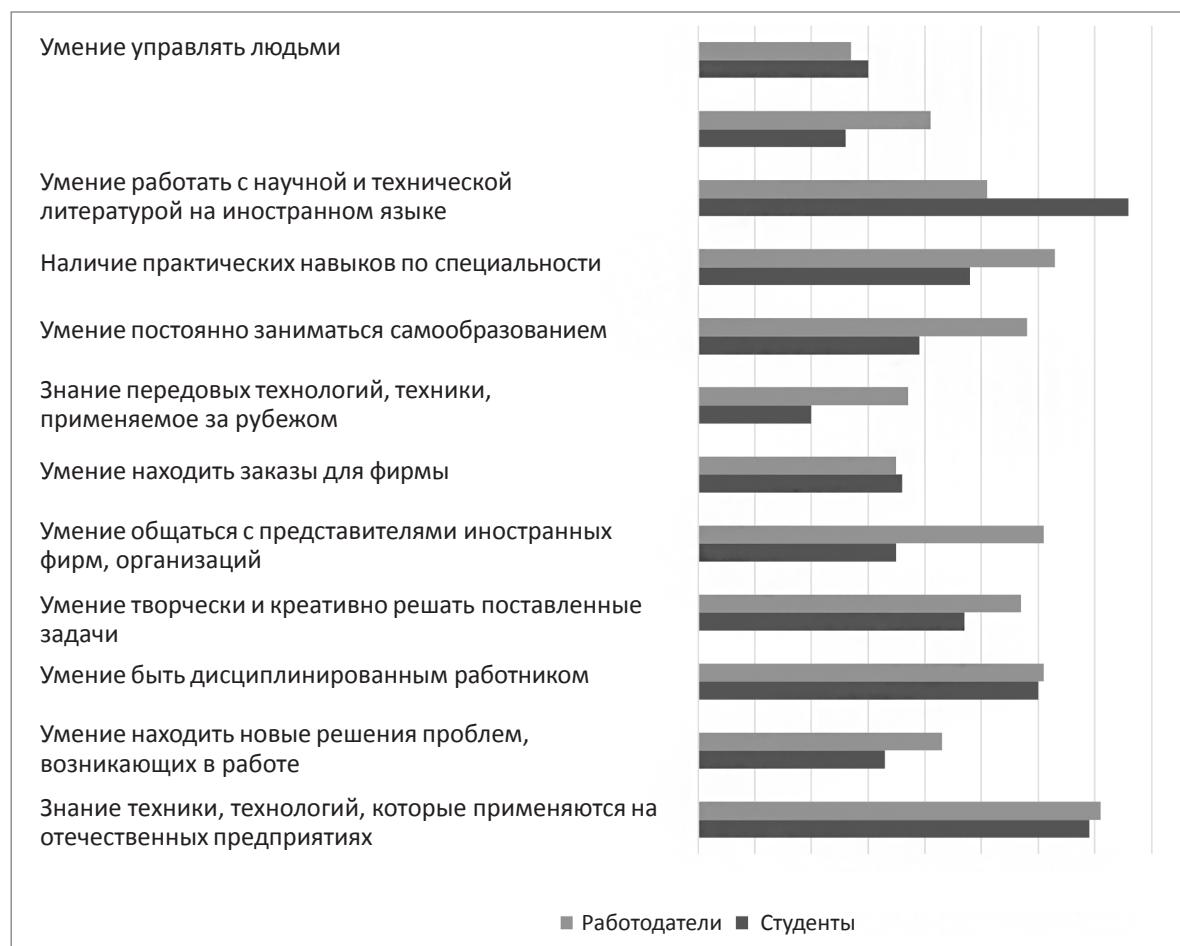
конечно, не будут прыгать от радости, но и не выгонят. А потом привыкнут».

При этом некоторые респонденты на основании своего опыта делились пользой участия в НИР университета.

Студент Е., муж., 23 года

«... кружки вещь необходимая довольно-таки. Особенно для медицинского института и технарь. Если хочешь стать хирургом, необходимо начинать с кружка по анатомии и оперативнее. Далее идет кружок по общей хирургии, тут можно дежурить и получить отличные навыки на практике, полученные на предыдущих кружках. Далее идет кружок факуль-

тетской хирургии, здесь уклон в сторону хирургических заболеваний. Ну а предел всему этому – кружки по госпитальной и детской хирургии (в зависимости от факультета). Тут уж придется постараться на славу! Зато такой опыт и драйв!!! Сам через это прошел. И это влияет на поступление в ординатуру! Имея хороший балл, печатные работы в сборниках и журналах, выступления на конференциях всероссийского уровня, поступить в ординатуру не проблема. Особенно хорошо, если ты засветился и тебя знает вся кафедра, да и из других кафедр тоже. Они сами будут протежировать тебя, я это говорю по собственному опыту.

**Рис 2. Мнение о содержании требований работодателей к выпускникам вузов
(в % к числу ответивших) [4]**

**Fig. 2. Opinion on the content of employers' requirements for university graduates
(in % of respondents) [4]**

Так, согласно вторичным социологическим исследованиям, проведенным на базе Уральского федерального университета, было доказано, что руководители чаще всего предъявляют к соискателям требования, характеризующие научно-исследовательские навыки (рисунок 2).

Согласно исследованиям, 81% представителей организаций, принимающих специалистов по экономическим, гуманитарным профессиям, считают, что у них должно быть сформировано умение быстро включаться в новую, непривычную работу, а также навыки творческого мышления для решения профессиональных задач [11, с. 20]. По результатам вторичных данных, наблюдается очевидное расхождение представлений студентов о необходимых профессиональных навыках с реальным запросом работодателей.

Обсуждения и заключения. Таким образом, выпускники вузов не считают необходимостью для успешного трудоустройства заниматься научной деятельностью и улучшать знания в области передовых технологий, постоянного самообразования, умения работать с научной и технической литературой и др. [15].

Поэтому возникает потребность корректировки образовательных технологий в высших учебных заведениях. По мнению экспертов, следует с первого года привлекать обучающихся к научно-исследовательской деятельности, анализировать реальное положение общественных процессов, изучать особенности работы организаций, с которыми они планируют связать свою профессиональную деятельность, а также планировать мероприятия по внедрению инноваций, способных улучшить показатели эффективности предприятия [4].

В свете последних нововведений в системе образования образовались учреждения нового образца. Необходимость введения новых стандартов ОПОП возникла перед преподавателями высшей школы,

которые требуют пересмотра части самостоятельной работы студентов с целью удаления большего времени на научно-исследовательскую работу. Несомненно, при этом занятость и нагрузка студентов будет увеличена, некоторые столкнутся с определенными сложностями из-за роста объема информации, усложнения обучения, необходимости использовать новые технологии, а также усиливается личная ответственность за исполнение научно-исследовательской работы каждого учащегося.

Авторы понимают под научно-исследовательской работой студентов участие обучающихся в научной деятельности вуза под руководством научного консультанта [7].

Анализ работ перечисленных авторов показывает, что ведущими принципами организации НИР как системы является обеспечение органического единства научного и учебного процессов и на этой основе повышение качества подготовки специалистов, усиление связи науки с производством, ускорение научно-технического прогресса.

В итоге, включив творческий и научный компонент в работу студентов в рамках НИРС, образовательная организация сможет улучшить не только качество подготовки будущих профессионалов, но и оптимизировать образовательные технологии в частности, и образовательный процесс в общем [8, с. 206].

Соответственно, от привлечения студентов к НИР следует ожидать положительного эффекта, но при условии их постоянного включения в течение всего периода обучения. В высшей школе необходимо создать благоприятные условия для научной деятельности учащихся: организовать работу научных групп по интересам, предоставить необходимое материально-техническое оснащение, представить научно-методический материал и стимулировать работу, поощряя морально и материально.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The authors declare no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Барановская Ю.Л., Богданова И.В. Научно-исследовательская работа студентов в рамках интеграции науки и образования и орган... [Электронный ресурс] // Обучение и воспитание: методики и практика. 2015. № 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-issledovatelskaya-rabota-studentov-v-ramkah-integratsii-nauki-i-obrazovaniya-i-organizatsiya-issledovatel'skoy-deyatel'nosti-v> (дата обращения: 07.02.2025).
2. Вакуленко О.В. Роль научно-исследовательской работы студентов вуза в подготовке будущих специалистов // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (26). С. 95-100.
3. Вохминцева Л.В., Шарапов В.И. Роль учебно-исследовательской работы студентов в современном образовательном процессе [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=3098> (дата обращения: 20.03.2025).
4. Горчакова А.Ю. К вопросу о значении научно-исследовательской деятельности в педагогическом вузе в подготовке будущих учителей [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 4. URL: <http://science-ducation.ru/ru/article/view?id=27775> (дата обращения: 01.02.2025).
5. Демченко З.А. Программно-проектное обеспечение процесса развития НИР студентов в условиях современного университета: сборник образовательных программ. Архангельск: САФУ имени М.В. Ломоносова, 2011. 79 с.
6. Демченко З.А. Современный подход к понятию «научно-исследовательская деятельность студентов в образовательном процессе вуза»: аксиологический аспект // Научный диалог. Психология. Педагогика. 2014. № 11 (35). С. 41-55.
7. Дубина А.Ш. Образовательный потенциал российской молодежи регионов в пространстве современной культуры // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 окт. 2020 г.) / отв. ред. В.А. Мансуров. Тюмень: Российское общество социологов, 2020.
8. Лушникова О.Ю. Модель активизации учебно-познавательной деятельности студентов колледжа в процессе общеобразовательной подготовки // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 12. С. 205-211.
9. Мещерякова Е.В., Манжинский С.А. Роль научно-исследовательской работы студентов в повышении качества образования [Электронный ресурс] // Высшее техническое образование. 2011. № 8 (146). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-nauchno-issledovatelskoy-raboty-studentov-v-povyshenii-kachestva-obrazovaniya> (дата обращения: 17.03.2025).
10. Новиков А.М. Педагогика: словарь системы основных понятий. 2-е изд., стереотип. М.: Эгвес, 2013. 268 с.
11. Рожкова Л.В., Дубина А.Ш. Образовательный потенциал современной молодежи мегаполисов России // Человек. Общество. Инклюзия. 2020. № 1 (41). С. 18-26.
12. Ханов Т.А., Баширов А.В. Научно-исследовательская работа студентов в вузе: причины снижения активности [Электронный ресурс] // Современные научноемкие технологии. 2021. № 6-1. С. 209-214. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=38724> (дата обращения: 15.03.2025).
13. Цыганкова А.С. Развитие идеи научно-исследовательской работы студентов в отечественной дидактике высшей школы (70–80-е гг. XX в.): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Хабаровск, 2007. 22 с.

14. Чертихин В.Е. Человек и культура // Философия: основные идеи и принципы: популярный очерк / под общ. ред. А.И. Ракитова. 2-е изд., переработ. и доп. М.: Политиздат, 1990. 378 с.
15. Doll W.E. Post-modem perspective on curriculum. New York; London: Techer College Press; Columbia University, 1993. 215 p.

REFERENCES

1. Baranovskaya Yu.L., Bogdanova I.V. Research work of students in the framework of integration of science and education [Electronic resource] // Training and education: methods and practice. 2015. No. 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-issledovatel'skaya-rabota-studentov-v-ramkah-integratsii-nauki-i-obrazovaniya-i-organizatsiya-issledovatel'skoy-deyatel'nosti-v> (date of access: 07.02.2025). [In Russ.]
2. Vakulenko O.V. The role of research work of university students in the training of future specialists // Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University. 2015. No. 2 (26). P. 95-100. [In Russ.]
3. Vokhminseva L.V., Sharapov V.I. The Role of Students' Research Work in the Modern Educational Process [Electronic resource] // Modern Problems of Science and Education. 2017. No. 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=3098> (date of access: 20.03.2025). [In Russ.]
4. Gorchakova A.Yu. On the Importance of Research Activities in a Pedagogical University in the Training of Future Teachers [Electronic resource] // Modern Problems of Science and Education. 2018. No. 4. URL: <http://science-ducation.ru/ru/article/view?id=27775> (date of access: 01.02.2025). [In Russ.]
5. Demchenko Z.A. Software and Project Support for the Process of Developing Students' Research Work in a Modern University: A Collection of Educational Programs. Arkhangelsk: NArFU named after M.V. Lomonosov, 2011. 79 p. [In Russ.]
6. Demchenko Z.A. Modern approach to the concept of «scientific research activities of students in the educational process of a university»: axiological aspect // Scientific dialogueologist. Psychology. Pedagogy. 2014. No. 11 (35). P. 41-55. [In Russ.]
7. Dubina A.Sh. Educational potential of Russian youth in the regions in the space of modern culture // Sociology and society: traditions and innovations in the social development of the regions: collection of reports of the VI All-Russian Sociological Congress (Tyumen, October 14–16, 2020) / ed. by V.A. Mansurov. Tyumen: the Russian Society of Sociologists, 2020. [In Russ.]
8. Lushnikova O.Yu. Model of activating the educational and cognitive activity of college students in the process of general educational training // Siberian Pedagogical Journal. 2009. No. 12. P. 205-211. [In Russ.]
9. Meshcheryakova E.V., Manzhinsky S.A. The role of students' research work in improving the quality of education [Electronic resource] // Higher technical education. 2011. No. 8 (146). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-nauchno-issledovatel'skoy-raboty-studentov-v-povyshenii-kachestva-obrazovaniya> (date of access: 17.03.2025). [In Russ.]
10. Novikov A.M. Pedagogy: dictionary of the system of basic concepts. 2nd ed., stereotype. Moscow: Egves, 2013. 268 p. [In Russ.]
11. Rozhkova L.V., Dubina A.Sh. Educational potential of modern youth of Russian megacities // Man. Society. Inclusion. 2020. No. 1 (41). P. 18-26. [In Russ.]
12. Khanov T.A., Bashirov A.V. Research work of students at a university: reasons for the decline in activity [Electronic resource] // Modern science-intensive technologies. 2021. No. 6-1. P. 209-214. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=38724> (date of access: 15.03.2025). [In Russ.]
13. Tsygankova A.S. Development of the idea of research work of students in domestic didactics of higher education (70–80s of the XX century): abstract of the dis. ... PhD (Pedagogics: 13.00.01. Khabarovsk, 2007. 22 p. [In Russ.]
14. Chertikhin V.E. A Man and Culture // Philosophy: Basic Ideas and Principles: Popular Essay / edited by A.I. Rakitov. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Politizdat, 1990. 378 p. [In Russ.]
15. Doll W.E. Post-modem perspective on curriculum. New York; London: Techer College Press; Columbia University, 1993. 215 p.

Информация об авторах / Information about the authors

Лилия Валерьевна Рожкова, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, экономической теории и международных процессов. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пензенский государственный университет», 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40, к. 7, e-mail: mamaeva_lv@mail.ru

Альбина Шагидулловна Дубина, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, экономической теории и международных процессов. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пензенский государственный университет», 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40, к. 7, e-mail: misurin@bk.ru

Егор Борисович Тепляков, аспирант. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пензенский государственный университет», 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40, к. 7, e-mail: tepochj01@bk.ru

Lilia V. Rozhkova, Dr Sci. (Sociology), Professor, Head of the Department of Sociology, Economic Theory and International Processes, Penza State University, Penza, the Russian Federation, e-mail: mamaeva_lv@mail.ru

Albina Sh. Dubina, PhD (Sociology), Associate Professor of the Department of Sociology, Economic Theory and International Processes, Penza State University, Penza, the Russian Federation, e-mail: misurin@bk.ru

Egor B. Teplyakov, Postgraduate student of Penza State University, Penza, the Russian Federation, e-mail: tepochj01@bk.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 11.04.2025

Received 11.04.2025

Поступила после рецензирования 20.05.2025

Revised 20.05.2025

Принята к публикации 23.05.2025

Accepted 23.05.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-152-161>
УДК 378:316.334.5

Университеты как системообразующие факторы социокультурного пространства региона

М.А. Тлевцежева

*Майкопский государственный технологический университет,
г. Майкоп, Российская Федерация
 tlevcezheva57@mail.ru*

Аннотация. Введение. Университеты занимают центральное место в культуре любой цивилизации, аккумулируя достижения человечества в науке и образовании. Именно они формируют ядро научного сообщества, сохраняя и передавая накопленные знания новым поколениям. Их главная цель – подготовка квалифицированных специалистов, способных развивать общество и двигать прогресс вперед. Однако деятельность университетов выходит далеко за пределы простого обучения студентов. Они активно влияют на общественную жизнь, стимулируют создание научных сообществ, поддержку инновационных проектов и распространение передовых идей. История показывает, что вокруг университетов традиционно собирались наиболее талантливые и активные представители интеллигенции. Многие выдающиеся мыслители, писатели, художники и политики получили образование именно в стенах вузов. Университеты были местом рождения многих общественных движений, политических партий и творческих союзов. **Методологическая база исследования** опирается на общенациональные методы синтеза, анализа, обобщения и систематизации. **Результаты исследования.** Выявление ключевой роли университетов в формировании интеллектуального потенциала общества и обеспечении устойчивого развития государства и всего мирового сообщества.

Обсуждение и заключение. Сегодня, несмотря на изменения в мире, университеты остаются важным элементом культурного ландшафта каждой страны. Они помогают сохранять национальные традиции, воспитывать патриотизм и формировать мировоззрение молодежи. Более того, университеты обеспечивают связь между поколениями, поддерживая преемственность знаний и опыта. Можно смело утверждать, что качество высшего образования отражает общий уровень развития общества. Чем сильнее и авторитетнее университеты, тем выше вероятность успешного будущего страны.

Ключевые слова: университет, фундаментальные исследования, эффективность, многоуровневая система, «третья миссия», научные знания, интеллектуальный потенциал, социокультурные функции университетов

Для цитирования: Тлевцежева М.А. Университеты как системообразующие факторы социокультурного пространства региона. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2025;17(2):152–161. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-152-161>

© Тлевцежева М.А., 2025

Universities as a systemic factor of the socio-cultural space of the region

M.A. Tlevtsezheva

Maykop State Technological University, Maikop, the Russian Federation
 tlevtsezheva57@mail.ru

Abstract. Introduction. Universities occupy a central place in the culture of any civilization, accumulating the achievements of mankind in science and education. They form the core of the scientific community, preserving and passing on the accumulated knowledge to new generations. Their main goal is to train qualified specialists capable of developing society and moving progress forward. However, the activities of universities go far beyond simply teaching students. They actively influence public life, stimulate the creation of scientific communities, support innovative projects and the dissemination of advanced ideas. History shows that the most talented and active representatives of the intelligentsia traditionally gathered around universities. Many outstanding thinkers, writers, artists and politicians received their education in universities. Universities were the birthplace of many social movements, political parties and creative unions. The methodological basis of the research is based on general scientific methods of synthesis, analysis, generalization and systematization.

The Research results. Identification of the key role of universities in the formation of the intellectual potential of society and ensuring sustainable development of the state and the entire world community.

Discussion and conclusion. Today, despite the changes in the world, universities remain an important element of the cultural landscape of each country. They help to preserve national traditions, cultivate patriotism and shape the worldview of young people. Moreover, universities provide a link between generations, maintaining the continuity of knowledge and experience. It can be safely said that the quality of higher education reflects the general level of development of society. The stronger and more authoritative the universities, the higher the likelihood of a successful future for the country.

Keywords: university, fundamental research, efficiency, multi-level system, «third mission», scientific knowledge, intellectual potential, socio-cultural functions of universities

For citation: Tlevtsezheva M.A. Universities as a systemic factor of the socio-cultural space of the region. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2025;17(2):152–161. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-152-161>

Введение. Анализ роли университетов в становлении и развитии человеческого мирового социума и, обратно, о том какое воздействие оказывают интегративные культурные процессы на развитие университетов, влечет за собой ряд нетривиальных вопросов, определяющих в первую очередь терминологическую основу предстоящего исследования. Причем дело не только в трудностях обобщения основных черт университетов различной направленности – технических, технологических, гуманитарных и т. д., вплоть до расплодившихся

ныне аэрокосмических и даже стоматологических, не только в сложностях найти общие черты университетов Средневековья, Нового времени и современных университетов, не только в проблемах нахождения общего в университетах Японии, Америки, Франции и России. Дело заключается еще и в том, что самого термина «университет» явно недостаточно для проведения анализа – очевидно ведь, что огромное число объектов названо университетами по ошибке, если не случайной, то не перестающей от этого обстоятельства оставаться

ошибкой. Но, кроме того, реальна и иная возможность – существование университетов, которые, тем не менее, университетами не назывались или не называются.

Материалы и методы исследования. Объектом исследования выступает в чистом виде не сам термин «университет», а осмысление «бытия» и сущности социально-культурологической системы под названием «университет». Средствами достижения поставленной цели выступила совокупность общенациональных методов и принципов исследований, прежде всего метод научной объективности, проблемно-хронологический, описательный, библиографический, в процессе написания статьи полноценно использовались общенациональные методы синтеза, анализа, обобщения и систематизации.

Результаты исследования. Вышеобозначенная ситуация давно осмысливается в философии при анализе таких явлений, как наука, культура, язык и прочее, там направление исследования ведется следующими путями. Во-первых, признается возможность различных трактовок данных понятий. Причем разнообразие подходов воспринимается как обусловленное, прежде всего, различием социально-культурных оснований. Во-вторых, предполагается в явном виде определить существенные характеристики исследуемого объекта. Попробуем двигаться по этому пути.

Первое, что кажется очевидным, – это различие прагматических и культурных функций университета в жизни общества. Естественно, чем ближе во времени и пространстве живем мы к тому или иному университету, тем и понятнее, и естественнее для нас его прагматические функции. Энтузиасту – руководителю страны или региона – близка функция университета по подготовке новых специалистов для народного хозяйства: ветеринаров ими электронщиков, учителей или врачей. Для специалиста из непрофильных ведомств или учреждений главной функцией уни-

верситета видится производство новых знаний и технологий, причем как можно ближе к тому направлению, которое наиболее важно для ведомства.

И, наоборот, если рассматривать функции университета с бюрократической точки зрения, то совершенно непонятно, зачем выпускать специалистов в области философии, филологии, социологии, если на рынке востребованы юристы и экономисты? Зачем нужна на кафедрах возрастная профессура, какая необходимость преподавать студентам мертвые языки (например латынь), непрофильные дисциплины? Если же этот балласт убрать из учебных планов, то срок обучения в университете можно будет кардинально сократить.

По всей видимости, на все эти многочисленные вопросы в 2014 году Министерству науки и высшего образования Российской Федерации надоело отвечать, и практически все университеты (за редким исключением) перешли на четырехгодичный бакалавриат, а юристов и экономистов в этот период не выпускал только ленивый. Объем фундаментальных дисциплин в учебных планах свели к минимуму, а для того чтобы убрать возрастную профессуру, ввели показатель эффективности для университетов – «доля научно-педагогических работников в возрасте до 39 лет».

Но тем не менее, по не вполне понятным с прагматической позиции причинам, некоторые университеты, несмотря на свою относительную неэффективность, показывают более высокие результаты по сравнению с другими вузами, основанными на прагматических критериях. Выпускники таких университетов занимают высшие государственные должности в структурах государственной службы, ведущих отраслевых корпорациях, в сфере международной политики. Ученые же университетов, которые выпустили таких достойных учеников, являются признанной лучшей частью мировой научной элиты.

Причины университетской эффективности и неэффективности не лежат на по-

верхности, это очень многогранная и многоуровневая система, где причинно-следственные связи взаимодействия подсистем могут только примерно подтолкнуть мыслительную деятельность обывателя на объяснение данной проблемы. Любой университет тесно связан с окружающим его социумом, и это вполне закономерно, ведь его «третья миссия» (причем каждый вуз ее трактует по-своему) и определяет его необходимое и достаточное взаимодействие с регионом, городом, а возможно, и со страной в целом [1].

Университеты традиционно считаются эффективными институтами благодаря двум основным функциям: образованию специалистов и производству научных знаний. Это общепринятое мнение среди прагматиков, однако оно вызывает ряд вопросов и нуждается в дополнительном обосновании. Контрпримеры показывают, что связь между образованием и научным производством не является абсолютной гарантией успеха университета. Например, существуют случаи, когда успешные ученые были самоучками или получили образование вне университетской системы. Таким образом, эффективность университетов нельзя объяснить исключительно этими двумя функциями, в первую очередь она обусловлена социальными взаимодействиями внутри и вне института. Игнорирование этих аспектов ведет к упрощению проблемы и недостаточной обоснованности утверждений о непостижимой эффективности университетов.

Анализируя проблему существования университетов, важно учесть две ключевые особенности:

1. *Университет как элемент системы.* Университет не существует отдельно от остальных образовательных учреждений. Он является частью общей университетской системы, включающей различные типы взаимосвязей и взаимозависимостей. Например:

– выпускники одного университета часто становятся преподавателями в другом;

– научные исследования, проводимые в одном университете, могут использоваться и цитироваться учеными из других вузов;

– новые университеты создаются по образцу существующих, перенимая организационные структуры и учебные программы.

2. *Значение социального контекста.* Подобно тому как развитие личности человека зависит от социальной среды, функционирование университета обусловлено внешней средой. Внешние факторы, такие как государственные политики, экономические условия и культурные тенденции, оказывают значительное влияние на деятельность вуза. Эти наблюдения позволяют сделать важный вывод: изучение отдельных университетов полезно, но понимание общих механизмов их развития возможно только в рамках анализа всей университетской системы. Следовательно, рассматривать каждый вуз изолированно недостаточно для глубокого осмысливания его особенностей и перспектив развития.

Представленная концепция предлагает интересный подход к пониманию университетской системы как своеобразной «страны университетов». Рассмотрим ключевые элементы этого подхода в виде карты университетской системы [2].

1. *Синхронный срез.* Если представить карту университетской системы в определенный момент времени, мы увидим сеть взаимосвязанных учебных заведений. Эти связи отражают сотрудничество, обмен знаниями и опытом между различными учреждениями.

2. *Региональные группы.* По большей части эти связи совпадают с национально-государственным делением. В каждой группе можно выделить две категории университетов:

– университеты в процессе становления («университеты по названию»). Они характеризуются небольшим количеством связей, которые чаще всего направлены на заимствование опыта и ресурсов у ведущих вузов;

– сильные университеты («университеты по существу»), обладающие значительными ресурсами и обширной сетью связей. Такие университеты активно участвуют в международных проектах и исследованиях.

3. *Типология связей*. Анализ показывает различия в характере связей:

– Однонаправленные связи характерны для молодых университетов, стремящихся воспользоваться достижениями признанных центров.

– Двунаправленные связи наблюдаются между сильными университетами, способствующими формированию локальных кластеров.

4. *Иерархия университетов*. Выделяются три уровня иерархии:

– локальные центры (региональные лидеры), обеспечивающие поддержку молодым университетам;

– наднациональные лидеры (суперуниверситеты), формирующие глобальное академическое пространство, такой подход позволяет увидеть университетскую систему как сложную структуру, состоящую из различных уровней и типов связей. Он подчеркивает важность взаимодействия и сотрудничества между учебными заведениями разных стран и регионов. Это помогает лучше понимать процессы интеграции и специализации в мировой науке и образовании [3].

В хронологическом разрезе карты представляет генетические связи университетов, и основными критериями соответствия того или иного университета понятию «университет» служит его происхождение, его связи – прямые и косвенные – с крупнейшими университетами прошлого.

Какова же природа университетских связей, субстанция того, что служит основой образования и функционирования университетов? Эмпирические ответы очевидны: это связи между учеными, между научными сотрудниками, между обучающимися различных образовательных уровней. Конечно же, связи, основанные на лич-

ных контактах, имеют большое значение, но формализованное взаимодействие вузов сегодня набирает большие обороты: академические обмены студентов, аспирантов и преподавателей, получение двойных дипломов, обучение в сетевом формате, обмен различного рода информацией, реализация совместных фундаментальных и прикладных научных проектов.

Генерация и трансляция культурных ценностей – исторически сложившаяся важнейшая задача университетов. Процесс включает в себя два взаимосвязанных аспекта: **интеграцию** университета в общество и **кооперацию** между различными высшими учебными заведениями.

Данный элемент охватывает весь комплекс социально-культурных явлений, находящихся в непосредственной близости к образовательному учреждению – так называемое «ядро университетских ценностей». В его состав входят актуальные научные открытия и технические разработки, художественные творения и их анализ, эволюция мировоззренческих концепций и исследовательских принципов, а также современные тенденции в правовой и морально-этической сферах, включая формы досуга и образ жизни людей. Ежегодный прием новых участников университетского сообщества является фундаментальным механизмом развития образовательного учреждения. Этот процесс включает в себя несколько ключевых аспектов:

- Студенческий набор – основной канал обновления академического сообщества, обеспечивающий приток молодых, энергичных и перспективных обучающихся.

- Аспирантская программа – механизм подготовки будущих научных кадров и исследователей, обеспечивающий преемственность научных школ.

- Университетское братство – включает не только студентов и аспирантов, но и административный персонал, технических специалистов, преподавателей, исследова-

телей и других участников университетского процесса.

Таким образом, ежегодный прием студентов, аспирантов и других участников университетского сообщества является не просто формальным процессом набора, а комплексной системой, обеспечивающей устойчивое развитие образовательного учреждения и формирование будущего интеллектуального потенциала общества. Представляя собой ежегодный слепок из окружающего университет общества, студенты могут привнести в университет наиболее важные новые элементы этого общества.

Здесь возникает целый ряд проблем. Во-первых, выборка может быть недостаточно репрезентативна, т. е. целый ряд представителей молодого поколения пройдет мимо университета. Этому могут быть причиной самые разные обстоятельства: низкий престиж образования или, наоборот, слишком высокая оплата за обучение, смещение интересов молодежи в другие сферы деятельности, не требующие университетского образования, или вынужденный уход в армию [1].

Во-вторых, интересы студенчества могут иметь серьезные отклонения: занятия коммерцией, необходимость постоянно работать во время учебы, ориентацию на минимальное время обучения в университете, стремление к прикладному типу образования и так далее. Так или иначе, в случае, если в социокультурном окружении происходят отклонения от нормального развития культуры, университет лишается возможности адекватно воспринимать ее. В этом случае единственная возможность для университета адекватно реагировать на изменяющуюся обстановку сохраняется через взаимодействие с другими университетами. Если такие связи отсутствуют или слабы, то университет, продолжая в течение некоторого времени развиваться по инерции, через некоторое время утрачивает функцию аккумуляции культуры.

Университеты являются средой, где формируются и поддерживаются механизмы, обеспечивающие отбор культурных ценностей, значимых не только внутри самого университета, но и за его пределами. К таким механизмам относятся как официальные структуры – ученые и научно-технические советы, кафедры, так и неофициальные объединения – советы молодых ученых, студенческие объединения, внутривузовская пресса и другие каналы коммуникации. Чем авторитетнее вуз, тем большее влияние оказывают именно неформальные элементы на работу официальных институтов.

Отсутствие стабильных университетских структур, через которые происходит трансляция культурных ценностей, не сводящихся исключительно к профессиональным, позволяет высказать опасение за судьбы культуры университета [4]. Возникает вопрос: каким образом происходит отбор из всего множества новаций, привносимых в университетскую жизнь? Какова природа стабильности университетских структур?

Главные факторы, способствующие устойчивости структуры каждого отдельного университета, исходят из двух ключевых аспектов: выполнение социальных и культурных функций, возложенных на университет, а также система взаимосвязей между различными учебными заведениями. Более того, спектр выполняемых социально-культурных функций университетов варьируется в зависимости от особенностей конкретных социально-культурных сообществ, в которых они действуют. Не формально выделяется три ценностных уровня [4, 8].

При рассмотрении регионального уровня реализации социокультурных функций университетов особое внимание уделяется следующим направлениям: удовлетворение образовательных запросов местного населения, подготовка высококвалифицированных кадров, содействие развитию региональных интеллектуаль-

ных и культурных центров, а также решение локальных задач, связанных преимущественно с развитием интеллектуальной сферы и духовной культуры региона.

На государственном уровне основными функциями университетов становятся формирование национальной интеллектуальной элиты, подготовка высококлассных профессионалов, обеспечение эффективного функционирования образовательной и научной систем в целом масштабе страны.

На мировом уровне перед университетами стоят задачи глобального масштаба: развитие фундаментальных направлений цивилизации, продвижение мировых научных исследований, укрепление глобальной интеллектуальной и культурной целостности человечества, сохранение культурного наследия и создание новых духовных и творческих ценностей [5].

Исторически сложилось так, что выполнение перечисленных функций университетами осуществляется поэтапно, с некоторым времененным лагом. Большинство вузов на этапе своего формирования ограничены выполнением лишь части функций регионального уровня. Национальные лидеры среди университетов, успешно выполняя региональные задачи, лишь отчасти способны реализовать полный потенциал национальных функций. Что касается исполнения мировых функций, то пока оно, скорее, представляется стратегической целью, нежели актуальной практикой [5].

Во-многом эта ситуация достаточно понятна, и вполне логичными представляются рассуждения, в соответствии с которыми возможности реализаций университетами национально-государственных и мировых функций зависят, прежде всего, от перспектив развития государственных целостностей и мира в целом. Однако эту зависимость неправильно было бы трактовать как одностороннюю. Наоборот, развитие отдельных государств и мира в целом во многом определяется тем, в какой степени развиваются и реализуют свои функции университеты. Уточним это по-

ложение, так как, на первый взгляд, здесь есть прямые противоречия с реальной историей. Речь в данном случае идет не о любом направлении развития государств и мира, а о таком, в котором в наиболее полной степени реализуется интеллектуальный и духовный потенциал человечества. Нет спора о том, что практически в каждый момент истории можно найти сотни примеров развития, не основанного на развитии интеллекта и духа. Но нет спора и о том, что развитие государств без опоры на интеллект и дух достаточно быстро выыхается и переходит в кризисное состояние. Примерами этого могут служить как кризисы машинной цивилизации в XIX–XX вв., так и кризисы тоталитарных обществ в XX в. [3].

Но дело, разумеется, не в примерах. Университетская система играет ключевую роль в формировании интеллектуального потенциала общества и обеспечении устойчивого развития государства и всего мирового сообщества. Однако, помимо очевидных функций – подготовки специалистов высокого уровня и научных исследований, университеты выполняют еще одну важную миссию: они формируют менталитет будущих поколений и задают образцы социальной активности и взаимодействия.

Мы описываем важную роль университета как института, сочетающего различные ценности и подходы, которые формируют личность студента и влияют на развитие общества. Давайте разберем подробнее ключевые моменты таких различий.

Консерватизм и новаторство. Университет является местом, где сталкиваются консервативные традиции и стремление к новому. Это позволяет студентам развивать критическое мышление и способность адаптироваться к изменениям. Например, изучение классических текстов и современных исследований помогает студентам увидеть взаимосвязь между прошлым и настоящим.

Фундаментальность и практицизм. Учеба в университете сочетает глубокое понимание фундаментальных наук с развитием практических навыков. Студенты получают знания, которые помогают им решать реальные проблемы и применять теорию на практике. Например, инженерные специальности требуют не только теоретической подготовки, но и умения проектировать и строить.

Демократия и аристократия. Университеты также являются местами, где демократические принципы сочетаются с традициями элитарности. Это создает уникальную атмосферу, где студенты учатся уважать мнение друг друга и ценить разнообразие мнений. Например, участие в студенческих советах и общественных организациях способствует развитию лидерских качеств и гражданской ответственности.

Плюрализм и авторитеты. В университетах существует баланс между свободой мысли и уважением к научным авторитетам. Это позволяет студентам формировать собственные взгляды, основываясь на различных источниках информации. Например, дискуссии на семинарах и конференциях способствуют обмену идеями и формированию новых подходов.

Ориентация на карьеру и преданность университету. Студенты часто сталкиваются с выбором между карьерой и верностью своему альма-матер. Университеты предлагают возможности для профессионального роста, одновременно поддерживая чувство принадлежности к академическому сообществу. Например, выпускники часто возвращаются в университеты для участия в мероприятиях и поддержки молодых студентов.

Патриотизм и космополитизм. Патриотизм и уважение к другим культурам – важные качества, которые формируются в университетах. Студенты учатся гордиться своей страной, одновременно понимая важность международного сотрудничества. Например, программы обмена студен-

тами позволяют познакомиться с разными культурами и расширить кругозор.

Инструментальное познание и абсолютные ценности. Инструментальные знания необходимы для успешной карьеры, но они должны сопровождаться осознанием моральных ценностей. Это помогает студентам принимать этически обоснованные решения. Например, врачи должны обладать не только медицинскими знаниями, но и понимать значение человечности и сострадания.

Проблема двух культур. Проблема разделения науки и искусства, сформулированная Чарльзом Сноу, остается актуальной. Университеты стремятся преодолеть этот разрыв, предлагая междисциплинарные курсы и проекты. Например, совместные исследования ученых и художников могут привести к новым открытиям и инновациям [6].

Обсуждение и заключение. Проведенный анализ показывает, что рассматриваемая проблема действительно затрагивает важные аспекты функционирования университетов и их эффективности. Доказано, что эффективность университетов обусловлена не только образовательными и научными функциями, но и социальными взаимодействиями внутри и вне института. Игнорирование этих аспектов ведет к упрощению проблемы и недостаточной обоснованности утверждений о непостижимой эффективности университетов.

Изучение отдельных университетов полезно, но понимание общих механизмов их развития возможно только в рамках анализа всей университетской системы. Следовательно, рассматривать каждый вуз изолированно недостаточно для глубокого осмыслиения его особенностей и перспектив развития.

Таким образом, университеты играют ключевую роль в формировании личности и развитии общества. Они создают условия для синтеза различных идей и подходов, что делает их уникальными институтами, способствующими прогрессу человечества.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляют об отсутствии конфликта интересов
CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Абесалашвили М.З., Эртель А.Г., Овсянникова Т.А. Роль интеллектуальных услуг в современном инновационном процессе // Уральский научный вестник. 2018. Т. 3, № 1. С. 011-014. EDN YRGXLJ.
2. Овсянникова Т.А. Общесистемные принципы развития рынка образовательных услуг России // Новые технологии. 2011. Вып. 4. С. 183-187. EDN OOOKFR.
3. Общеевропейский процесс и гуманитарная Европа. Роль университетов. М.: МГУ, 1995. 384 с.
4. Овсянникова Т.А. Организационная культура современного университета (социокультурный аспект) // XXXVIII неделя науки МГТУ. Майкоп: Кучеренко В.О., 2020. С. 88-91.
5. Алферов Ж.И., Садовничий В.А. Образование для России XXI века // Образование, которое мы можем потерять: сборник / под общ. ред. Садовничева В.А. М., 2002. С. 18.
6. Волошинов А.В., Игнатова М.П. Проблема «Двух культур»: от Чарльза Сноу до Ильи Пригожина // Человек. 2015. № 4. С. 36-50.
7. Сыромятников О.И. Российский университет в изменяющейся социальной реальности // Вестник Пермского университета. 2007. № 6 (11).
8. Ридингс Б. Университет в руинах. М., 2009. 304 с.
9. Павлова Н.Б. К вопросу об оценке качества образовательных услуг // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2012. № 13.
10. Балмасова Т.А. «Третья миссия» университета новый вектор развития? // Высшее образование в России. 2016. № 8/9.
11. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М., 2004. 944 с.
12. Мархл М., Паусист А. Методология оценки третьей миссии университетов [Электронный ресурс] // Непрерывное образование: XXI век : научный электронный журнал. 2013. Вып. 1. С. 1-13. Режим доступа: <https://doi.org/10.15393/j5.art.2013.1949>.
13. Кларк Б. Создание предпринимательских университетов. Организационные направления трансформации. М., 2019. 240 с.
14. Карпов А.О. Современный университет как драйвер экономического роста: модели и миссии // Вопросы экономики. 2017. № 3. С. 58-76.
15. Колини С. Зачем нужны университеты? М., 2016. 264 с.
16. Орлов В.В. Университетское образование в постиндустриальном обществе // Вестник Пермского университета. 2007. № 6 (11). С. 32-37.

REFERENCES

1. Abesalashvili M.Z., Ertel A.G., Ovsyannikova T.A. The role of intellectual services in the modern innovation process // Ural Scientific Bulletin. 2018. Vol. 3, No. 1. P. 011-014. EDN YRGXLJ. [In Russ.]
2. Ovsyannikova T.A. General system principles of development of the educational services market of Russia // New technologies. 2011. Issue. 4. P. 183-187. EDN OOOKFR. [In Russ.]
3. Pan-European process and humanitarian Europe. The role of universities. Moscow: Moscow State University, 1995. 384 p. [In Russ.]
4. Ovsyannikova T.A. Organizational culture of a modern university (sociocultural aspect) // XXXVIII week of science of Moscow State Technical University. Maikop: Kucherenko V.O., 2020. P. 88-91. [In Russ.]

5. Alferov Zh.I., Sadovnichy V.A. Education for Russia in the 21st Century // Education We Can Lose: collection / edited by Sadovnichy V.A. Moscow, 2002. P. 18. [In Russ.]
6. Voloshinov A.V., Ignatova M.P. The Problem of «Two Cultures»: from Charles Snow to Ilya Prigogine // Man. 2015. No. 4. P. 36-50. [In Russ.]
7. Syromyatnikov O.I. Russian university in a changing social reality // Bulletin of Perm University. 2007. No. 6 (11).
8. Ridings B. University in Ruins. Moscow, 2009. 304 p.
9. Pavlova N.B. Revisiting the quality assessment of educational services // Problems and prospects for the development of education in Russia. 2012. No. 13.
10. Balmasova T.A. The “Third Mission” of a university: a new vector of development? // Higher Education in Russia. 2016. No. 8/9.
11. Bell D. The Coming post-industrial society: an experience of social forecasting. Moscow, 2004. 944 p.
12. Markhl M., Pausist A. Methodology for assessing the third mission of universities [Electronic resource] // Continuous education: XXI century: scientific electronic journal. 2013. Issue. 1. P. 1-13. Access mode: <https://doi.org/10.15393/j5.art.2013.1949>.
13. Clark B. Creation of entrepreneurial universities. Organizational directions of transformation. Moscow, 2019. 240 p.
14. Karpov A.O. Modern university as a driver of economic growth: models and missions // Questions of Economics. 2017. No. 3. P. 58-76.
15. Kolini S. Why do we need universities? Moscow, 2016. 264 p.
16. Orlov V.V. University education in a post-industrial society // Bulletin of Perm University. 2007. No. 6 (11). P. 32-37.

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests**

Информация об авторе

Марият Аслановна Тлевцежева, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет», 385000, Российская Федерация, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 191, e-mail: tlevcezheva57@mail.ru

Mariyat A. Tlevtsezheva, PhD (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Maykop State Technological University, 385000, the Russian Federation, Maikop, 191, Pervomayskaya str., e-mail: tlevcezheva57@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 12.04.2025

Received 12.04.2025

Поступила после рецензирования 10.05.2025

Revised 10.05.2025

Принята к публикации 13.05.2025

Accepted 13.05.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-162-177>
УДК 323.28(470.621)

О роли некоммерческого сектора в профилактике терроризма, экстремизма и глобальных информационных угроз в Республике Адыгея

А.К. Тхакушинов, А.М. Сиюхова , М.К. Тлехурай

*Майкопский государственный технологический университет,
г. Майкоп, Российская Федерация*
 aminsi@mail.ru

Аннотация. Введение. В статье преследуется цель – выявить уровень вовлеченности НКО Республики Адыгея в деятельность по профилактике терроризма, экстремизма и глобальных информационных угроз. В ходе исследования выявлена структура системы некоммерческой сферы Республики Адыгея на современном этапе; рассмотрены основные направления деятельности НКО в Адыгее; проанализированы проблемы вовлеченности населения в мероприятия, организованные НКО Республики Адыгея; определены формы деятельности НКО, способствующие противодействию экстремизму, терроризму и информационным угрозам.

Материалы и методы. Основными методами в исследовании стали анализ документов, размещенных на официальных сайтах региональных органов власти и НКО Республики Адыгея. Также был проведен социологический опрос населения РА.

Результаты исследования. В ходе исследования получены результаты, свидетельствующие, что среди НКО Республики Адыгея нет организаций, главной целью которых является работа с населением по противодействию терроризму, экстремизму и глобальным информационным угрозам; в реальности вовлеченность в деятельность НКО жителей Республики Адыгея характеризуется как низкая; отмечена объективная потребность населения в повышении деятельностной активности НКО в вопросах профилактики терроризма, экстремизма и глобальных информационных угроз. При этом можно говорить о позитивном косвенном влиянии деятельности НКО на формирование условий жизни региона, которые не способствуют проявлению таких явлений, как терроризм, экстремизм и преступления в информационной сфере.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование может способствовать повышению уровня социокультурной компетентности руководителей и работников системы НКО в вопросах деятельности организаций, способствующей противодействию экстремизму, терроризму и информационным угрозам, а также оптимизации и рационализации механизмов управления со стороны органов власти республики по поддержке НКО,

© Тхакушинов А.К., Сиюхова А.М., Тлехурай М.К., 2025

которые в перечне целей имеют цель – противодействие экстремизму, терроризму и информационным угрозам.

Ключевые слова: некоммерческий сектор, Республика Адыгея, НКО, направления деятельности, противодействие угрозам, терроризм, экстремизм, информационная безопасность

Для цитирования: Тхакушинов А.К., Сиухова А.М., Тлехурай М.К. О роли некоммерческого сектора в профилактике терроризма, экстремизма и глобальных информационных угроз в Республике Адыгея. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2025;17(2):162–177. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-162-177>

On the role of the non-profit sector in the prevention of terrorism, extremism and global information threats in the Republic of Adygea

A.K. Tkhakushinov, A.M. Siyukhova ✉, M.K. Tlekhurai

Maykop State Technological University, Maikop, the Russian Federation
✉ aminsi@mail.ru

Abstract. Introduction. The level of involvement of NPOs of the Republic of Adygea in the prevention of terrorism, extremism and global information threats have been identified. The structure of the non-commercial sphere of the Republic of Adygea at the present stage has been investigated; the main areas of activity of NPOs in Adygea have been considered; the problems of population involvement in events organized by NPOs of the Republic of Adygea have been analyzed; the forms of NPO activity that contribute to counteracting extremism, terrorism and information threats have been determined.

The Materials and Methods. The following methods have been used in the research: analysis of documents posted on the official websites of regional authorities and NPOs of the Republic of Adygea; a sociological survey of the population of the Republic of Adygea has also been conducted.

The Research results. The results obtained during the research have indicated that among the NPOs of the Republic of Adygea there are no organizations that work with the population to counter terrorism, extremism and global information threats; in reality, the involvement of residents of the Republic of Adygea in the activities of NPOs is characterized as low. An objective need of the population to increase the activity of NPOs in matters of preventing terrorism, extremism and global information threats has been noted. At the same time, we can talk about the positive indirect influence of NPO activities on the formation of living conditions in the region, which do not contribute to the manifestation of such phenomena as terrorism, extremism and crimes in the information sphere.

Discussion and conclusion. The conducted research can contribute to increasing the level of socio-cultural competence of the managers and employees of the NPO system in matters of the activities of organizations that contribute to countering extremism, terrorism and information threats, as well as optimizing and rationalizing the management mechanisms of the Republic authorities to support NPOs countering extremism, terrorism and information threats.

Keywords: non-profit sector, the Republic of Adygea, NPOs, areas of activity, countering threats, terrorism, extremism, information security

For citation: Tkakushinov A.K., Siyukhova A.M., Tlekhurai M.K. On the role of the non-profit sector in the prevention of terrorism, extremism and global information threats in the Republic of Adygea. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2025;17(2):162–177. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-162-177>

Введение. В современной России особенно важна профилактика терроризма и экстремизма, а также глобальных информационных угроз. Государство вносит большой вклад для поддержки на административном уровне различных программ и молодежных движений, общественных организаций и институтов по профилактике данных проблем. Однако необходимо учитывать роль и силу деятельности НКО в этих вопросах. Россия, которая находится на стадии формирования модели взаимодействия государства и НКО, сейчас накапливает опыт по налаживанию более эффективного партнерского взаимодействия. В Республике Адыгея происходят аналогичные процессы, затрагивающие многообразные аспекты взаимодействия органов власти, общественных организаций и непосредственно граждан республики. Особую актуальность вопрос деятельности НКО по содействию борьбы с терроризмом и экстремизмом получает в Адыгее в силу политкультурности и многоконфессиональности населения. Роль государства в поддержке НКО чрезвычайно велика, как в отношении финансирования, так и в политико-идеологическом курировании.

Некоммерческая организация (НКО) – организация, не имеющая в качестве основной цели своей деятельности извлечение прибыли. Некоммерческие организации могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, политических, научных и управлеченческих целей, в сферах охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в

иных целях, направленных на достижение общественных благ.

Понятием «Терроризм» принято обозначать политику, основанную на систематическом применении террора. Наиболее часто встречающееся определение толкует данный термин как «достижение насильственным путем политических, идеологических, экономических и религиозных целей». Объединения лиц, которые осуществляют террористическую деятельность, называются террористическими группами. В правых документах России терроризм определяется как идеология насилия и практика воздействия на общественное сознание, на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанная с силовым воздействием, устрашением мирного населения и/или иными формами противоправных насильственных действий.

Экстремизм (от лат. *extremus* – «крайний, чрезмерный») – приверженность к крайним и радикальным взглядам, методам действий (обычно в политике). Экстремизму подвержены как отдельные люди, так и организации, преимущественно политические и религиозные. Среди политических экстремистских действий можно отметить провокацию массовых беспорядков, террористические акты, ведение партизанской войны. Наиболее радикально настроенные экстремисты часто отрицают в принципе какие-либо компромиссы, переговоры, соглашения. Росту экстремизма обычно способствуют социально-экономические кризисы, резкое падение жизненного уровня основной массы населения, тоталитарные политические режимы с подавлением властями оппозиции, преследованием инакомыслия, внешней интервенцией. В таких ситуациях

крайние меры могут стать для некоторых лиц и организаций единственной возможностью действительно повлиять на ситуацию, особенно если складывается революционная ситуация или государство охвачено длительной гражданской войной – в этих случаях можно говорить о «вынужденном экстремизме».

Экстремизм может выражаться в разнообразных формах, таких как: насилиственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности государства; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноты человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, или отношения к религии и пр.; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения.

В современных условиях информационного общества возникают новые виды угроз, связанных с использованием цифровых технологий и приводящих к нарушению информационной безопасности. Основным видом борьбы с угрозой информационной безопасности является повышение цифровой компетенции всех категорий населения, в том числе сотрудников государственных и негосударственных учреждений.

Обзор литературы. Тема профилактики терроризма и экстремизма и роль НКО в стабилизации общественных процессов достаточно изучена, данному вопросу посвящены следующие работы:

Статья И.Х. Салаватова «Взаимодействие государства и некоммерческого сектора: формирование уникальной российской модели» посвящена вопросу организации взаимодействия государства и некоммерческого сектора [1]. Целью работы является изучение наиболее распространенных моделей взаимодействия и оценка

формирующейся современной российской модели. На основе системного подхода предлагается классификация существующих моделей взаимодействия, исходя из устоявшихся практик: западная, китайская и зависимая. В статье делается вывод о наличии ряда особенностей российского опыта взаимодействия государства и НКО, что позволяет говорить об особой российской модели, которая находится в стадии становления, и для ее эффективного развития требуется ряд усилий со стороны государства и гражданского общества. Таким образом, исследование может быть использовано для выработки государственной политики в отношении НКО, а также как отправная точка для более глубокого изучения проблемы и последующего формирования практических рекомендаций по налаживанию более эффективного взаимодействия.

Статья А.В. Соколова и Е.А. Исаевой «Формирование некоммерческого сектора в субъектах Российской Федерации (на примере Ярославской области)» посвящена анализу взаимосвязи общественных организаций и региональных и муниципальных органов власти [2]. Ценной мыслью исследователей является тезис о том, что общественные организации являются частью гражданского общества, а потому лучше знают реальные потребности и проблемы населения, вследствие чего могут быть официальными проводниками общественного мнения для властных структур разного уровня. Участие НКО в совместных с органами власти проектах могут быть реализованы в разнообразных формах. Наиболее эффективным способом сотрудничества является грантовая поддержка проектов некоммерческих организаций, направленных на развитие социальных и культурных инициатив.

Черкасова А.А. и Шамсутдинова Р.З. в исследовании «Роль государства в создании благоприятной правовой среды для некоммерческого сектора» рассматривают роль государства в создании благоприят-

ной правовой среды для некоммерческого сектора, в частности, вопрос ограничения свободы деятельности граждан в рамках некоммерческих организаций [3]. Авторы анализируют последствия таких ограничений, их влияние на гражданское общество и на развитие государства, а также предлагают перспективные подходы к решению данной проблемы. Исследование основано на анализе актуальной литературы, правовых актов и судебной практике.

Интерес к деятельности НКО имеет многонаправленный характер, затрагивающий особенности функционирования организации (Ходыкова Н.В.) [4], правовые аспекты деятельности НКО (Дзюбак И.С.) [5], особенности организации и проведения PR-акций в рамках деятельности НКО (Жеданкова И.В.) [6], вопросы организации контроля качества деятельности различных НКО (Грошева Д.Н.) [7], роль молодежных некоммерческих организаций в развитии региона (Лежебоков А.А. и др. [8]), проблемы гибкости управления деятельностью НКО (Некрасова Д.В., Урасова А.А.) [9].

Тема терроризма и экстремизма в молодежной среде стала предметной областью исследования С.Д. Ерофеевой [10]. Она обосновывает положение, что терроризм в современной ситуации является долговременным социально-политическим явлением и оказывает на общество значительное деструктивное воздействие, вследствие чего необходим постоянный мониторинг и исследование возможных причин экстремистских настроений. Так же большое значение для профилактики терроризма имеет специальная подготовка сотрудников разных организаций, в том числе и силовых.

В статье Д.Х. Хусаиновой рассматриваются психолого-педагогические аспекты профилактики проявлений экстремизма в молодежной среде. Она отмечает, что необходимо планировать и проводить специальные мероприятия, применяя современные методики педагогики, пси-

хологии, что будет способствовать формированию у молодежи – школьников и студентов – стойкое неприятие к экстремистским проявлениям [11]. Аналогичную позицию выражают авторы Е.И. Мозговая и И.О. Долженкова. Особую роль в профилактике проявлений экстремизма среди молодежи играет вовлечение их в волонтерскую деятельность, что расширяет их круг взаимодействий с разными категориями населения и способствует усвоению позитивных социальных ценностей [12].

Более частным вопросам исследования и профилактики экстремизма посвящены статьи М.Ю. Козырбаевой и Т.Н. Мухамедовой [13], Н.Ю. Виноградовой [14], Э.Р. Исхакова [15], Л. С. Анисимовой [16] и др.

Регулирование деятельности НКО осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 12 января 1996 г. N 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (с изменениями и дополнениями). Предметом регулирования Федерального закона от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) являются общественные отношения, возникающие в сфере профилактики правонарушений в Российской Федерации.

Материалы и методы. Целью настоящего исследования стало выявление уровня вовлеченности НКО Республики Адыгея в деятельность по профилактике терроризма, экстремизма и глобальных информационных угроз. Для этого необходимо было решить ряд задач: выявить направления деятельности НКО Республики Адыгея; выявить НКО, которые работают в направлениях, способствующих профилактике терроризма, экстремизма и глобальных информационных угроз; выявить отношение населения по поводу наиболее нужных направлений деятельности НКО; определить отношение населения к необходимости реализации проектов НКО, направленных на профилактику

терроризма, экстремизма и глобальных информационных угроз. Для решения поставленных задач были применены методы исследования: структурно-функциональный анализ, направлен на выявление структуры и функций НКО в Республике Адыгея; контент-анализ – формализованное исследование материалов интернета о деятельности НКО; социологический опрос респондентов посредством специализированной цифровой программы методом «снежного кома», при котором небольшой части респондентов передается ссылка для прохождения опроса на интернет-платформе с просьбой распространить данную ссылку среди своих родственников и знакомых. Характеристика выборки составила 300 человек, по качеству – случайная, по мету проведения – г. Майкоп.

Результаты исследования. Деятельность НКО Республики Адыгея, направленная на профилактику терроризма, экстремизма и глобальных информационных угроз, носит опосредованный характер. Достижение результатов строится на работе по патриотическому воспитанию, развитию культурно-досуговой сферы, просветительской деятельности. Большинство НКО организуют свою деятельность на основе участия в конкурсах грантов. Вовлеченность населения Республики Адыгея в мероприятия НКО достаточно низкая, что требует от НКО усиления работы через средства массовой коммуникации.

Исследование проводилось в соответствии с поставленными задачами. На первом этапе был выявлен количественный состав НКО, осуществляющий деятельность на территории Республики Адыгея. На период конца 2024 г. в РА зарегистрировано 144 некоммерческих общественных организаций, которые имеют разную направленность деятельности. Благотворительные фонды, оказывающие содействие незащищенным слоям населения – детям из малообеспеченных семей и сиротам, престарелым, инвалидам и пр. – наиболее многочисленны (около 20

единиц). Существует также достаточное число НКО, осуществляющих деятельность в сфере образования и просвещения (13), работающих в сфере культуры и творчества (13), направленных на развитие физкультуры и спорта (12), в сфере военно-патриотического воспитания (4). Важную функцию выполняют НКО, деятельность которых направлена на сохранение культурных и религиозных традиций народов Республики Адыгея (15). Наряду с вышеуказанными НКО работают менее численные организации по выражению интересов групп населения, по разным социальным критериям: молодежные, женские, общества инвалидов, профессиональные общества и др. Также сопоставимая доля НКО работает в системе экологической безопасности и в направлении формирования гражданского общества.

Исследование показало, что в Республике Адыгея нет НКО, в основные задачи которых входят вопросы противодействия терроризму, экстремизму и угрозам информационной безопасности. Однако общая направленность деятельности всех НКО характеризуется стремлением достижения достойных условий существования разных групп населения и всей республики в целом, возможности разным категориям населения выражать свои права, интересы и заниматься различными формами творчества. В этой связи можно говорить о позитивном косвенном влиянии деятельности НКО на формирование условий жизни региона, которые не способствуют проявлению таких явлений, как терроризм, экстремизм и преступления в информационной сфере.

Большая часть НКО финансируется за счет грантовой поддержки органов республиканской власти. В 2024 г. в конкурсе грантов участвовало 155 проектов, из которых 122 победителя получили финансовые средства (<https://адыгея.гранты.рф/>). Поданные на конкурс заявки проектов НКО соответствовали тематическим направлениям конкурса (табл. 1).

**Таблица 1. Информация об участии НКО РА в конкурсе грантов в 2024 г.
(Источник: составлено автором)**

**Table 1. Information on the participation of NPOs of the RA in the grant competition in 2024
(Source: compiled by the author)**

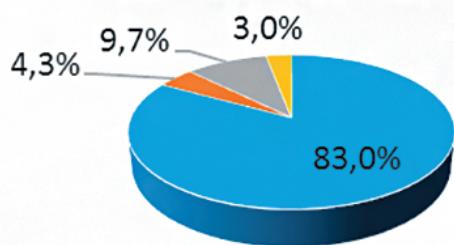
Грантовые направления	Проекты, поданные на конкурс	Победители
Благотворительная деятельность, а также деятельность в области организаций и поддержки благотворительности и добровольчества (волонтерства)	10	8
Охрана окружающей среды и защита животных	13	7
Поддержка проектов в области культуры и искусства	15	12
Поддержка проектов в области науки, образования, просвещения	21	13
Сохранение исторической памяти	10	8
Патриотическое, в том числе военно-патриотическое, воспитание граждан Российской Федерации	13	13
Охрана здоровья граждан, пропаганда здорового образа жизни	21	19
Укрепление межнационального и межрелигиозного согласия	9	6
Развитие институтов гражданского общества	11	10
Развитие межнационального сотрудничества, сохранение и защита самобытности, культуры, языков и традиций народов Российской Федерации	3	3
Социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан	29	23

Из данной таблицы видно, что наибольшей поддержки получают проекты, направленные на практические цели социального обслуживания и помощи гражданам, а также на охрану здоровья и пропаганду здорового образа жизни. Чуть меньше выделено средств на проекты в сфере науки, образования и просвещения, а также на проекты в области культуры и искусства. На таком же среднем уровне профинансированы проекты, направленные на патриотическое, в том числе военно-патриотическое, воспитание граждан Российской Федерации.

В соответствие задачам исследования был проведен социологический опрос, целью которого было выявление

мнения населения по поводу наиболее нужных направлений деятельности НКО, а также отношения респондентов к необходимости реализации проектов НКО, направленных на профилактику терроризма, экстремизма и глобальных информационных угроз. Опрос проводился посредством использования интернет-платформы «Онлайн тест пад» (<https://onlinetestpad.com/>), позволяющей получить эмпирический материал дистанционно. Сбор данных проводился с 18 по 20 октября 2024 г. и был остановлен по достижении 300 участников. Метод «случайной выборки» дал следующее соотношение участников по возрастным категориям (рис. 1).

**Возрастной состав респондентов
(общее число - 300)**

■ От 18 до 30 лет ■ От 31 до 50 лет

■ От 51 до 70 лет ■ Старше 70 лет

Рис. 1. Качество выборки по шкале «возраст»

Источник: составлено автором

Fig. 1. Sample quality on the «age» scale

Source: compiled by the author

Для обработки данных было решено объединить в одну группу респондентов старше 31 года.

Так как Республика Адыгея является полиглоссальным регионом, было выявлено представительство респондентов в выбор-

ке по месту рождения для подтверждения достоверности результатов опроса. Состав по признаку места рождения показал валидность опроса, т. к. в нем участвовали представители всех регионов Юга России (табл. 2).

**Таблица 2. Характеристика выборки по шкале «Место рождения»
(Источник: составлено автором)**

**Table 2. Sample characteristics according to the “Place of birth” scale
(Source: compiled by the author)**

Место рождения	Доля в выборке
Республика Адыгея	49,33%
Краснодарский край	21,00%
Карачаево-Черкесская Республика	6,33%
Республика Дагестан	2,00%
Республика Калмыкия	0,33%
Чеченская Республика	12,67%
Центральные регионы России	1,00%
Другое	7,33%

Первый вопрос анкеты касался осведомленности респондентов о существовании НКО в Республике Адыгея (рис. 2).

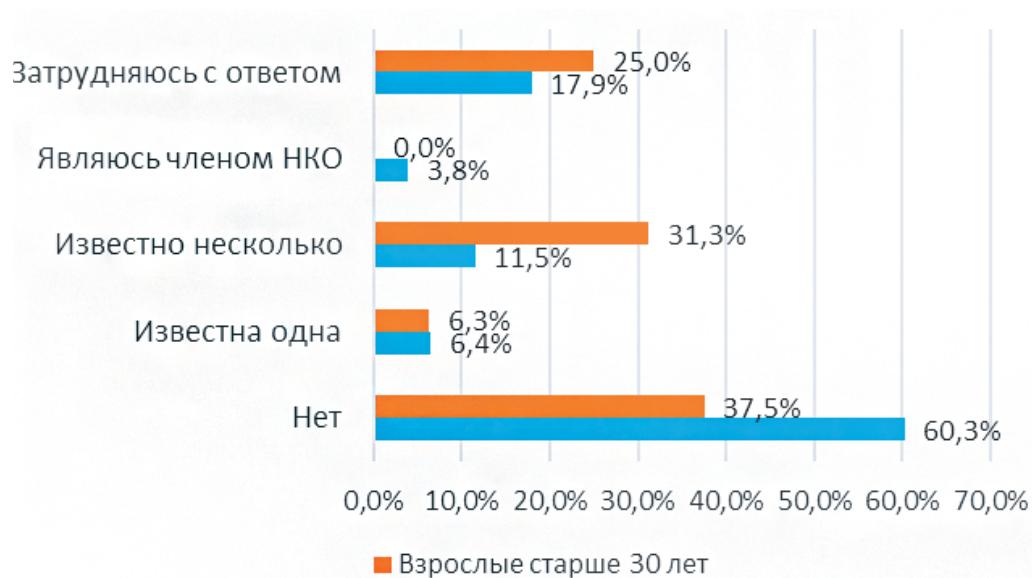

Рис. 2. Ответ на вопрос: «Известны ли Вам некоммерческие организации (НКО), действующие в Республике Адыгея?»

Источник: составлено автором

Fig. 2. Answer to the question: «Are you aware of non-profit organizations (NPOs) operating in the Republic of Adygea?»

(Source: compiled by the author)

По данным таблицы 3 видно, что взрослое население более осведомлено о деятельности НКО (31,3% против 11,5%), а 6,3% сами участвуют в их деятельности. Молодежь меньше знакома с работой НКО (60,3% не знают ни одной организации),

также несколько человек являются участниками НКО (3,8%).

Второй вопрос был направлен на выявление непосредственного участия респондентов в мероприятиях, организованных НКО (табл. 4).

Таблица 3. Ответ на вопрос: «Приходилось ли Вам участвовать в мероприятиях, организованных НКО?»

Источник: составлено автором

Table 3. Answer to the question: «Have you ever participated in events organized by NPOs?»

Source: compiled by the author

Варианты ответов	Молодежь младше 30 лет	Взрослые старше 30 лет
Нет	71,8%	50,0%
Один раз	1,3%	25,0%
Несколько раз	5,1%	6,3%
Участвую постоянно, т. к. являюсь членом НКО	3,8%	6,3%
Затрудняюсь с ответом	16,7%	12,5%

Из таблицы 3 видно, что большинство респондентов ни разу не участвовали в ме-

роприятиях, организованных НКО (71,8% молодых и 50% взрослых). Из этого следует,

что НКО следует более активно пропагандировать свою деятельность среди населения.

В третьем вопросе выяснялось мнение

респондентов о том, какие направления работы НКО для населения Республики Адыгея более актуальны (табл. 4).

**Таблица 4. Ответы на вопрос:
«На какие темы сегодня, по Вашему мнению,
должны быть направлены мероприятия НКО в Республике Адыгея в первую очередь?»
(Возможен выбор нескольких вариантов ответа)**

Источник: составлено автором

**Table 4. Responses to the question:
«What topics, in your opinion, should NPO activities in the Republic of Adygea be focused
on today first and foremost?» (You can select multiple answers)**

Source: compiled by the author

Варианты ответов	Молодежь младше 30 лет	Взрослые старше 30 лет
На развитие инфраструктуры в городе и сельской местности (приведение в порядок территорий, обустройство детских площадок и пр.)	42,3%	36,8%
На организацию культурных мероприятий (фестивалей, конкурсов, концертов и пр.)	38,5%	47,4%
На организацию просветительских мероприятий (лекций, обучающих курсов и т. п.)	26,9%	15,8%
На организацию мероприятий по воспитанию патриотизма среди школьников и студентов	21,8%	42,1%
На организацию мероприятий, посвященных противодействию экстремизму	20,5%	36,8%
На пропаганду традиционных религиозных ценностей	11,5%	21,1%
На сохранение ценностей традиционных этнических культур	29,5%	31,6%
На организацию мероприятий по подготовке граждан к противодействию информационным угрозам	12,8%	26,3%
Затрудняюсь с ответом	26,9%	31,6%

Опрос показал, что для молодежи приоритетными направлениями деятельности НКО являются проекты, касающиеся развития инфраструктуры в городе и сельской местности (приведение в порядок территорий, обустройство детских площадок и пр.) (42,3%) и организации культурных мероприятий (фестивалей, конкурсов, концертов и пр.) (38,8%). Для старших респондентов наиболее важными направлениями оказались проекты, направленные на организацию культурных мероприятий (фестивалей, конкурсов, концертов и пр.) (47,4%) и на организацию мероприятий по

воспитанию патриотизма среди школьников и студентов (42,1%). Необходимость проведения мероприятий НКО по теме противодействия экстремизму отметили 20,5% молодых опрошенных и 36,6% взрослых. Данные показатели свидетельствуют о действительной заинтересованности населения в подобных проектах.

Следующий вопрос выяснял актуальность темы экстремизма и терроризма для населения республики на основе знакомства с подобными материалами на разных информационных площадках Интернета. Полученные данные представлены в таблице 5.

Таблица 5. Ответы на вопрос: «Приходилось ли Вам в лентах Интернета встречать материалы, призывающие к действиям экстремистского характера?»

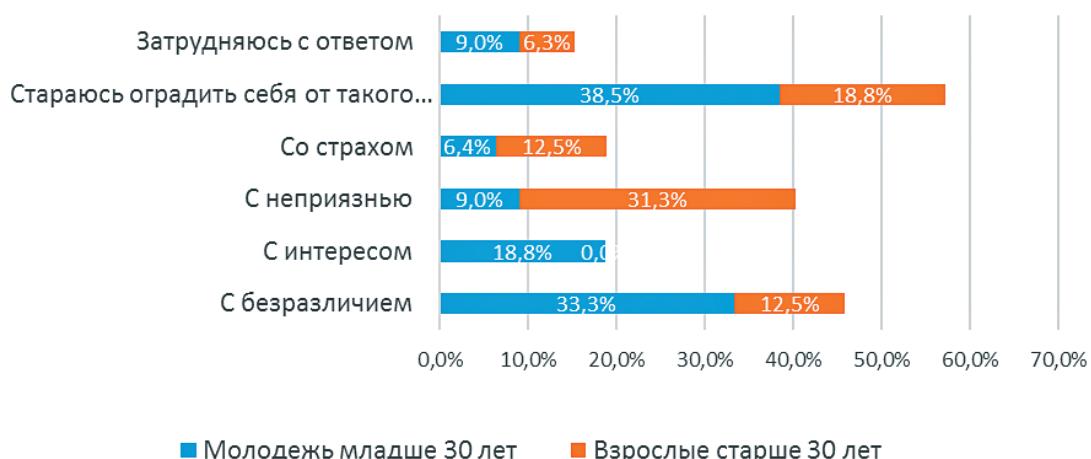
Источник: составлено автором

Table 5. Responses to the question: «Have you ever encountered materials in Internet that call for actions of an extremist nature?» Source: compiled by the author

Варианты ответов	Молодежь младше 30 лет	Взрослые старше 30 лет
Нет	71,8%	43,8%
Изредка	15,4%	18,8%
Регулярно	2,6%	12,5%
Стараюсь не просматривать материалы такого содержания	6,4%	6,3%
Затрудняюсь с ответом	2,6%	18,8%

По результатам опроса видно, что основная масса опрошенных не просматривают в Интернете материалы, так или иначе связанные с темой экстремизма и терроризма (71,8% и 43,8%). Регулярно встречаются с подобным контентом 2,6% молодежи и 12,5% взрослых.

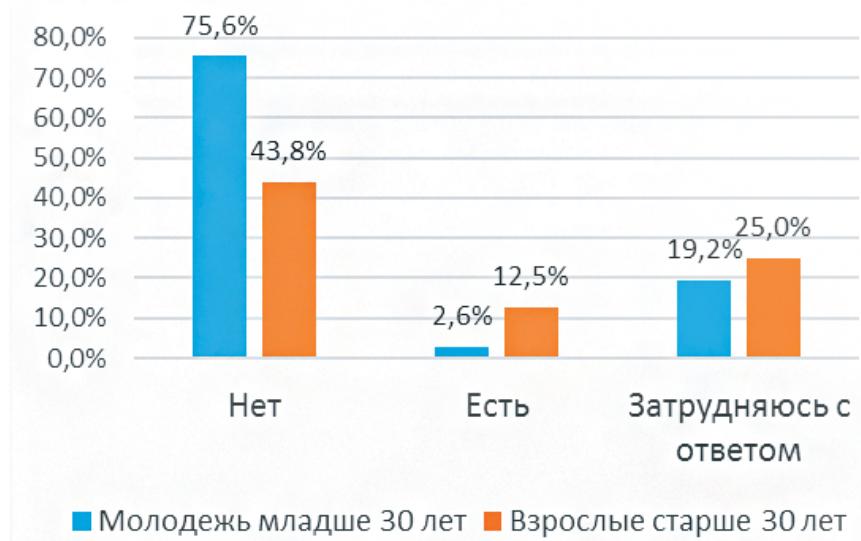
В опросе было важно выяснить, какие эмоции испытывают респонденты при знакомстве с материалами Интернета об экстремизме (рис. 3).

Ответы на вопрос: «Как Вы воспринимаете материалы Интернета, призывающие к действиям экстремального характера?»**Рис. 3. Ответы на вопрос: «Как Вы воспринимаете материалы, призывающие к действиям экстремистского характера?» Источник: составлено автором****Fig. 3. Responses to the question: «How do you perceive materials calling for actions of an extremist nature?» Source: compiled by the author**

Из данных рисунка 3 видно, что взрослые респонденты более остро воспринимают информацию, призывающую к экстремистским действиям: 31,3% ответили, что воспринимают такую информацию с неприязнью, а 12,5% – со страхом. Настораживающим фактом является ответ 18,8% молодых респондентов, которые подобную

информацию воспринимают с интересом. При этом 38,5% данной группы ответили, что стараются оградить себя от такого рода информации.

Следующий уточняющий вопрос касался уровня доверия респондентов к информации экстремистского характера (рис. 4).

Рис. 4. Ответы на вопрос:

«Есть ли среди Ваших знакомых те, кто доверяет информации экстремистского характера в средствах массовой коммуникации (интернет-сайты, блогеры и пр.)?»

Источник: составлено автором

Fig. 4. Answers to the question: «Are there people among your acquaintances who trust information of an extremist nature in the mass media (Internet sites, bloggers, etc.)?»

Source: compiled by the author

Опрос показал, что основная масса респондентов и их окружения не доверяют информации экстремистского характера (75,6 молодых и 43,8% взрослых участников опроса). При этом среди взрослого населения доверчивых людей больше,

чем среди молодежи (12,5% против 2,6%).

В ходе опроса было выяснено, насколько население подвержено угрозам в сфере информационных технологий, в частности – телефонному мошенничеству (табл. 6).

Таблица 6. Ответы на вопрос:

«Есть ли среди Ваших знакомых те, кто подвергался попыткам телефонного мошенничества?»
(Источник: составлено автором)

Table 6. Responses to the question: «Are there any people among your acquaintances who have been subjected to attempts at telephone fraud?» Source: compiled by the author

Варианты ответов	Молодежь младше 30 лет	Взрослые старше 30 лет
Да	89,7%	100,0%
Нет	6,4%	0,0%
Затрудняюсь ответить	3,8%	0,0%

Как видно из таблицы 6, телефонное мошенничество, как форма информационной угрозы, носит глобальный характер и затрагивает подавляющее большинство населения. Особенно в группу риска входят люди старшего поколения в силу большей доверчивости и меньшей ком-

петентности в цифровых технологиях.

Последний вопрос анкеты был направлен на выяснение отношения населения к необходимости НКО в своей деятельности больше уделять внимания вопросам противодействия экстремизму и информационным угрозам (табл. 7).

**Таблица 7. Ответы на вопрос:
«Считаете ли Вы, что в современной политической ситуации НКО должны больше уделять
внимания вопросам противодействия экстремизму и информационным угрозам?»**

Источник: составлено автором

**Table 7. Responses to the question: “Do you think that in the current political situation,
NPOs should pay more attention to issues of countering extremism and information threats?”**

Source: compiled by the author

Варианты ответов	Молодежь младше 30 лет	Взрослые старше 30 лет
Да	52,6%	62,5%
Нет	12,8%	0,0%
Затрудняюсь ответить	34,6%	37,5%

Результаты опроса показали, что у населения есть насущная потребность в деятельности НКО, которая будет сфокусирована на проблемы противодействия экстремизму и информационным угрозам не только опосредованно, но и в специализированном плане.

Обсуждение и заключение. В ходе решения исследовательских задач по теме «О роли некоммерческого сектора в профилактике терроризма, экстремизма и глобальных информационных угроз в республике Адыгея» были получены объективные данные, позволяющие сформулировать следующие выводы:

– в Республике Адыгея зарегистрировано 144 НКО, составляющих некоммерческий сектор работы с населением, что позволяет охватить большую долю жителей в разнообразные формы деятельности;

– наибольшее число НКО реализуют свою деятельность в сфере социальной помощи малозащищенным слоям населения (дети из малообеспеченных семей, сироты, инвалиды, престарелые и пр.);

– среди НКО Республики Адыгея нет организаций, главной целью которых

является работа с населением по противодействию терроризму, экстремизму и глобальным информационным угрозам;

– в реальности вовлеченность в деятельность НКО жителей Республики Адыгея характеризуется как низкая;

– отмечена объективная потребность населения в повышении деятельностной активности НКО в вопросах профилактики терроризма, экстремизма и глобальных информационных угроз.

Основной вывод заключается в том, что деятельность НКО Республики Адыгея, направленная на профилактику терроризма, экстремизма и глобальных информационных угроз, носит опосредованный характер. Достижение результатов строится на работе по патриотическому воспитанию, развитии культурно-досуговой сферы, просветительской деятельности. Большинство НКО организуют свою деятельность на основе участия в конкурсах грантов. Вовлеченность населения Республики Адыгея в мероприятия НКО достаточно низкая, что требует от НКО усиления работы через средства массовой коммуникации.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The authors declare no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Салаватов И.Х. Взаимодействие государства и некоммерческого сектора: формирование уникальной российской модели // Социально-политические науки. 2023. Т. 13, № 3. С. 81-87.
2. Соколов А.В., Исаева Е.А. Формирование некоммерческого сектора в субъектах Российской Федерации (на примере Ярославской области) // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2. С. 334-341.
3. Черкасова А.А., Шамсутдинова Р.З. Роль государства в создании благоприятной правовой среды для некоммерческого сектора // Гавриил Романович Державин – юрист, государственный деятель: сборник научных статей по результатам Международной научно-практической конференции, посвященной 280-летию со дня рождения Гавриила Романовича Державина. Ижевск, 2023. С. 653-659.
4. Ходыкова Н.В. Особенности функционирования некоммерческих организаций России // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. 2001. № 3. С. 45-49.
5. Дзюбак И.С. Теоретические и нормативно-правовые основы деятельности некоммерческих организаций в системе социального обслуживания граждан // Евразийский союз ученых. 2018. № 7-4 (52). С. 30-36.
6. Жеданкова И.В. Организация и проведение PR-коммуникаций для некоммерческих организаций // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 23-26.
7. Грошева Д.Н. Системы контроля качества предоставляемых услуг некоммерческими организациями (на примере исследования социально ориентированных организаций Алтайского края) // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2014. № 1412. С. 139-142.
8. Лежебоков А.А., Сергодеева Е.А., Кузнецова О.Н. Особенности организации управлеченческой деятельности и роль молодежных некоммерческих организаций в развитии региона // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2019. № 5 (76). С. 100-108.
9. Некрасова Д.В., Урасова А.А. Организация управления проектами некоммерческих организаций: возможности гибких методов управления // Исследование проблем экономики и финансов. 2024. № 4.
10. Ерофеева С.Д. Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде: актуальные проблемы, меры профилактики // ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА ГОДА 2023: сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса. Петрозаводск, 2023. С. 72-77.
11. Хусаинова Д.Х. Психолого-педагогические аспекты профилактики проявлений экстремизма // NovaUm.Ru. 2021. № 31. С. 185-187.
12. Мозговая Е.И., Долженков И.О. Социальная профилактика экстремизма в студенческой среде (по материалам социологического исследования) // Научные результаты в социальной работе. 2023. Т. 2, № 3. С. 125-132.
13. Козырбаева М.Ю., Мухамедова Т.Н. Профилактика религиозного экстремизма в исламе путем просвещения // Наука XXI века: проблемы и тенденции развития: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции [Электронный ресурс]. под общ. ред. А.И. Вострецова. М., 2016. С. 168-170.
14. Виноградова Н.Ю. Профилактика молодежного экстремизма среди студентов российских вузов // Научное сообщество студентов: сборник материалов XVII Международной студенческой научно-практической конференции. М., 2018. С. 246-247.
15. Исхаков Э.Р. Формирование гармоничной личности как фактор профилактики экстремизма: опыт, формы, методы // Общественная безопасность: новые идеи и вызовы времени:

материалы Межрегиональной научно-практической конференции по профилактике экстремизма. М., 2016. С. 91-94.

16. Анисимова Л.С. Профилактика молодежного экстремизма в условиях вуза // Категория «социального» в современной педагогике и психологии: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции с дистанционным и международным участием. Ульяновск, 2024. С. 293-296.

17. Плескач Л.В. Модель волонтерской деятельности в рамках методологии IDEF0 // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2024. Т. 16, № 3. С. 142-150.

REFERENCES

1. Salavatov I.Kh. Interaction of the state and the non-profit sector: formation of a unique Russian model // Social and political sciences. 2023. Vol. 13, No. 3. P. 81-87. [In Russ.]
2. Sokolov A.V., Isaeva E.A. Formation of the non-profit sector in the constituent entities of the Russian Federation (the case of the Yaroslavl region) // Humanitarian and social sciences. 2012. No. 2. P. 334-341. [In Russ.]
3. Cherkasova A.A., Shamsutdinova R.Z. The role of a state in creating a favorable legal environment for the non-profit sector // Gavriil Romanovich Derzhavin – a lawyer, a statesman: a collection of scientific articles based on the results of the International scientific and practical conference dedicated to the 280th anniversary of the birth of Gavriil Romanovich Derzhavin. Izhevsk, 2023. P. 653-659. [In Russ.]
4. Khodykova N.V. Features of functioning of non-profit organizations in Russia // Bulletin of the Kalmyk Institute of Socio-Economic and Legal Research. 2001. No. 3. P. 45-49. [In Russ.]
5. Dzyubak I.S. Theoretical and regulatory framework for the activities of non-profit organizations in the system of social services for citizens // Eurasian Union of Scientists. 2018. No. 7-4 (52). P. 30-36. [In Russ.]
6. Zhedankova I.V. Organization and conduct of PR communications for non-profit organizations // Education and science without borders: social and humanitarian sciences. 2016. No. 4. P. 23-26. [In Russ.]
7. Grosheva D.N. Quality control systems for services provided by non-profit organizations (based on a study of socially oriented organizations in the Altai Territory) // Social integration and development of ethnocultures in the Eurasian space. 2014. No. 1412. P. 139-142. [In Russ.]
8. Lezhebokov A.A., Sergodeeva E.A., Kuznetsova O.N. Features of the organization of management activities and the role of youth non-profit organizations in the development of the region // SEARCH: Politics. Social science. Art. Sociology. Culture. 2019. No. 5 (76). P. 100-108. [In Russ.]
9. Nekrasova D.V., Urasova A.A. Organization of project management of non-profit organizations: possibilities of flexible management methods // Research of problems of economics and finance. 2024. No. 4. [In Russ.]
10. Erofeeva S.D. Prevention of terrorism and extremism among young people: current problems, preventive measures // RESEARCH WORK OF THE YEAR 2023: collection of articles of the International research competition. Petrozavodsk, 2023. P. 72-77. [In Russ.]
11. Khusainova D.Kh. Psychological and pedagogical aspects of prevention of manifestations of extremism // NovaUm.Ru. 2021. No. 31. P. 185-187. [In Russ.]
12. Mozgovaya E.I., Dolzhenkov I.O. Social prevention of extremism among students (based on the materials of a sociological study) // Scientific results in social work. 2023. Vol. 2, No. 3. P. 125-132.
13. Kozyrbaeva M.Yu., Mukhamedova T.N. Prevention of religious extremism in Islam through education // Science of the XXI century: problems and development trends: materials of the International (correspondence) scientific and practical conference [Electronic resource]. under the general editorship of A.I. Vostretsov. M., 2016. P. 168-170. [In Russ.]
14. Vinogradova N.Yu. Prevention of youth extremism among students of Russian universities // Scientific community of students: collection of materials of the XVII International student scientific and practical conference. M., 2018. P. 246-247. [In Russ.]

15. Iskhakov E.R. Formation of a harmonious personality as a factor in the prevention of extremism: experience, forms, methods // Public safety: new ideas and challenges of the time: materials of the Interregional scientific and practical conference on the prevention of extremism. M., 2016. P. 91-94. [In Russ.]
16. Anisimov L.S. Prevention of youth extremism in a university setting // The category of «social» in modern Pedagogy and Psychology: materials of the XII All-Russian scientific and practical conference with distance and international participation. Ulyanovsk, 2024. P. 293-296. [In Russ.]
17. Pleskach L.V. Model of volunteer activity within the framework of the IDEF0 methodology // Bulletin of Maikop State Technological University. 2024. Vol. 16, No. 3. P. 142-150.

Информация об авторах / Information about the authors

Асланчери Китович Тхакушинов, доктор социологических наук, профессор, действительный член (академик) Российской академии образования, президент ФГБОУ ВО «МГТУ», заведующий кафедрой философии, социологии и педагогики. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет», 385000, Российская Федерация, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 191, e-mail: prezident@mkgtu

Аминет Магаметовна Сиюхова, доктор культурологии, профессор кафедры философии, социологии и педагогики. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет», 385000, Российская Федерация, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 191; ведущий научный сотрудник Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва», г. Краснодар, Российская Федерация, e-mail: aminsi@mail.ru

Марзият Касеевна Тлехурай, кандидат педагогических наук, начальник управления научной деятельностью. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет», 385000, Российская Федерация, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 191, e-mail: marzeta.t@mail.ru

Aslancheriy K. Tkakushinov, Dr Sci. (Sociology), Professor, Full Member (Academician) of the Russian Academy of Education, President of «Maykop State Technological University», 385000, the Russian Federation, Maikop, 191 Pervomayskaya St., e-mail: prezident@mkgtu

Aminet M. Siyukhova, Dr Sci. (Cultural Studies), Professor, the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy. Maykop State Technological University, 385000, the Russian Federation, Maikop, 191 Pervomayskaya St.; Leading Researcher of the Southern Branch of the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev, Krasnodar, the Russian Federation, e-mail: aminsi@mail.ru

Marziyat K. Tlekhurai, PhD (Pedagogics), Head of the Scientific Activity Department. Maykop State Technological University, 385000, the Russian Federation, Maikop, 191 Pervomayskaya St., e-mail: marzeta.t@mail.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 09.04.2025

Received 09.04.2025

Поступила после рецензирования 20.05.2025

Revised 20.05.2025

Принята к публикации 23.05.2025

Accepted 23.05.2025

Научное издание

Ежеквартальный рецензируемый научный журнал «Вестник Майкопского государственного технологического университета».

Том 17 № 2 2025

Издательство ФГБОУ ВО «МГТУ»

385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191.

Бумага Чайка Бумага А. Печать цифровая.

Гарнитура Times. Усл. п. л. 18,0. Формат 60x84/8

Тираж 500 экз. Заказ 17/02

Отпечатано с готового оригинал-макета
на участке оперативной полиграфии ИП Кучеренко В.О.
385008, г. Майкоп, ул. Пионерская, 403/33.
Тел. для справок 8-928-470-36-87.

E-mail: slv01.maykop.ru@gmail.com

Чтобы убедиться
в подлинности справки, используйте
QR-код, который содержит ссылку на отчет.

Ответ на вопрос, является ли обнаруженное заимствование
корректным, система оставляет на усмотрение проверяющего.
Представленная информация не подлежит использованию
в коммерческих целях